

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Рунаев Тимофей Александрович

**КУЛЬТУРА ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

5.4.6 – социология культуры

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор,
Рожков Александр Юрьевич

Краснодар – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ	23
1.1 Память как предмет изучения в социологии	23
1.2 Социальная идентичность как ценностный ориентир коммеморативного сообщества	47
1.3 Роль культуры памяти в воспроизводстве социальных представлений о прошлом	66
2 КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ	88
2.1 Социальная идентичность современной российской молодежи в контексте общенациональной культуры памяти	88
2.2 Коммеморативная культура учащейся молодежи Краснодарского края в измерениях культуры памяти	119
2.3 Региональная инфраструктура памяти как ресурс формирования идентичности учащейся молодежи	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	167
ПРИЛОЖЕНИЕ А Анкета для учащейся молодежи	191
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Сценарий интервью	195
ПРИЛОЖЕНИЕ В Список респондентов интервью	197
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Контент-анализ школьных учебников по истории	199

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Народы и нации, будучи «воображаемыми сообществами», где люди могут не знать друг друга в лицо, поддерживают свою жизнь коллективными образами прошлого, благодаря которым разрозненные индивиды ощущают свое единство во времени и пространстве. Существование прочных образов прошлого обуславливает наличие у людей чувства преемственности и целостности народа, его устойчивости перед натиском времени. В то время как размытость или отсутствие коллективных представлений об общем прошлом разрушает временную связь, дезориентирует человека в ценностных ориентациях и ставит под сомнение наличие национальной идентичности. Следовательно, главная задача культуры памяти как системы сохранения и воспроизводства образов прошлого заключается в поддержании упорядоченности времени, в стабильности ценностных оснований и в надежности национальной идентичности в условиях социальных трансформаций. Иными словами, культура памяти предлагает человеку точки опоры, благодаря которым нынешняя социальная реальность становится ему близкой и понятной. Однако сегодня вследствие стремительного ускорения и уплотнения времени современное общество переходит в состояние «текучести», где имеет место профанация прошлого и тем самым увеличивается подвижность и непостоянство социальной реальности. В результате разрушение значимости прошлого сегодня помещает человека в неопределенность. Теперь он должен сам прилагать усилия как для создания и воссоздания своей идентичности, так и для наполнения ценностного багажа. Отсюда появляется множество рисков, среди которых: спутанность и переменчивость идентичностей, конфликт ценностей с представителями предшествующих поколений, разрыв связи между личностью и государством.

Для современной России эта проблема является особенно актуальной, поскольку 1990-е гг. были ознаменованы резкими переменами во всех сферах общества, что приводило к отказу от прежних ценностей, которые определяли

идентичность советского человека. Однако новая историческая почва, необходимая для создания российской идентичности, еще не была подготовлена, что приводило к росту национальной напряженности, представленной в кульминационной точке внутренними межэтническими конфликтами. Одним из выходов из сложившейся ситуации стал поиск модели культуры памяти, цель которой была направлена на формирование новой общероссийской идентичности, базирующейся на патриотизме, многонациональности и гражданственности. Для этого со стороны государства внедрялись новые коммеморативные практики, вводился историко-культурный стандарт, принимались законы о защите исторической памяти и разрабатывались программы патриотического воспитания.

Сегодня в России в качестве субъекта социальных отношений выступает учащаяся молодежь, период социализации которой пришелся на процесс деконструкции исторической памяти. Однако новым вызовом в этих условиях стало включение молодых людей в быстро расширяющееся цифровое пространство, которое создает темпоральный модус «вечного настоящего». В результате чего прошлое и будущее исключаются из поля зрения учащейся молодежи, что ведет к темпоральному разрыву, потере ценностных ориентиров и возникновению сложностей самоидентификации. Иначе говоря, образы прошлого в российской молодежной среде перестают быть ценностью, что обуславливает либо выражение индифферентного отношения к прошлому, либо появление склонности к пересмотру оценок истории. Тем самым десакрализация прошлого в молодежной среде ставит под угрозу устойчивое развитие российской идентичности. Поэтому в социологической науке появляется потребность в понимании того, какое место культура памяти занимает в жизни студентов и школьников или какую ценность представляют образы прошлого в массовом сознании учащейся молодежи.

Степень разработанности проблемы. На данный момент имеется много авторов, которых интересовала тема идентичности. Классиками концептуализации идентичности как категории социальных наук являются

Дж. Г. Мид¹, Э. Эриксон², Дж. Марсиа³, И. Гоффман⁴, П. Бергер, Т. Лукман⁵, Г. Тэджфел, Дж. Тернер⁶. Именно представленные авторы определили теоретико-методологический инструментарий и основные направления изучения идентичности, дав современным поколениям социологов очерченный предмет для исследования. С опорой на опыт предшественников появились современные теоретики идентичности, среди которых Э. Гидденс⁷, К. Калхун⁸, С. Холл⁹, Р. Дженкинс¹⁰, Дж. Фридман¹¹, З. Бауман¹², П. Дж. Берк¹³, М. Хогг¹⁴, Р. Брубейкер¹⁵, Х. Уайт¹⁶, Л. Хадди¹⁷, М. Р. Сомерс¹⁸, Д.-К. Мартин¹⁹, А. Мегилл²⁰. Новое поколение ученых продолжило разработку понятия идентичности, связав его с историческими, политическими, сетевыми исследованиями, и тем самым стало смотреть на идентичность не только как на действительность отношений между личностью и обществом, но и как на сконструированный исторический проект современного общества, направленный на интеграцию индивидов.

Отечественная социологическая мысль также развивает концепт идентичности, основываясь на постулатах классиков теории социальной

¹ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. М., 2009; Mead J. G. National-mindedness and International-mindedness // G. H. Mead. A Reader. London; New York, 2011. P. 310-323.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

³ Marcia J. E. Development and Validation of Egoidentity Status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. № 5. P. 551-558.

⁴ Goffman E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. New York, 1963.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

⁶ Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings. 2004. P. 276-293.

⁷ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.

⁸ Calhoun C. Social Theory and Politics of Identity // Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by Calhoun C. Oxford, 1994. P. 10-36.

⁹ Hall S. Introduction: Who Needs «Identity»? // Questions of Cultural Identity. London, 1996. P. 1-17.

¹⁰ Jenkins R. Social Identity. London: Routledge, 2008.

¹¹ Friedmann J. Order and Disorder in Global Systems: a Sketch // Social Research. 1993. Vol. 60. № 2. P. 205-234.

¹² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

¹³ Burk P. J. Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address // Social Psychology Quarterly. 2004. Vol. 67. № 1. P. 5-15; Burk P. J. Identity Change // Social Psychology Quarterly. 2006. Vol. 69. № 1. P. 81-86; Burk P. J., Sets J. E. Identity Theory. Oxford, 2008.

¹⁴ Hogg M. A. Uncertainty-Identity Theory // Advances in Experimental Social Psychology. 2007. Vol. 39. P.69-126.

¹⁵ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

¹⁶ White H.C. Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton; Oxford, 2008.

¹⁷ Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // Political Psychology. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127-156; Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment // The Oxford Handbook of Political Psychology. New York: Oxford University Press, 2013. P. 737-773.

¹⁸ Somers M. R. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach // Theory and Society. 1994. Vol. 23 (5). P. 605-649.

¹⁹ Martin D.-C. The Choices of Identity // Social Identities. 1998. Vol. 1. P. 5-20.

²⁰ Мегилл А. Историческая эпистемология: научная монография. М., 2009.

идентичности, однако она фокусируется на теме интегральной идентичности, уменьшающей вероятность рисков возникновения конфликтов между этнорегиональными группами. Среди таких российских теоретиков социальной идентичности выделяются Л. М. Дробижева²¹, И. С. Семенов²², А. А. Галкин²³, П. С. Гуревич, Э. М. Спирова²⁴, Н. Л. Полякова²⁵, В. Н. Муха²⁶, З. А. Жаде²⁷, Р. Д. Хунагов²⁸, А. Ю. Шадже²⁹. Если же говорить об изучении идентичности российской молодежи как отдельном отечественном социологическом направлении, то следует упомянуть таких авторов, как В. В. Радаев³⁰, Е. Л. Омельченко³¹, В. В. Петухов³², Т. О. Сундукова, Г. В. Ваныкина³³, А. П. Романова, М. М. Федорова³⁴. Определяя возможные ориентиры идентичности молодежи, они описывают социологический портрет российских молодых людей «цифрового поколения» (поколения миллениалов и поколения Z), родившихся на пороге нового тысячелетия. Сегодня, по их мнению, для российского молодого

²¹ Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480-498; Ее же. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. Т. 22. № 11. С. 12-16; Ее же. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2 (77-78). С. 39-52.

²² Семенов И. С. Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М., 2017. С. 405-412.

²³ Галкин А. А. Объективные вызовы и национальная идентичность: тенденции и проблемы // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2013. № 1(68). С. 6-23.

²⁴ Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М., 2015.

²⁵ Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. 22(4). С. 22-42.

²⁶ Муха В. Н. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в западной социологии // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 253-255.

²⁷ Жаде З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 5. С. 19-23; Ее же. Многоуровневая идентичность: опыт исследования в республике Адыгея // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 2. С. 60-62.

²⁸ Хунагов Р. Д. Современная личность в поисках идентичности и аутентичности // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 134-144; Его же. Множество идентичностей в глобализирующемся мире // Власть. 2013. № 2. С. 4-8.

²⁹ Шадже А. Ю. Культурная память и этническая идентичность: концептуально-методологические замечания // Курды Адыгеи. Майкоп, 2015. С. 59-67.

³⁰ Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2019.

³¹ Омельченко Е. С. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск : Симбирская книга, 2004; Ее же. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в. // Социологический ежегодник 2011. С. 243-263.

³² Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138.

³³ Сундукова Т. О., Ваныкина Г. В. Поколение Z: Что дальше? // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 26-28 ноября 2020). Уфа, 2020. С. 77-84.

³⁴ Романова А. П., Федорова М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 9 (95). Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840012223-4-1/>.

человека характерны затруднения в выборе, прагматичность, инфантильность, вовлеченность в цифровую среду, свобода от силы авторитетов, устремленность к переменам, непонимание и утрата ценностных ориентиров предшественников. Эта отличительность влияет на формирования молодежью своего собственного жизненного мира, непонятного для взрослых поколений, что обуславливает стремление молодых людей к обретению новых форм идентичности.

Фокус отечественной социологии также останавливается на региональном масштабе социальной идентичности молодежи Краснодарского края. Например, исследование И. С. Савина³⁵ показывает, что среди молодежи Краснодарского края присутствует несколько типов идентичности («космополитическая», «кубанская», «адыго-шапсугская», «причерноморская»). А работа И. В. Самаркиной и И. С. Башмакова³⁶ демонстрирует, что в среде молодежи Краснодарского края имеется зависимость формирования космополитической идентичности от величины города. Если говорить о проблеме связности идентичности молодежи с региональной культурой памяти, то она рассмотрена в исследовании О. А. Бориско и С. А. Миронцевой³⁷.

В целом теоретической разработкой понятия культуры памяти занимались преимущественно немецкие авторы: Г. Люббе³⁸, Д. Брокмейер³⁹, А. Хьюссен⁴⁰, Э. Мейер⁴¹, А. Ассман⁴², А. Эрлл⁴³, А. Ригней⁴⁴. Несмотря на наличие

³⁵ Савин И. С. Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе (по материалам полевых исследований 2016-2017 гг.) // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. М., 2017. С. 37-70.

³⁶ Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159-171.

³⁷ Бориско О. А., Миронцева С. А. Факторы, субъекты и механизмы формирования региональной идентичности молодежи в представлениях студентов и школьников Краснодарского края // Общество: политика, экономика, право. 2017, № 12. С. 19-23.

³⁸ Lübbe G. Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin; Heidelberg; New York, 1992; Люббе Г. В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем. М., 2016. 456 с.

³⁹ Brockmeier J. Remembering and forgetting: narrative as cultural memory // Culture & Psychology. 2002. Vol. 8(1). P. 15-43.

⁴⁰ Huyssen A. Present past. Urban Palimpsests and the politics of memory. Stanford, 2003.

⁴¹ Meyer E. Memory and Politics // Cultural memory studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York, 2008. P. 173-180.

⁴² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016; Ее же. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

⁴³ Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart, 2017.

индивидуальных коннотаций, авторы сходились во мнении, что культура памяти – это сконструированная социальная система, в которой регламентируется, *что и как* запоминается и вспоминается. При этом социально выстроенные процессы запоминания и воспоминания действуют в трех измерениях: ментальном, социальном и материальном. Ментальное измерение культуры памяти как совокупности образов прошлого, принятых в конкретном обществе, только переживает процесс концептуализации в академическом поле. Осмыслением этого понятия сегодня занимаются Ю. А. Сафронова⁴⁵, Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий⁴⁶, А. Г. Васильев⁴⁷, Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб⁴⁸, А. Сегестен, Дж. Вюстенберг⁴⁹. Согласно их выводам, исследования памяти (*memory studies*), обладающие междисциплинарным характером, хоть и имеют вековую традицию, но до сих пор пребывают в «терминологической многоголосице». В отечественной социологии ярким примером тому являются разные традиции использования понятий памяти общества. Первая группа авторов – В.А. Колеватов⁵⁰, И. Ю. Соломина⁵¹, Е. Рождественская, В. Семенова⁵², Н. С. Шаповалова⁵³ – разрабатывают и продвигают концепт «социальной памяти», вторая группа исследователей – И. М. Савельева, А. В. Полетаев⁵⁴ – отмечают наличие излишней смысловой нагрузки в понятии социальной памяти и

⁴⁴ Rigney A. Remembrance as Remaking: Memories of the Nation Revisited // Nations and Nationalism. 2018. 24(2). P. 240-257.

⁴⁵ Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-27; Ее же. Историческая память: введение : учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

⁴⁶ Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направление исследований в исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. Вып. 2. С. 106-126.

⁴⁷ Васильев А. Г. Современные *memory studies* и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.

⁴⁸ Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Б. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала *Memory Studies* // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 140-145.

⁴⁹ Segesten A. D., Wüstenberg J. Memory studies: The state of an emergent field // Memory studies. 2017. Vol. 10 (4). Pp. 474-489.

⁵⁰ Колеватов В. А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984.

⁵¹ Соломина И. Ю. Социальная память: структура и феномены : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11. Самара, 2005; Ее же. Социальная память и культура: архетип, памятник, забвение. Самара : ООО «РАКС-С», 2013.

⁵² Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27-48.

⁵³ Шаповалова, Н. С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ : дисс. ... канд. соц. наук : 09.00.11. Саратов, 2012.

⁵⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Их же. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7-18.

предлагают вводить в научный оборот такой термин, как «социальные представления о прошлом». Третья группа исследователей, в которую входят Ж. В. Тощенко⁵⁵, А. Н. Малинкин⁵⁶, В. Э. Бойков⁵⁷, Р. Э. Бараш⁵⁸, Л. Н. Мазур⁵⁹, Л. П. Репина⁶⁰, И. А. Синицина⁶¹, В. В. Касьянов, С. И. Самыгин⁶², К. В. Воденко⁶³, А. А. Линченко, О. В. Головашина, Д. А. Аникин⁶⁴, О. В. Ярмак⁶⁵, выступают за использование понятия «исторической памяти» как совокупности наиболее ценных и значимых образов прошлого, конституирующих национальное самосознание.

Российская социология имеет собственную традицию изучения молодежи и исторической памяти. Сегодня проводится большое количество эмпирических исследований исторической памяти российской молодежи. Среди авторов, которые уделяют внимание не только теоретической, но и практической стороне вопроса, выделяются Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зорская⁶⁶, М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги⁶⁷, которые изучают историческую память молодых людей в рамках комплексного подхода, создавая «карту памяти» молодежи и сопоставляя ее с

⁵⁵ Тощенко Ж. В. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. № 4. 2000. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>.

⁵⁶ Малинкин А. Н. Историческая память о Великой отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23-34.

⁵⁷ Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44-52.

⁵⁸ Бараш Р.Э. Историческая память россиян в актуальном общественно-политическом контексте // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 12-23.

⁵⁹ Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3. С. 243-256.

⁶⁰ Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М : Аквилон. 2020. С. 9-36.

⁶¹ Синицина И. А. Историческая память как регулятив современной культуры : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.06. Майкоп, 2008.

⁶² Касьянов, В. В., Самыгин С. И. Историческая и коллективная память и социальный порядок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2019. № 10. С. 76-80.

⁶³ Воденко К. В. Историческая память в социально-гуманитарном дискурсе: многообразие мнений и подходов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 5-13.

⁶⁴ Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123-133.

⁶⁵ Ярмак О. В. Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ российского медиапространства // Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 395-398

⁶⁶ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зорская Н. А. Молодежь России М., 2011.

⁶⁷ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований М., 2020.

ценностной системой всего российского общества. Локальные эмпирические исследования памяти, касающиеся представлений о конкретных периодах истории в молодежной среде, изучали И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун⁶⁸, А. Шор-Чудновская⁶⁹, Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева⁷⁰, А. Б. Ананченко, В. Л. Шаповалов⁷¹. Отдельного внимания заслуживают авторы, которые демонстрируют особенности состояния и функционирования исторической памяти именно учащейся молодежи России. К таким авторам относятся В. В. Кулиш⁷², Г. С. Широкалова⁷³, С. В. Устинкин, Н. М. Морозова, П. Куконков⁷⁴, Е. И. Пронина⁷⁵, Н. Д. Сорокина⁷⁶, И. В. Положенцева, Т. Л. Кащенко⁷⁷. В целом исследования подчеркивают, что историческая память как ментальное изменение культуры памяти российской молодежи имеет меньший объем в сравнении с другими поколениями и больше склоняется к состоянию забвения, а не к сакрализации и процессу вспоминания прошлого.

Не без внимания в социологических исследованиях осталось изучение социального измерения культуры памяти в молодежной среде. Коммеморативные практики как один из инструментов конструирования и передачи образов

⁶⁸ Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. Монография. М. : Издательство АПК и ППРО, 2017.

⁶⁹ Шор-Чудновская А. Советское прошлое в представлениях молодых россиян // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 173-189.

⁷⁰ Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147-156.

⁷¹ Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 100-111.

⁷² Кулиш В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04. Барнаул, 2014.

⁷³ Широкалова Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 145-153.

⁷⁴ Устинкин С. В., Морозова Н. М., Куконков П. И. Память учащейся молодежи о Великой Отечественной войне: общее и особенное // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 299-330.

⁷⁵ Пронина Е. И. Из чего складываются мнения и сомнения студентов среднего профессионального образования // Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020; Кузнецова Н. В., Пронина Е. И. Роль исторической памяти в патриотическом воспитании учащейся молодежи (социологический аспект) // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2020. №11. Режим доступа: <http://science-gsi.ru/wp-content/uploads/17.-Kuznetsova-N.-V.-Pronina-E.-I.-Rol-istoricheskoy-pamyati-v-patrioticheskom-vospitanii-uchashhejsya-molodezhi-sotsiologicheskijaspkt.pdf>

⁷⁶ Сорокина Н. Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 144-152.

⁷⁷ Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42-46.

прошлого изучали М. Габович⁷⁸, А. Архипова, Д. Доронин, А. Кирзюк, Д. Радченко, А. Соколова, А. Титков, Е. Югай⁷⁹. Школа как институт культуры памяти рассмотрен такими авторами, как В. П. Бедерханова, Т.А. Хагуров, А. А. Остапенко⁸⁰, Ю. В. Павлова⁸¹, М. А. Красноборов⁸². А влияние такого института, как музей, на формирование исторической памяти молодежи изучено Н. Г. Самариной⁸³, Ю. В. Зевако⁸⁴, Л. А. Хачатрян, А. А. Чернегой⁸⁵. Вывод упомянутых авторов сводится к тому, что механизмы передачи исторической памяти – это не стихийный, а организованный и спланированный комплекс мер, позволяющий современным исследователям говорить о существовании политики памяти⁸⁶.

Материальное измерение культуры памяти в молодежной среде, то есть отношение молодых людей к мемориальным объектам, представлено на страницах работ И. М. Богдановской, П. А. Диденко, Н. Н. Королевой⁸⁷, С. В. Мохова⁸⁸, А. В. Стрельниковой⁸⁹, которые сходятся во мнении, что памятники

⁷⁸ Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 93-111.

⁷⁹ Архипова А. С., Доронин Д. Ю., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А. Д., Титков А. С., Югай Е. Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122.

⁸⁰ Бедерханова В. П., Остапенко А. А., Хагуров Т. А. Роль школьных курсов литературы, истории и обществознания в профилактике экстремизма в молодежной среде. Краснодар, 2017.

⁸¹ Павлова Ю. В. Социальная память учителей истории: поколенческий аспект // Социология и право. 2016. № 3 (33). С. 89-97.

⁸² Красноборов М. А. Социальные технологии формирования исторической памяти обучающихся в системе среднего общего образования : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. 22.00.08. СПб., 2018.

⁸³ Самарина Н. Г. Современный музей: кризис или «ответ» на «вызов»? // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 334-345.

⁸⁴ Зевако Ю. В. Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг. // Журнал Фронтирных Исследований. 2021. № 1. С. 93-143.

⁸⁵ Хачатрян Л. А., Чернега А. А. Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 2 (10). С. 167-172.

⁸⁶ Аникин Д. А., Бубнов А. Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1. С. 19-28; Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 27-53; Миллер А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32; Его же. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328-367.

⁸⁷ Богдановская И. М., Диденко П. А., Королева Н. Н. Вербальная семантика представлений о городских памятниках у молодежи мегаполиса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 67-77.

⁸⁸ Мохов С. В. Городской памятник, как инструмент nation - building : символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 17-29.

⁸⁹ Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 231-238.

сегодня слабо определяют идентичность молодых людей и становятся для них лишь реперными точками освоения городского пространства.

О значимости проблемы культуры памяти в молодежной среде свидетельствует присутствие интереса к ней со стороны региональных исследователей. Проблемами исторической памяти как ментального измерения культуры памяти молодежи Юга России занимались В. А. Фролов⁹⁰ (в Ростовской области), Н. А. Ильинова, Е. С. Куква, С. В. Макеев, В. Н. Нехай, З. М. Хачецуков, А. Ю. Шадже⁹¹, Э. А. Шеуджен⁹², (в республике Адыгея); М. В. Донцова, И. Г. Тажидинова⁹³, Т. Н. Белопольская⁹⁴, Е. С. Студеникина⁹⁵ (в Краснодарском крае). Школьное историческое образование как социальное измерение культуры памяти представлено в статьях А. А. Кочергина⁹⁶, а на проблеме отношений к мемориалам со стороны молодежи Краснодарского края останавливались Г. И. Бондаренко, Н. Е. Продиблох⁹⁷. Изучением коммеморативной культуры молодежи Юга России в историческом измерении занимался А. Ю. Рожков⁹⁸.

⁹⁰ Фролов В. А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках: дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04. Краснодар, 2014.

⁹¹ Ильинова Н. А. Октябрьская революция 1917 года в оценке студенческой молодежи / Н. А. Ильинова, Е. С. Куква, С. В. Макеев, В. Н. Нехай, З. М. Хачецуков, А. Ю. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4. С. 180-196.

⁹² Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Майкоп, 2010.

⁹³ Донцова М. В., Тажидинова И. Г. Октябрьская революция 1917 г. в историческом сознании современной студенческой молодежи // Наследие веков. 2017. № 2. С. 15-19; Их же. «Есть у революции начало...»: что знают и думают о событиях Октября 1917 года современные студенты // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием, 6–10 октября 2017 г.; отв. ред. А.А. Зайцев. Краснодар: Традиция, 2017. С. 254-261.

⁹⁴ Белопольская Т. Н. Современное студенчество о Великой Отечественной войне // Наследие веков. 2015. № 1. С. 105-109.

⁹⁵ Студеникина Е. С. Гражданская война в представлениях современного студенчества // Наследие веков. 2018. № 2. С. 14-18.

⁹⁶ Кочергин А. А. Великая Отечественная война в учебниках по истории кубанского казачества // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.). Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 582-591.

⁹⁷ Бондаренко Г. И., Продиблох Н. Е. Памятники Великой Отечественной войны в структуре ценностей современной молодежи // Наследие веков. 2015. № 1. С. 95-104.

⁹⁸ Рожков А. Ю. Прологомены к анализу школьных сочинений 1945 года как источников детских воспоминаний о войне // Вторая мировая война в памяти поколений: материалы и исследования. Краснодар, 2009. С. 111–141; Его же. Мыши съели людей: Память о голоде 1932–33 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. : материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 48–57; Его же. Коли терор ще не був «великим»: переломна доба і люди в автобіографічній пам'яті арештанта ОГПУ // Схід-Захід (Харків). 2009. Вип. 13–14. С. 126–160; Его же. Вторая мировая война в детских «рамках памяти» : сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар:

Но, несмотря на широкое освещение состояния различных измерений культуры памяти в молодежной среде, сегодня еще остаются «белые пятна» поставленной проблемы. Во-первых, на данный момент слабо представлено воздействие культуры памяти на конструирование социальной идентичности учащихся старшей школы. Во-вторых, на региональном уровне изучение учащейся молодежи Краснодарского края в социальной системе запоминания и воспоминания носит «точечный», а не комплексный характер, который учитывал бы инфраструктуру памяти и ее восприятие в молодежной среде.

Объект исследования – культура памяти как система запоминания, сохранения и трансляции образов прошлого, конституирующая и воспроизводящая социальный порядок.

Предмет исследования – влияние культуры памяти на формирование социальной идентичности современной учащейся молодежи Краснодарского края.

Цель исследования – выявить специфику влияния культуры памяти на конструирование социальной идентичности учащейся молодежи Краснодарского края в современных условиях.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационной работы необходимо решение следующих исследовательских **задач**:

– обосновать концептуальное понимание «памяти» в истории социологической науки для определения основных тенденций исследования мемориальной проблематики в современной социологии;

– выявить особенности социальной идентичности как ценностного ориентира сообщества в ракурсе исторического и современного опыта социальных наук;

– определить субстанциональные основы понятия «культура памяти», раскрыв функционирование ее структурных элементов в социальной жизни;

– раскрыть особенности идентичности современной российской молодежи в контексте общенациональной культуры памяти, определив наличие у

Экоинвест, 2010; Его же. «Маленькие истории» большой войны: воспоминания об «оккупированном детстве» в школьных сочинениях 1945 г. // "Гуляй там, где все". История советского детства : опыт и перспективы исследования. М., 2013. С. 259-292.

молодежи позитивных образов исторической памяти и отношения молодежи к институтам сохранения и воспроизводства прошлого;

– выявить характерные черты коммеморативной культуры старшеклассников и студентов как способа конституирования социальной идентичности в границах ментального, социального и материального измерений культуры памяти;

– установить особенности региональной «инфраструктуры памяти» (школьных учебно-методических комплексов по истории, места преподавателя и роли музеев) в формировании социальной идентичности учащейся молодежи.

Гипотеза исследования. Учащаяся молодежь находится под прямым воздействием социальных институтов, ответственных за сохранение и трансляцию памяти. Поэтому, чем больше объекты инфраструктуры памяти (учебно-методические комплексы, педагоги, музейные экспозиции) влияют на исторические представления старшеклассников и студентов, тем вероятнее формирование позитивной общенациональной и региональной идентичности среди учащейся молодежи. Предполагается, что слабое влияние инфраструктуры памяти на конструирование образов прошлого среди обучающихся молодых людей делает возможными риски складывания диффузной или негативной идентичности.

Теоретико-методологические основания исследования. В рамках диссертационного исследования культура памяти учащейся молодежи региона изучается на основании двух теоретико-методологических подходов:

1) *культурно-исторический подход* (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, Ж. Ле Гофф, Э. Хобсбаум)⁹⁹ предполагает, что память имеет многоуровневую структуру: в первую очередь, имеются индивидуальные воспоминания, которые

---

⁹⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : «Языки славянской культуры», 2004; Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое литературное обозрение, 2019; Ее же. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014; Assman A. Canon and Archive // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008. P. 97-107; Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Издательство С-Петербургского университета, 1999. С. 17-50; Ле Гофф, Ж. История и память. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013; Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

приобретают жизненный потенциал только в том случае, если они циркулируют между людьми, выходя на уровень коммуникативной памяти, которая дает основу для конструирования коллективной памяти, определяющей идентичность общества. Коллективная память, в свою очередь, укрепляется и становится устойчивее перед натиском времени, если обретает форму в виде текстов, материальных предметов или традиций. Тем самым, воспоминание становится достоянием культурной памяти. Следовательно, если общество стремится к сохранению своей идентичности, то ему необходимо наличие институциональной и материальной инфраструктуры памяти.

2) *социологический подход* не фокусируется исключительно на идентичности и внешних мемориальных носителях, он предлагает смотреть на память как на инструмент взаимодействия между индивидами, с помощью которого люди объединяются в социальные группы (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс)¹⁰⁰, конструируют социальную реальность (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман)¹⁰¹, распределяют статусно-ролевые позиции (Т. Парсонс)¹⁰² и борются за господство в социальном пространстве (Р. Барт, М. Фуко, П. Бурдьё, Ф. Р. Анкерсмит)¹⁰³.

Эмпирическая база исследования условно делится на два кластера: изучение коммеморативной культуры учащейся молодежи и изучение инфраструктуры памяти. Первый кластер составили материалы анкетного опроса, проведенного диссертантом в феврале-марте 2021 г. среди учащейся молодежи

¹⁰⁰ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии М. : Элементарные формы, 2018; Его же. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М. : Канон, 1995. С. 208-243; Его же. Материалистическое понимание истории // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. С. 199-207; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.

¹⁰¹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2004.

¹⁰² Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический проект, 2002.

¹⁰³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 1989; Его же. Мифологии. М. : Академический Проект, 2008; Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная Академия, 2004; Его же. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и текстуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47-96; Foucault M. Film in Popular Memory: An Interview with Michel Foucault // The Collective Memory Reader. Oxford : Oxford University Press. 2011. Pp. 249-251.; 13. Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М. : Просвещение, 2007; Его же. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001; Его же. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 293-315; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Краснодарского края. Генеральная совокупность, включающая студентов высших учебных заведений и учащихся 9-11-х классов Краснодарского края (по данным на 2019 год) составляет 215 тыс. чел., из них 50,7% - студенты направления подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры и 49,3% - школьники 9-11-х классов¹⁰⁴. Для проведения исследования применялась стратификационная выборка. В итоге выборочная совокупность составила 400 респондентов, из которых 48 % – студенты высших учебных заведений, 52 % – учащиеся 9-11-х классов средних образовательных учреждений. В рамках стратегии качественного анализа диссертантом было взято 30 полуструктурированных интервью молодых людей в возрасте 15-27 лет (среди них 21 интервью студентов, 9 интервью старшеклассников). Также для определения коммеморативной плотности исторической памяти в январе 2020 г. автором было собрано 70 сочинений школьников 15-17 лет.

Второй кластер эмпирической базы представлен 1) контент-анализом 10 школьных учебников по истории России и «Кубановедению», проведенным посредством компьютерной программы Atlas.ti 9, а также 2) девятью экспертными интервью школьных учителей истории (5 интервью) и младших научных сотрудников музея / экскурсоводов (4 интервью).

Для сравнения полученных результатов с общероссийским или региональным состоянием культуры памяти молодых людей использовались вторичные данные ВЦИОМ, ФОМ, Российского общества социологов (РОС), Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) диссертантом установлено место социологии памяти как самостоятельной научной отрасли в системе социологического знания, имеющей собственный предмет в виде «коммеморативного сообщества»;

---

¹⁰⁴ Подсчет учащихся 9-11-х классов проводился на основе данных Краснодарстата о численности обучающихся, получивших аттестат в 2018–2019 гг., в результате чего совокупность школьников обозначенного диапазона классов составила 106 тыс. чел.: 61 тыс. чел. – выпускники 9-х классов, ок. 45 тыс. чел. – учащиеся 10-11-х классов (см. Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. Краснодарстат Краснодар, 2020. С. 117).

2) предложена авторская интерпретация социальной идентичности как основополагающей черты коммеморативного сообщества в рамках различных теоретических подходов социальных наук;

3) произведено уточнение понятия «культура памяти»: констатирован опыт его использования в социальных науках, определено содержательное наполнение термина, зафиксировано проявление его структурных элементов в социальной жизни;

4) выделены актуальные позитивные образы коммеморативной культуры современной российской молодежи, а также возможные риски негативной трансформации социальной идентичности в рамках общероссийской культуры памяти;

5) впервые использована модель измерений коммеморативной культуры для определения социальной идентичности учащейся молодежи Краснодарского края: показано, как ментальное, социальное, материальное измерения влияют на формирование социальной идентичности;

6) впервые исследовано содержание региональной инфраструктуры памяти Краснодарского края и ее роль в поддержании и трансляции социальной идентичности среди учащейся молодежи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Опыт изучения памяти в социологической науке позволяет ввести в оборот понятия «коммеморативного сообщества», «коммеморативной культуры» и «инфраструктуры памяти». Под «коммеморативным сообществом» понимается группа людей, объединенных общим набором образов прошлого, поддерживаемым двумя взаимосвязанными элементами культуры памяти: коммеморативной культурой – репертуаром сложившихся «снизу» установок по отношению к прошлому, – и обслуживающей ее инфраструктурой памяти, то есть специальным комплексом организаций и экспертов, ответственных за сохранение и трансляцию образов прошлого «сверху». Тем самым критериями существования коммеморативного сообщества являются: наличие общих ценных образов прошлого, отсылающих к экстраординарным событиям; существование

институционального аппарата, функция которого – конструирование и воспроизводство исторического нарратива; единство и непротиворечивость значений образов прошлого, которые индивиды используют в процессе коммуникации; направленность на формирование позитивной социальной идентичности.

2) Инфраструктура памяти очерчивает рамки номинальной идентичности, задавая свои стандарты образов прошлого в виде групповых прототипов, смыслов и ценностей. Однако коммеморативная культура, конструирующая действительную идентичность, способна иметь собственное видение стандартов. И если отношения людей к прошлому, представленные в виде коммеморативной культуры, совпадают со стандартами инфраструктуры памяти, то складывается позитивная социальная идентичность, поддерживающая связь человека с коммеморативным сообществом. В противном случае социальная идентичность слабеет, приобретает характер смешанной или негативной идентичности, а человек отдаляется от коммеморативного сообщества. В такой ситуации человек начинает искать новые сообщества с целью уменьшения неопределенности, вызванной кризисом идентичности. Следовательно, гарантом сохранения социальной идентичности коммеморативного сообщества является целостность и согласованность элементов культуры памяти.

3) В современных социальных науках имеется два подхода к пониманию «культуры памяти». Политический подход сводит дефиницию понятия к политике памяти, представляя культуру памяти как совокупность методов управления прошлым в рамках конкретного сообщества. Культурологический подход дает более широкое осмысление: он подразумевает не только административные способы сохранения и поддержания прошлого в виде инфраструктуры памяти, но и наличие единых сложившихся в течение длительного времени общих воспоминаний и практик поминовения среди членов коммеморативного сообщества. Согласно второму подходу, любое коммеморативное сообщество имеет свою уникальную культуру памяти – систему сохранения, поддержания, трансляции образов прошлого, конституирующую социальную идентичность и

воспроизводящую социальный порядок. Это сложная система, поскольку элементы культуры памяти (инфраструктура памяти и коммеморативная культура) функционируют в трех социокультурных измерениях: *ментальном*, *социальном* и *материальном*. Тем самым для максимальной устойчивости коммеморативного сообщества необходимо не только совпадение элементов культуры памяти, но и их внутреннее единство измерений.

4) Современная российская молодежь, будучи носителем общероссийской коммеморативной культуры, имеет два наиболее ярких образа прошлого, которые предстают в качестве ценности для поддержания позитивной общенациональной идентичности, несмотря на наличие тенденции к десакрализации прошлого. Первым образом является Великая Отечественная война, которая продолжает считаться самым значимым историческим событием, что усиливается благодаря циркулирующему капиталу семейной памяти. Вторым образом выступает «брежневская эпоха», которая предстает в качестве самого популярного периода в советской истории, отличающегося такими характеристиками, как справедливость, социальный оптимизм, успехи в науке и образовании. Однако в среде российской молодежи младшей возрастной когорты имеются риски, способные привести к неустойчивости российского коммеморативного сообщества, среди которых усиление деструктивного влияния Интернета на формирование коммеморативной культуры молодежи, обесценивание инфраструктуры памяти, связанной с образом Великой Отечественной войны, и неприятие сложившейся системы патриотического воспитания в школьном образовании.

5) Для студентов и школьников Краснодарского края характерно наличие позитивной общероссийской идентичности, что обуславливается высоким уровнем самооценки знаний по истории России (в отличие от истории региона), доверием к традиционным источникам получения информации о прошлом (учебникам, педагогам, музейным экспозициям), положительным отношением к коммеморативным практикам и мемориалам. Однако среди учащейся молодежи Краснодарского края имеется «группа риска», которая склоняется в сторону

негативной идентичности. Учащаяся молодежь Краснодарского края, входящая в «группу риска», имеет деформации в социальном измерении культуры памяти: она меньше прислушивается к педагогу, но больше, чем другие молодые люди, доверяет Интернет-ресурсам в получении сведений о прошлом. Коммеморативные практики для молодежи с негативной идентичностью не имеют личной и социальной значимой ценности, в связи с чем, среди таких молодых людей присутствуют ревизионистские настроения в отношении устоявшихся социально значимых практик поминовения.

б) Вектор инфраструктуры памяти Краснодарского края направлен на формирование позитивных образов социальной идентичности, центральными из которых выступает исторический образ «русских» (групповой прототип общенациональной идентичности) и «казаков» (групповой прототип региональной идентичности). Первые изображают как целостную общность, которая имеет единое коллективное самосознание, всегда активизирующееся перед натиском трудностей. Вторые предстают в качестве особой группы людей, которые обладают военизированным укладом жизни, защищают территории и выступают гарантом правопорядка. При этом в среде учащейся молодежи Краснодарского края более востребована ориентация на общероссийские, а не региональные образы, предлагаемые инфраструктурой памяти. В условиях прагматичного стиля жизни современной учащейся молодежи, который поддерживается учительским сообществом, образы региональной идентичности, базирующиеся на темпоральной отдаленности и смысловой узости, утрачивают интерес в молодежной среде. Вследствие чего такие ресурсы инфраструктуры памяти, как школьный региональный учебный предмет «Кубановедение» и локальные историко-краеведческие музеи становятся все менее эффективными в формировании позитивной социальной идентичности учащейся молодежи.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что с помощью синтеза теоретических подходов в научный оборот продвигается использование концепта культуры памяти как неотъемлемого условия существования устойчивого коммеморативного сообщества. В условиях быстро растущего

междисциплинарного поля исследований памяти понятие культуры памяти облегчает снятие запутанности и противоречий дефиниций различных видов памяти (коллективной, социальной, культурной, исторической и т.д.) и задает интегративную тональность изучения мемориальных проблем. Таким образом, материалы диссертации позволяют внести вклад в последующее развитие теорий памяти и идентичности как части предметного поля социологии культуры.

Практическая значимость работы. Научный анализ данной проблематики может служить основой для разработки учебных программ по истории и внеурочной деятельности в общеобразовательных учреждениях, а также для составления методических рекомендаций государственным и муниципальным органам власти, занимающимся молодежной политикой и сферой патриотического воспитания.

Материалы исследования могут найти место при чтении курсов «Социология культуры», «Социология молодежи», «Методика преподавания истории» и др.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Диссертационное исследование полностью соответствует требованиям паспорта специальности 5.4.6 – социология культуры: п. 14. Культурная социализация и самоидентификация личности; п. 17. Образование и процесс культурного воспроизводства.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования нашли отражение в 18 публикациях общим объемом 7,1 п.л., включая 5 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК, и 1 статью в Web of Science.

Выводы и положения диссертационной работы докладывались на ряде всероссийский и международных научных конференциях, в том числе «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза» (Адлер, 2016); «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (Адлер, 2016), «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия», (Адлер, 2017), «Общественные науки в современном мире: политология, социология,

философия, история» (Москва, 2017), «XIV Конгресс антропологов и этнологов России» (Томск, 2021).

Также результаты диссертационной работы используются в реализации научного проекта РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России» под руководством А. Ю. Рожкова (2021 г.).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Общий объем диссертационного текста составляет 204 страницы.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1 Память как предмет изучения в социологии

В современных социогуманитарных науках все больше внимания уделяется проблемам памяти, вокруг которой выстраивается специальное академическое поле и открываются учебные курсы и магистерские программы в высших учебных заведениях. Однако, несмотря на «нахлынувшую» популярность современных исследований памяти, необходимо учитывать, что в социологии память как предмет изучения имеет давнюю традицию, берущую начало еще с рождения и становления самой науки об обществе.

Память в классической социологии. Общеизвестный основатель социологической науки О. Конт касается вопроса о памяти применительно к созданию культа Великого Существа, суть которого – поклонение человечеству и практическое служение ему с целью увеличения знаний о нем¹⁰⁵. Поминование в рамках этого культа решает несколько задач. Во-первых, обращение к предкам помогает современникам ощутить универсальное чувство, которое для каждого индивида будет означать утрату. Во-вторых, поминовение может отсылать к добродетелям прошлого, которые станут моральным образцом для людей в настоящем. В-третьих, акт вспоминания прошлого ставит людей в равное положение, поскольку любой человек актуализируется в настоящем из альтруистических чувств – с целью конституирования общей пользы для всего общества. Таким образом, практика поминовения делает индивидов сопричастными с жизнью Великого Существа¹⁰⁶. Формой поминовения, то есть действием, которое связывает человека с умершими людьми, для О. Конта является молитва. Именно в процессе молитвы человек усиленно создает образы

---

¹⁰⁵ Pickering M. *Auguste Comte*. Cambridge. 2009. P. 334.

¹⁰⁶ Конт О. *Общий обзор позитивизма*. М., 2012. С. 161-163.

людей прошлого¹⁰⁷. Тем самым через «культ усопших», выраженный в молитвенном поминовении, человечество становится темпорально целостным, так как прошлое и настоящее органично связывается для развития человечества в будущем.

Последующее развитие память получила в трудах Э. Дюркгейма. Он не затрагивал память напрямую, но его размышления о коллективном сознании позволяют разглядеть отблески мемориального дискурса. Опорным моментом всей теоретической конструкции Э. Дюркгейма является мысль о том, что весь мир человека состоит из двух диаметрально противоположных сфер: сакрального и профанного¹⁰⁸. В истории социологии «сакральное» имеет различное понимание, но для Э. Дюркгейма – это священные объекты и представления, в которых совмещается «божественное» и «социальное»¹⁰⁹. В то время как «профанное» – это сфера индивидуальности и обыденности, в которой находится каждый отдельный человек. Тем самым социальность и индивидуальность качественно противопоставлены друг другу, поэтому память тоже неоднородна: она может быть социальной, то есть сакральной, и индивидуальной, то есть профанной.

Память общества в мыслительном пространстве Э. Дюркгейма многомерна. Немецкий социолог В. Гепхард отмечает, что существует четыре измерения интерпретации Э. Дюркгейма, в которых прослеживается тематика памяти¹¹⁰:

1) *символическое*: включает образы и представления, которые являются знаками. Благодаря таким представлениям, разрозненные люди начинают ощущать чувство общности, так как множество индивидуальных сознаний объединяются в одно коллективное сознание. Однако коллективное сознание и, следовательно, память общества не нужно понимать как компиляцию воспоминаний людей – это автономная внешняя реальность¹¹¹. Люди могут

¹⁰⁷ Pickering M. Op. cit. P. 337.

¹⁰⁸ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии. С. 80.

¹⁰⁹ Зенкин С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012. С. 37.

¹¹⁰ Gephart W. Memory and the sacred: The cult of anniversaries and commemorative rituals in the light of The Elementary Forms // On Durkheim's Elementary forms of religious life. London; New York. 1998. P. 129-131.

¹¹¹ Дюркгейм Э. Материалистическое понимание истории С. 207.

вносить массу собственных единичных представлений, между которыми, согласно Э. Дюркгейму, происходит нечто похожее на «химический синтез», преобразующий первоначальные представления¹¹²: из профанных они становятся сакральными. Однако существовать коллективные представления могут только благодаря проникновению в индивидуальные сознания. Иначе говоря, пока в индивидуальных сознаниях находится общее воспоминание (результат «синтеза»), то социальная группа будет жить; если образы тускнеют, то они теряют сакральный ореол, а общество погибает¹¹³;

2) *нормативное*: представлено правилами обращения с прошлым, защищающим его от осквернения. Дело в том, что сакральное необходимо защищать от покушения со стороны профанного, иначе оно превратится в «скверну»¹¹⁴ – разрушительную силу, что подвергнет риску существование общества. Именно поэтому обществом накладываются запреты и предписания действий по отношению к сакральным объектам. Сначала возникает негативный культ – система запретов, которая очерчивает границы сакрального, дистанцирует значимые для общества представления и вещи от обыденной жизни, а потом – позитивный культ, благодаря которому индивиды знают, как правильно входить в контакт с сакральным¹¹⁵;

3) *организационное*: выражено специальными институтами, осуществляющими сохранение и систематическую передачу прошлого из поколения в поколение путем социализации индивидов. Эти организации позволяют коллективной памяти как внешней реальности проецироваться в сознаниях отдельных людей. Таким образом, человек из индивидуального существа, состоящего из психических черт, становится социальным существом,

¹¹² Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. С. 234.

¹¹³ Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 142.

¹¹⁴ Кайуа Р. Двойственность сакрального // Коллеж социологии. М. : Наука, 2004. С. 242-243.

¹¹⁵ Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 3. № 2. С. 150-151.

наделенным памятью общества, представленной системой идей, чувств и привычек¹¹⁶;

4) *деятельностное* измерение состоит из коммеморативных ритуалов, которые совершают индивиды для коллективного вспоминания социально значимых событий. Для Э. Дюркгейма практики поминовения – это связующее звено между профанным и сакральным, между индивидуальным и социальным, поскольку они позволяют людям воссоздать коллективные воспоминания, вырваться за границы своей индивидуальности и ощутить единство с группой. Тем самым коммеморативные ритуалы позволяют людям «связать прошлое и будущее, индивида и группу»¹¹⁷.

Хотя Э. Дюркгейм не применял термин «социальная / коллективная память», его ценность состоит в содержательном разделении памяти индивида и памяти общества. Неудивительно, что как в теоретической схеме, так и в практической жизни, он отдавал предпочтение последней из-за сакрального происхождения, способного концентрировать рассеянных индивидов в единую социальную группу.

Другое понимание памяти общества было приведено научным оппонентом Э. Дюркгейма – Г. Тардом. Он предложил смотреть на общество не как на независимую от индивида реальность, а как на отношения между людьми, где один подражает действия другого. Особенность подхода Г. Тарда в том, что он задает темпоральную модальность, где все воспринятое при подражании повторяется. Сущность памяти заключается в одновременном удержании и повторении всего воспринятого. Следовательно, «подражание оказывается точно соответствующим памяти»¹¹⁸, и в каждый момент времени индивиды повторяют социальный опыт. Помимо повторения память выполняет функцию упорядочивания множества различных несвязанных восприятий¹¹⁹. Способность вместить массу созерцаний обуславливается сжатием: похожие или

¹¹⁶ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. С. 254-255.

¹¹⁷ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии. С. 626.

¹¹⁸ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1991. С. 151.

¹¹⁹ Он же. Указ. соч. С. 140, 152.

тождественные случаи сливаются, поэтому все прошлое становится совокупностью сжатий¹²⁰. Повторяемая совокупность сжатий прошлого, согласно Г. Тарду, предстает в двух видах: в привычках и в воспоминаниях, то есть в восприятиях прошлого, превратившихся в понятия¹²¹. Таким образом, Г. Тард задает новую тональность исследования памяти: он понимает ее в качестве произведенного продукта множества людей, созданного посредством сжатия и повторения восприятий индивидуальных сознаний.

Следующим первопроходцем в социологии памяти был ученик Э. Дюркгейма М. Хальбвакс, ставший «классиком» мемориальных исследований. Хотя его путь к обладанию статуса классика очень тернист: разработанный им концепт «коллективной памяти» был подвергнут критике со стороны университетских коллег – психолога Ш. Блонделя и историка М. Блока, – а после Второй мировой войны его идеи и вовсе были забыты¹²². Критика в адрес М. Хальбвакса сводилась к тому, что он, следуя за своим учителем Э. Дюркгеймом, утверждал о полной зависимости индивидуальных воспоминаний от общества, в котором существует человек. Этот вывод М. Хальбвакса исходил из положения, что человек всегда помещен в сообщества, которые накладывают «рамки» на воспоминания конкретного индивида¹²³. Несмотря на остракизм психологических оснований воспоминания, за который М. Хальбвакс становился объектом критики, его идеи ощущают момент переосмысления в современной отечественной социологии¹²⁴.

М. Хальбвакс переосмыслил понятие коллективной памяти. Он был согласен с Э. Дюркгеймом и считал, что коллективную память нельзя

¹²⁰ Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 95-96.

¹²¹ Тард Г. Указ. соч. С. 155.

¹²² Erlil A. Memory in Culture. London, 2011. P. 14.

¹²³ Шацкий Е. История социологической мысли. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 532.

¹²⁴ Примерами осмысления идей М. Хальбвакса выступают следующие работы: Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.; Векилова С. А. Социальные рамки памяти межпоколенной семьи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6. № 3. С. 46-53.; Мачульская О. И. Морис Хальбвакс о социальной обусловленности индивидуальности // Философские науки. 2015. № 9. С. 99-104; Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 3. С. 39-44.

рассматривать как совокупность индивидуальных воспоминаний. Однако, в отличие от своего учителя, М. Хальбвакс отмечал, что коллективную память не следует понимать в качестве внешней по отношению к человеку реальности¹²⁵. Для М. Хальбвакса коллективная память представляется иначе – это актуализируемый социальный опыт¹²⁶. Дело в том, что в ходе взаимодействий люди создают и накапливают опыт контактов, который с течением времени воспроизводится индивидуальными сознаниями. Поскольку такие взаимодействия и социальный опыт могут быть различными, постольку и о коллективных памятях нужно говорить во множественном числе. Следовательно, если человек принадлежит к нескольким сообществам, то он имеет доступ к нескольким коллективным памятям¹²⁷.

Вспоминая разный социальный опыт, человек включается в различные «рамки» памяти, которые предлагают ему сообщества. Иначе говоря, в процессе вспоминания сообщество дает каждому человеку систему ориентации в прошлом¹²⁸. Именно поэтому индивидуальные памяти социально конструируются: сообщество посредством «рамок» предлагает события, которые необходимо вспомнить и, наоборот, подвергает забвению нежелательные факты прошлого¹²⁹.

В итоге представления М. Хальбвакса о памяти общества двойственны: с одной стороны, утверждается конструктивистский характер коллективной памяти, которая складывается в ходе взаимодействия между людьми, но, с другой стороны, этот опыт взаимодействия создает нужные ракурсы обращения к прошлому, в результате чего совокупность воспоминаний из социального опыта образуют «багаж» индивидуальной памяти.

---

¹²⁵ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 30.

¹²⁶ Несмотря на то, что М. Хальбвакс на страницах своих работ использует понятия «памяти», «коллективной памяти», «социальной рамки», он не дает им четких определений. Кроме того, сложность дефиниций возникает из-за отсутствия методологических разъяснений и метафоричного стиля изложения (см. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019. С. 41-43).

¹²⁷ Russel N. Collective Memory before and after Halbwachs // The French Review. 2006. Vol. 79. № 4. P. 797.

¹²⁸ Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика, институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. С. 18.

¹²⁹ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 149, 151.

Символический интеракционизм. Оригинальное понимание концепта коллективной памяти предложил Дж. Мид. Поскольку он изначально интересовался психологией, постольку его мысли касались не общества в целом, а отдельного человека. Согласно Дж. Миду, человек – это не данность, а конструкт, создаваемый в ходе взаимоотношений с другими людьми. Понимание «Я» для человека возможно только при соприкосновении с «Другим», который позволяет индивиду осознать себя. Иначе говоря, контакты с другими людьми, то есть интеракции, формируют в человеке образы себя, которые в совокупности образуют его как целостное «Я». Эти образы закрепляются в памяти и поддерживают личную идентичность человека. Для Дж. Г. Мида память и личность неразрывно связаны между собой: если человек утрачивает воспоминания о взаимодействиях с другими людьми, то он лишается части своего «Я»¹³⁰. Поэтому утрата воспоминаний человека обуславливает ликвидацию части индивидуальной идентичности, что, согласно терминологии психоанализа, может привести к травматическому опыту – стремлению восполнить потерянное «Я».

Феноменологическая социология. Несмотря на достижения предыдущих теоретиков социологии, никто из них полноценно не задумывался о том, почему индивиды, находящиеся в разном времени и пространстве, могут иметь общие воспоминания. Отправной точкой в решении этой задачи является феноменологическая социальная теория, которая берет начало с философских размышлений Э. Гуссерля. Описывая существование человека, Э. Гуссерль говорит, что человек во временно-пространственной плоскости всегда занимает конкретную позицию, из которой его действие постоянно сопровождается «актуально воспринимаемой» интенциональностью. Вовлеченности сознания в состояние «здесь и сейчас» образуют для индивида «центральное окружение», в котором он взаимодействует с другими социальными акторами и предметами материального мира непосредственно. Однако «центральное окружение» конкретного человека не является единственным в темпорально-пространственной протяженности. Иными словами, есть множество других

¹³⁰ Мид Дж. Г. Разум, Я и общество // Избранное: Сб. переводов. М., 2009. С. 153-155.

вещей, явлений, мыслей и социальных акторов, которые человек в модусе данности «здесь и сейчас» не способен познать. Интенции же, выходящие за границы восприятия человека, являются «неопределенным окружением»¹³¹.

Перекладывая идеи из феноменологической философии на социальные отношения, А. Шюц определил, что «центральное окружение», названное им «субъективной интерпретацией» или «миром повседневной жизни», может быть одинаковым для разных индивидов, если один человек будет находиться в тождественных отношениях к миру, как и другой. При наличии общего соответствия нескольких «центральных окружений» создается состояние «Мы», то есть социальной общности¹³². Тождественность субъективных интерпретаций людей и, следовательно, повседневностей заключается в ощущении человеком перехода из привычного мира повседневной жизни к неопределенности. Определенность мира человека постоянно, по мнению Б. Вальденфельса, сталкивается с чуждостью, «неопределенным окружением», которую человек не способен объяснить¹³³. Если индивид встречается с чуждостью, необычностью своего существования, в ходе чего оно становится частью мира повседневной жизни, то он испытывает состояние «шока». Одинаково пережитое «шоковое состояние» позволяет людям поставить себя на место другого. Это является интуитивной основой для интеграции людей в одну группу или сообщество.

Таким образом, память прошлого социальной группы в свете теорий социологической феноменологии и символического интеракционизма представляется отдельной реальностью, выступающей «внешним описанием» по отношению к актуальному состоянию людей в модусе «здесь и сейчас». И чтобы окунуться в социальное прошлое, конкретный индивид совершает «скачок», в ходе которого, как утверждали П. Бергер и Т. Лукман, происходит радикальное изменение напряженности сознания¹³⁴. Если индивид с помощью мысленного усилия проецирует «шоковое состояние» прошлого, лично им не пережитое, на

¹³¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., 2009. С. 89-92.

¹³² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 15.

¹³³ Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. Минск, 1999. С. 126.

¹³⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 48.

собственный опыт, то он конструирует идентичность. В случае воссоздания несколькими индивидами одинаковой идентичности, жизнь получает сообщество. И оно просуществует до тех пор, пока люди через свое «Я» будут воспроизводить одинаковые образы прошлого.

Структурный функционализм. Если в описании памяти исходить только из социального взаимодействия индивидов, то ее понимание будет ограниченным. Дело в том, что жизнь отдельного человека и общества в целом располагается в трех системах – личностной, социальной и культурной, – которые всегда дополняют друг друга¹³⁵. Следовательно, если социолог занимается только микроуровнем взаимодействия между индивидами, то другие системы ускользают от него. Такая троичная схема существования человека была предложена американским социологом Т. Парсонсом. Он подчеркивал, что индивиды имеют минимальные потребности, которые удовлетворяются в ходе действий с другими людьми. Иначе говоря, социальные акторы замотивированы на производство таких действий, которые будут обеспечивать людей удобным существованием. Тем самым, выстраивается *социальная система*, цель которой заключается в адаптации к потребностям индивидов. Поскольку индивид – это конечное существо, постольку задача социальной системы – преодолеть его ограниченность. Для этого она образует состояния «статус-роли», которые распределяются между людьми во времени и пространстве. Социальный актор, обладающий конкретным статусом и исполняющий отведенную роль принимает от общества шаблоны поведения. Тем самым шаблоны поведения одной и той же ситуации «статус-роли» у двух и более индивидов будут одинаковыми. Именно поэтому люди, жившие в разное время и в разном месте, но обладавшие одной «статус-ролью», могут испытывать одинаковые чувства, производить похожие действия и иметь тождественные воспоминания.

В мемориальной культуре также происходит распределение социальных статусов и ролей. Например, одни социальные акторы получают статус эксперта,

---

¹³⁵ Alexander J. *Theoretical Logic in Sociology*. Vol. 4: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons. – Berkeley, 1984. P. 52.

исполняя роль учителя, профессора истории, журналиста, музейного или архивного работника; другие – обывателя, который должен чтить память сообщества. Первые имеют возможность определять, какие события прошлого должны находиться на переднем плане и всегда вспоминаться, а какие следует вытеснять на периферию. Вторые индивиды получают готовое представление прошлого от экспертной группы и принимают исторические образы на веру, оберегая их неприкосновенность. Такую переданную информацию об исторических событиях П. Рикер называет «навязанным рассказом», который легитимирует сложившиеся социальные отношения¹³⁶. Следовательно, знание для Т. Парсонса предполагает контроль над действиями других с целью сохранения установленного социального порядка. Другими словами, чтобы социальная система конституировалась и беспрепятственно воспроизводилась, необходимо мотивированное действие людей, то есть занятие ими должного статуса и добросовестное исполнение ролей. Таким образом, для жизнеобеспечения культуры памяти нужно, чтобы каждый социальный актор знал свое социальное положение и действовал в рамках отведенной ему роли.

Однако существование социальной системы, по Т. Парсонсу, невозможно без *культурной системы*, которая содержит весь накопленный индивидами опыт, начиная от языка и заканчивая конкретными индивидуальными переживаниями. Человек может использовать ресурсы культурной системы только в случае интернализации – усвоения ее правил, шаблонов и стандартов. Благодаря интернализации человек воспринимает культурные паттерны в качестве собственных и, тем самым, проводит самоидентификацию. В культуре памяти путем интернализации социальные акторы усваивают образы и воспоминания прошлого, после чего считают их частью своей идентичности. Социальные акторы, имеющие одинаковые интернализированные исторические образы и воспоминания создают тем самым коммеморативное сообщество.

Если символический интеракционизм и феноменологическая социология оставляют без должного внимания вопрос о влиянии на действие человека

---

¹³⁶ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 125.

надындивидуальных форм социальной организации, то макросоциология Т. Парсонса не объясняет социальных изменений, поскольку общество всегда подавляет инициативу, исходящую со стороны актора. В первом случае не ясно, какие формы принимает процесс передачи воспоминаний в течение времени: поскольку воспроизводство образов прошлого представлено в виде символов, постольку необходимо знать приемы и способы организации общественного воздействия, которые позволяют научить человека понимать эти символы. Во втором случае не учитывается возможность индивида повлиять на развитие институтов памяти и коммеморативных практик. Следовательно, в рассмотренной теории появляется потребность в интеграции подходов с целью снятия имеющихся у них недостатков при описании проблемы культуры памяти.

Структурный конструктивизм. Точкой соприкосновения микро- и макроподходов, которая позволяет продвинуться в минимизации теоретических недостатков в исследовании культуры памяти, являются взгляды французского социолога П. Бурдьё. Согласно ему, люди имеют «габитусы» – ментальные структуры, с помощью которых человек взаимодействует с миром и понимает его¹³⁷. Иначе говоря, габитус – это упорядоченные коллективные действия, которые в виде мыслительной схемы вкрапляются в человека. В результате человек становится способным воспроизводить действия прошлого, поскольку они внедрены в него. Усваивая габитус, человек получает только тот опыт, который следует помнить; опасное, невыгодное, непрактичное воспоминание отсеивается, и тем самым забывается. Конечным продуктом такого процесса является «инкорпорированная история» – прошлое, включенное в сознание и тело человека. Поэтому для габитуса характерна преемственность, которая социального актора постоянно отсылает к первому опыту, выступающего негласным канонем. Следовательно, если люди имеют одинаковый габитус, то они все обращены к одному первому опыту. То есть они имеют единое понимание прошлого и единые коллективные действия, направленные на воспроизводство истории. В ходе чего группа габитусов создает совокупность образов, которые

---

¹³⁷ Гидденс Э. Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 46.

человек имеет возможность подвергать акту воспоминания, и совокупность социальных ситуаций, в рамках которых индивид может воссоздавать прошлое¹³⁸.

Воспоминания о прошлом и исторические знания, согласно П. Бурдые, относятся к культурному капиталу, который помещается в мире в трех состояниях – *инкорпорированном, объективированном и институционализированном*¹³⁹. Каждое из этих состояний соответствует трем измерениям культуры памяти (*ментальному, материальному и социальному*), предложенным А. Эрлл¹⁴⁰. Инкорпорированный капитал П. Бурдые понимается как «внешнее богатство, превращенное в неотъемлемую часть личности». Другими словами, усвоенные людьми воспоминания и знания о прошлом социальной общности, представленные знаками и образами, и являются инкорпорированным капиталом. Это основное состояние среди всех культурных ресурсов, поскольку без владения значениями и образами невозможно вспоминать о событиях прошлого. Для акта воспоминания людям, в первую очередь, необходимо наличие содержания воспоминаемых событий. Но из-за того, что люди ограничены во времени и пространстве, с помощью образов, знаков и символов они заключают в действия и материальные предметы воспоминания, продлевая им жизнь. Поэтому формируется объективированный капитал – вещи и действия, в которые люди помещают смыслы (например, коммеморативные практики, мемориалы, экспонаты музея, места захоронений, книги и т.д.). Способность извлекать из действий и вещей смыслы, называемая П. Бурдые «культурной компетенцией», является основой институционализированного капитала – наличием квалификации. Человек, имеющий этот капитал, становится экспертом, который определяет способы извлечения и передачи воспоминаний, их интерпретацию и актуальность для настоящего.

Структурализм. При рассмотрении культуры памяти в качестве поля, где происходит распределение культурного капитала между людьми, следует

¹³⁸ Бурдые П. Практический смысл. С. 102-105; 109.

¹³⁹ Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. С. 521-528.

¹⁴⁰ Erll A. Memory in Culture. P. 103.

остановиться на содержательной стороне воспоминаний с позиции структурализма. Этот подход показывает, что культурный ресурс, представленный в виде воспоминаний, как и любой другой социальный феномен, является «знаком» – смыслом, связанным с материальными предметами, графемами и фонемами. Согласно Р. Барту, существование знака обусловлено внутренней и внешней гармонией. Сам по себе знак все время содержит объект, который имеет связь с образом, что является внутренней структурой знака. Здесь «означающее», то есть сам объект / форма, соединен с «означаемым» – образом / содержанием. Однако внутреннего единства еще мало, поскольку необходима связь знака с другими знаками. Ведь знак может быть понят только в отношениях и комбинациях с другими объектами и смыслами¹⁴¹. Например, воспоминание может иметь «означающее» в виде мемориала, текста, коммеморативной практики, и «означаемое», представленное ретенцией прошлого в виде образов. Но полное понимание этого воспоминания возможно при наличии других воспоминаний, которые имеют похожие образы и, следовательно, создают нарратив. В конечном итоге внутренняя гармония и внешние связи с другими воспоминаниями формируют основу мемориального поля. Следовательно, чтобы иметь возможность вспомнить какое-либо событие, необходимо понимать знак внутренне и внешне, то есть быть мысленно в рамках конкретного мемориального поля. Сообщество же, которое группируется в границах очерченного мемориального поля, словами М. Фуко, является дискурсивным. Для такого общества характерно стремление к сохранению структуры мышления, к поддержанию таинственности воспроизводимого образа¹⁴². И только получение культурного капитала, то есть присвоение знаков, позволяет человеку приобщиться к сообществу, в рамках которого они циркулируют. Таким типом дискурса, вокруг которого увеличивается количество членов, предстает коммеморативное сообщество, стремящееся интегрировать новых индивидов с помощью усвоения ими памятных знаков. Иначе говоря, если в человека встроена

---

¹⁴¹ Барт Р. Воображение знака // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 246.

¹⁴² Фуко М. Порядок дискурса. С. 71.

система «означаемых» воспоминаний, то он способен стать членом социальной общности.

Процессо-реляционная теория. Современный американский социолог из университета Вирджинии Джеффри Олик предложил пересмотреть понимание памяти именно в социологической науке, так как, по его мнению, социология работала с памятью неправильно. Согласно Д. Олику, одни ученые – “традиционалисты” – смотрели на память как на реальность, которая является «фундаментом для непрерывности идентичностей». Другие – “презентисты” – сводили память к манипуляциям, к простому инструменту власти. Первых интересовал вопрос о том, как память влияет на современность, а вторых, наоборот, как люди в настоящем формируют образы прошлого. И те, и другие, по мнению Д. Олика, лишь частично понимают феномен памяти. Поэтому он предлагает комплексно смотреть на память общества и видеть в ней «подвижные переговоры между желаниями настоящего и наследием прошлого»¹⁴³. Для описания этого диалога Д. Олик использует концепт фигурации, взятый у Н. Элиаса¹⁴⁴. Фигурация – сеть взаимных отношений между социальными акторами (людьми и группами), сталкивающимися в одном пространственно-временном континууме и испытывающим напряжение друг к другу. Поскольку отношения между акторами изменчивы в течение времени, постольку фигурациям свойственны трансформации. Фигурации похожи на игру, где правила заданы прошлым, однако результат зависит от игроков в настоящем. Но ведь правила могут быть нарушены в течение игры, что приведет либо к возвращению к ним либо к их изменению, то есть к преобразованию фигурации. Иначе говоря, фигурации памяти – это реперные точки, в которых прошлое через людей и социальных групп «разыгрывает партию» в настоящем, это точки, концентрирующие вокруг себя напряжение отношений. Именно поэтому предложенный подход Д. Олик называет процессо-релятивизмом: фигурация

¹⁴³ Olick, J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 159.

¹⁴⁴ «Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 14.

возможна при условии наличия нескольких акторов и позиций, между которыми выстраиваются отношения, меняющиеся во времени. Раскрыть и понять фигурацию памяти Д. Олик предлагает через концепты, доступные исследовательскому взгляду, среди которых: *поле*, *способ передачи (медиум)*, *жанр* и *профиль*¹⁴⁵.

Под концептом «поля», заимствованным у П. Бурдьё, Д. Олик понимает дискурс, который имеет и предлагает свою версию истории. Внутри поля могут вестись баталии за превосходство нарратива конкретной социальной группы. Но гораздо важнее, что битва за господство в воспроизводстве истории происходит на границе полей. Именно претензию на достоверность одного события прошлого могут выражать одновременно и официальная память, и семейная память, и историография, и литература, и публичная память и т.д. Какое-то поле временно доминирует в конкретной фигурации, и память этого поля подводит последующие воспоминания под соответствующее правило. Оно требует, чтобы и все новые события включались в предписанную норму¹⁴⁶.

Поле молчаливо, пока не найдет «средство передачи», через которое может высказаться – выразить воспоминание, связав прошлое и настоящее. Спектр способов передачи очень широк: воспоминания могут воспроизводиться через политические фестивали, юбилейные мероприятия, места памяти (руины, музеи, фотографии, письма, фильмы), историографию, документы, устные рассказы, амнистии и репарации и т.д. Способы передачи достигают различных задач: одни направлены на конструирование идентичности, другие – на объяснение событий прошлого, третьи – на репрезентацию, четвертые – на легитимацию власти.

Но даже после того, как память воплощена в любом из предложенных способов передачи, процесс воспоминания не заканчивается, поскольку при контакте с инструментами производства воспоминаний со стороны людей следует ответная реакция. И эти реакции со стороны групп людей могут отличаться в пространстве и времени. Последовательность одинаковых реакций по отношению

¹⁴⁵ Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере. С. 46.

¹⁴⁶ Meretoja N. Non-subsumptive memory and narrative empathy // Memory studies. 2021. Vol. 14. P. 27.

к более ранним коммеморациям Д. Олик называет «жанром». С одной стороны, жанр всегда отсылает к фрейму более ранних коммемораций, но, с другой стороны, он не исключает появления новых реакций, которые тем самым изменяют специфику жанра.

Воспоминания не субстанциональны, они не существуют изолированно и сами по себе – за их актуализацию в настоящем отвечают политические смысловые системы, называемые Д. Оликом «профилем» памяти. Эти смысловые контексты так же определяют коннотации образов прошлого, которые присутствуют в настоящем. Иначе говоря, профилем памяти является политическая культура, которая использует необходимые образы для конструирования идентичности группы¹⁴⁷.

Современные memory studies. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. в социогуманитарном научном дискурсе стал доминировать критический взгляд на понимание памяти, но именно в результате этой скептической позиции появилось междисциплинарное пространство, известное как «memory studies», в рамках которого трудятся множество различных ученых социально-гуманитарных дисциплин. В 2017 г. А.Д. Сегестен и Д. Вюстенберг выпустили статью «Исследования памяти: состояние возникающего поля», где попытались воссоздать карту ученых, занятых интеллектуальными путешествиями по пространству памяти. По результатам проведенного опроса оказалось, что большинство ученых, работающих в мемориальной парадигме, являются историками (24%), политологами / исследователями международных отношений (13%) и социологами (10%). Среди опрошенных также значительной частью были филологи, антропологи, исследователи кино и медиа, культурологи, краеведы и психологи. Категория «другое» в ходе опроса оказалась очень разношерстной, где были отмечены музейные и архивные работники, библиотекари, географы, исследователи образования, методологи, теологи и представители многих других

---

¹⁴⁷ Олик Дж. К. Коллективная память: две культуры // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 28.

областей¹⁴⁸. Такая пестрота *memory studies* обуславливает многообразие и запутанность теоретических подходов к изучению проблем памяти общества.

О разнообразии мемориальных исследований в зарубежной среде также свидетельствуют результаты анализа журнала «*Memory studies*», выступающим главным пространством, где ученые из разных точек мира высказывают мнения, представляют исследования и вступают в дискуссии о вопросах памяти общества. Согласно работе Л. Б. Зубановой, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб всего на страницах журнала «*Memory studies*» с 2008 г. по 2019 г. было опубликовано 393 статьи. При этом с каждым годом количество напечатанных статей в рамках журнала имеет свойство увеличиваться. Распределение публикаций по тематическим блокам показывает, что наиболее популярными трендами в зарубежных исследованиях памяти являются 1) научный *memory*-дискурс, то есть теоретико-методологическое осмысление поля, и 2) травмы прошлого, где господствующим нарративом предстает проблема Холокоста¹⁴⁹.

«Мемориальный бум» затронул и российские социальные науки, в результате чего память все чаще стала становиться предметом анализа среди современных отечественных исследователей. В 2014 г. осмыслением появившегося поля занимались петербургские историки Е. А. Ростовцев и Д. А. Сосницкий¹⁵⁰, а в 2020 г. эту традицию продолжила крымский политолог Л. П. Нелина¹⁵¹. Ими были проведены глубокие историографические описания российских социогуманитарных исследований по проблеме памяти, однако за последние годы основательный обзорный анализ такой литературы (за исключением представленных авторов) практически не осуществлялся, вследствие чего сегодня появляется потребность в осмыслении актуального состояния российских *memory studies*.

¹⁴⁸ Segesten A. D., Wüstenberg J. *Memory studies: The state of an emergent field* // *Memory studies*. 2017. Vol. 10 (4). Pp. 474-489.

¹⁴⁹ Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Указ. соч. С. 141-142.

¹⁵⁰ Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2014. № 2. С. 106-126.

¹⁵¹ Нелина Л. П. Подходы к определению концептов *memory studies* в российской историографии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2020. Т. 6. № 3. С. 244-253.

Во избежание субъективной выборки при характеристике актуальных социологических исследований памяти диссертантом было решено отойти от классического описательного анализа тематической литературы и провести обзор предметного поля (scoping review), цель которого – определение границ исследований памяти, выявление актуальных тенденций и пробелов в изучении темы¹⁵². Несмотря на методическое многообразие проведения обзора предметного поля, наиболее популярной является методология Х. Аркси и Л. О’Мэлли, сформулированная в 2005 году¹⁵³. Основываясь на их методологии, диссертант провел обзор предметного поля в пять этапов: 1) определение исследовательского вопроса; 2) отбор [критериев] релевантных исследований; 3) отбор документов с учетом критериев; 4) распределение документов по категориям; 5) определение направлений исследований и пробелов¹⁵⁴. Исследовательский вопрос фокусируется на понимании основных тенденций изучений памяти в социологической науке. Для ответа на поставленный вопрос были определены критерии включения в обзор, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Критерии включения в обзор предметного поля

ключевое слово:	историческая память
база данных :	РИНЦ
период времени:	2010-2020
ориентир поиска:	в названии публикации, в аннотации, в ключевых словах
тип искомой публикации:	статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации
тематика:	04.00.00 Социология

На электронном ресурсе РИНЦ в качестве ключевого слова использовалось понятие «исторической памяти», что обуславливается ее наибольшей популярностью в сравнении с близкими терминами. С 2010 по 2020 гг. понятие «исторической памяти» присутствует в 4595 работах. За обозначенный

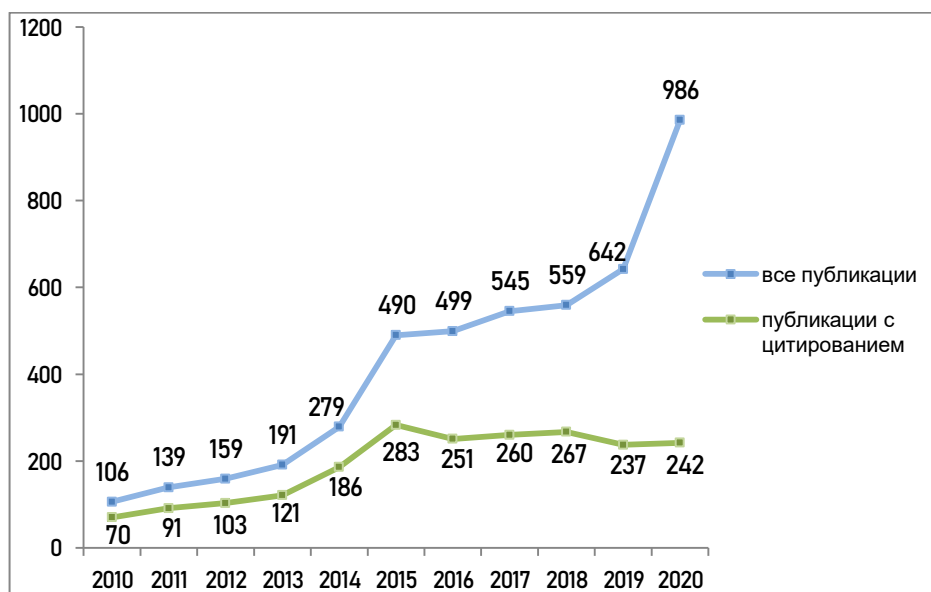
¹⁵² Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Обзор как инструмент выявления трендов в исследуемой области знания // Высшее образование в России. 2020. № 3. С. 40.

¹⁵³ Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Обзор как перспективный вид научной публикации, его типы и характеристики // Научный редактор и издатель. 2019. №4. С. 135.

¹⁵⁴ Arksey H., O'Malley L. Scoping studies: towards a methodological framework // International Journal of Social Research Methodology. 2005. 8(1). P. 22.

промежуток времени такие родственные концепты, как «социальная память» (2554), «культурная память» (1994), «коллективная память» (1273) в социологических работах встречаются значительно реже. Для понимания динамики исследований по исторической памяти в социологической науке потребовалось распределение работ, имеющихся в базе данных РИНЦ, по годам (полученные результаты представлены в рисунке 1).

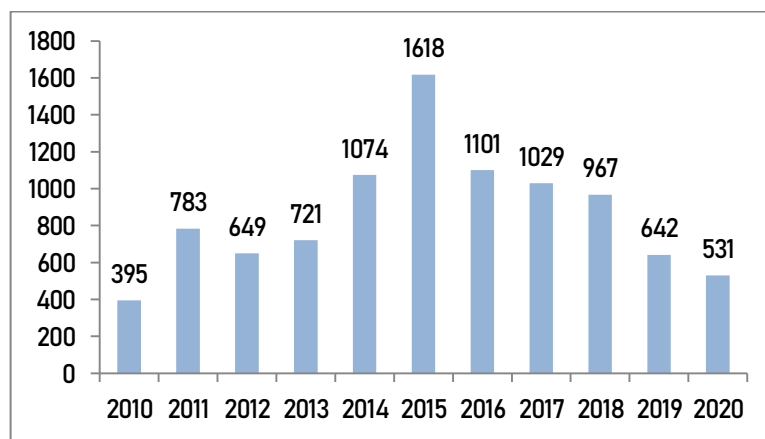

Рисунок 1 – Динамика публикационной активности по проблеме исторической памяти в 2010-2020 гг.

Выяснилось, что с 2010 по 2020 гг. прослеживается положительная динамика увеличения опубликованных работ, касающихся проблем исторической памяти. Особые всплески роста публикационной активности замечены в 2015 г. (на 4,6 % по сравнению с предыдущим годом) и 2020 г. (на 7,5 % по сравнению с предыдущим годом). С одной стороны, как показывает корреляционный анализ, увеличение количества публикаций обуславливает увеличение числа цитируемых работ ($r = 0,805$, при $p = 0,01$). Однако, с другой стороны, имеет место стремительный рост числа работ, которые не попадают в охват цитирования: если в 2010 г. доля работ, не имеющих ни одного цитирования, составляет 34%, то в 2020 г. такая доля равняется 75%.

Общее количество цитирований в работах по исследованию исторической памяти на 5.11.2021 г. составляет 9510. Однако по годам объем цитирований

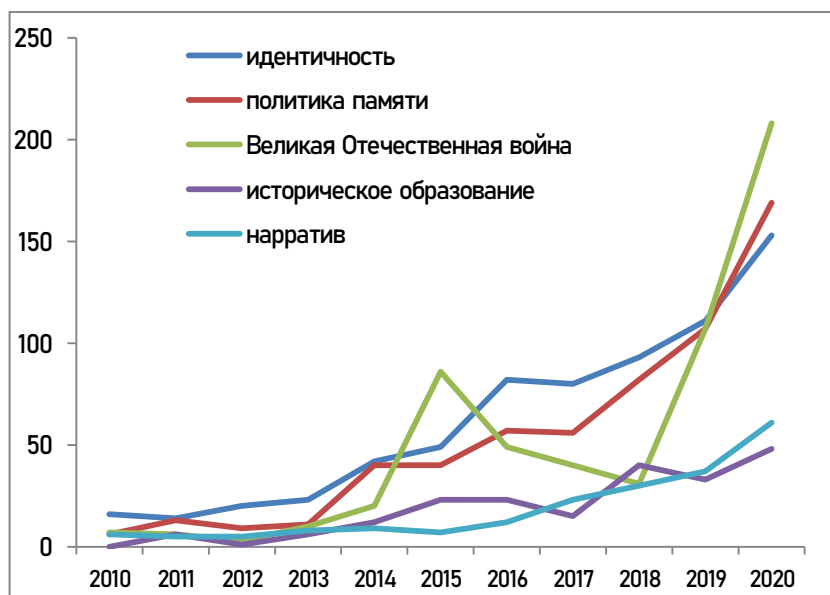
распределен неравномерно, что продемонстрировано на рисунке 2. Пиком цитируемости является 2015 г.: на работы, опубликованные в этом году, приходится 17% от общего объема цитирований за анализируемое десятилетие. После него при относительной устойчивости охвата цитируемых работ количество самих цитирований имеет негативную динамику. Но справедливо отметить, что судить о таком показателе применительно к 2020 г. не совсем правильно, поскольку из-за короткого срока давности работы этого года могут быть не обработаны научным сообществом.

Рисунок 2 – Количество цитирований по проблеме исторической памяти в 2010-2020 гг.

Для определения тематической широты предметного поля исследований исторической памяти был произведен поиск сопутствующих слов (например, «историческая память & коммеморативная практика») при аналогичных критериях включения. Всего был выполнен поиск 50 сопутствующих ключевых слов. Чаще всего статьи по исторической памяти встречаются в сочетании со следующими темами: «идентичность» (682 статьи), «политика памяти» (589), «Великая Отечественная война» (521), «историческое образование» (206), «нарратив» (196). Как показано на рисунке 3, в данных темах, связанных с исторической памятью, в течение десятилетия публикационная активность наращается постепенно. Исключение составляет лишь тема Великой Отечественной войны, которая имеет «пик» публикационной активности в 2015 г., после которого в течение последующих двух лет намечается спад. Интерес к

теме возвращается лишь в 2019 г., а в 2020 г. достигает новой кульминационной точки публикационной активности.

Рисунок 3 – Динамика публикационной активности в предметном поле исторической памяти.

На сегодняшний день историческая память является перспективной предметной областью в отечественной социологии, которая ежегодно наращивает количество публикаций. Наиболее популярными темами в данной области, показывающими стабильный публикационный прирост, являются вопросы идентичности и политики памяти. Корпус работ по Великой Отечественной войне, несмотря на высокие показатели предметного поля исторической памяти, характеризуется неравномерной активностью, зависящей от юбилейных дат, связанных с окончанием войны. При этом рост публикационной активности имеет противоречивые эффекты: с одной стороны, эта тенденция позитивно воздействует на увеличение объема цитируемых научных работ, а с другой стороны, она расширяет охват публикаций, которые не используются в рамках научной коммуникации. В результате такое противоречие подвергает риску дальнейшую аккумуляцию научного знания в области отечественных memory studies.

Несмотря на то, что зарубежные и отечественные социологические memory studies фокусируются на роли образов прошлого в формировании и функционировании общества, в теоретическом поле имеется пробел в определении дефиниции понятия социальной общности, основанной на коллективной памяти. В 1994 г. польско-канадская исследовательница Ивона Ирвин-Зарецка опубликовала работу под названием «Рамки воспоминаний. Динамика коллективной памяти», где при описании группы людей, объединенных воспоминаниями, использовалось понятие «сообщество памяти» (community of memory). Согласно И. Ирвин-Зарецка, такое сообщество создается на основе одинакового экстраординарного и даже травмирующего опыта¹⁵⁵. И этот опыт принимается людьми в качестве ценности, которую необходимо защищать от вторжений, угроз осквернения и потенциальной эксплуатации со стороны других сообществ¹⁵⁶. В первую очередь, по мнению И. Ирвин-Зарецка, сообществом памяти может стать поколение, пережившее войны, социальные кризисы и катастрофы. А впоследствии такое сообщество имеет два пути сохранения: либо его травмирующий опыт переходит последующему поколению в виде постпамяти¹⁵⁷, либо он «поглощается более широкой национальной или этнической общностью»¹⁵⁸.

Травматическая тональность в концептуализации сообщества памяти имеет место среди современных исследователей (отчего даже появился такой специальный термин, как «сообщество утраты»¹⁵⁹). Однако сообщества памяти могут строиться не только на болезненных историях, но и на успехах и достижениях¹⁶⁰. Говоря словами А. Ассман, они способны формироваться не

¹⁵⁵ Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick: Transaction, 1994. P. 47.

¹⁵⁶ Cappalletto F. Long-Term Memory of Extreme Events: From Autobiography to History // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2003. 9 (2). P. 247.

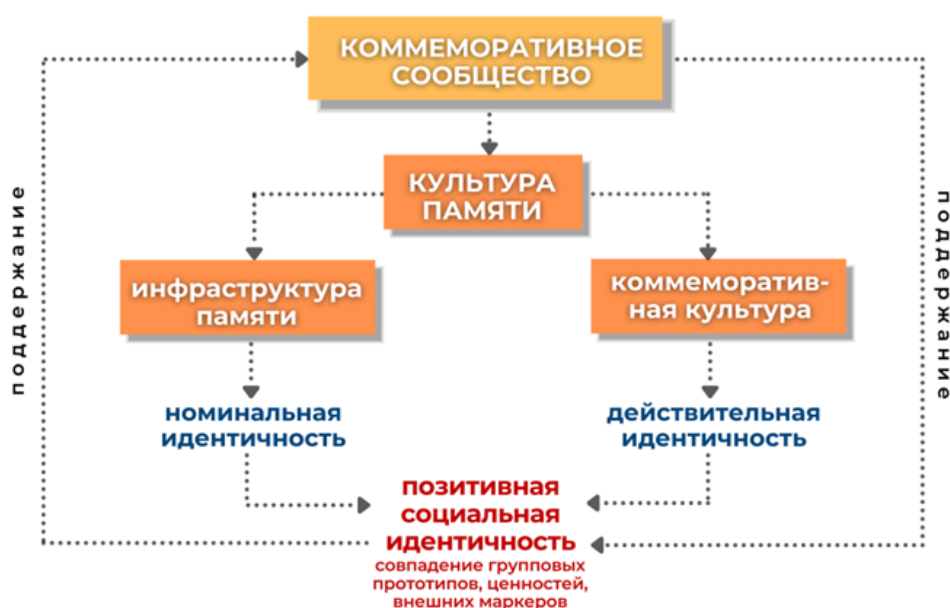
¹⁵⁷ Levine M. G. Speaking in Starts: Postmemory and the Archive // Journal of Literature and Trauma Studies. 2015. Vol. 4. № 1-2. P. 127.

¹⁵⁸ Irwin-Zarecka I. Op. cit. P. 51-53.

¹⁵⁹ Ушакин С. «Нам этой болью дышать?»: о травме, памяти и сообществах // Травма-пункты: Сборник статей. М., 2009. С. 5-44; Он же. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Травма-пункты: Сборник статей. М., 2009. С. 306-345.

¹⁶⁰ Bellah R., Madsen R., Sullivan W. N., Swidler A., Tipton S.M. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life // The Collective Memory Reader. Oxford. 2011. P. 229.

только посредством покаяния, но и посредством самоутверждения. И вне зависимости от траектории обращения к прошлому сообществами преследуется одна цель – создание позитивной социальной идентичности. В первом случае такая цель достигается через признание и одновременное дистанцирование от травм и преступлений прошлого, во втором – через преемственность с великими и значимыми эпизодами прошлого¹⁶¹. Во избежание исключительно травматической коннотации общности, базирующейся на воспоминаниях, диссертант предлагает использовать понятие «*коммеморативного сообщества*», структура которого представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Структура коммеморативного сообщества

Коммеморативное сообщество предстает в качестве совокупности людей, обладающих схожим набором воспоминаний, созданных не столько личным опытом, сколько социальной коммуникацией¹⁶². Такое сообщество отличается от других благодаря присущей ему культуре памяти – сложившейся системы сохранения, поддержания и актуализации образов прошлого. Культура памяти, в свою очередь, определяется двумя формами обращения к прошлому:

¹⁶¹ Ассман А. Распалась связь времен. С. 246-247.

¹⁶² Марченко А. Ю. Коммеморативные стратегии формирования социокультурной идентичности // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 2018. С. 11.

коммеморативной культурой и инфраструктурой памяти. Первая, согласно Ю. В. Павловой, предстает в виде набора воспоминаний и установок к прошлому, которые характерны для данного общества на протяжении продолжительного периода времени¹⁶³. В свою очередь А. В. Святославский в рамках докторской диссертации описывает коммеморативную культуру в качестве сферы «намеренной коммеморации, представленной как совокупность мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки»¹⁶⁴. В обеих трактовках коммеморативная культура выступает в виде значимой, исторически сложившейся совокупности образов прошлого, к которым обращаются члены сообщества посредством практик поминовения. В то же время инфраструктура памяти, как часть культуры памяти, является организованным комплексом, имеющим мемориальный аппарат, мнемонические практики, специалистов, деятельность которых направлена на производство и поддержание запоминаемых знаний и образов прошлого¹⁶⁵. К элементам инфраструктуры памяти отечественный политолог О. В. Малинова причисляет памятники, музеи, мемориальные комплексы, государственные праздники, публичные ритуалы, топонимию пространства, произведения литературы и искусства, знаки, символизирующие солидарность¹⁶⁶. Они не всегда действуют одинаково: на одни элементы инфраструктуры памяти может делаться большая нагрузка, в то время как другие способны оставаться «без присмотра в течение длительного времени»¹⁶⁷. Но для стабильного существования коммеморативного сообщества необходимо, чтобы элементы ее культуры памяти были взаимосвязаны между собой: с одной стороны, инфраструктура памяти должна обслуживать коммеморативную культуру, а с другой стороны, последняя должна поддерживать первую.

---

¹⁶³ Павлова Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 10. С. 451.

¹⁶⁴ Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01. М., 2011. С. 4.

¹⁶⁵ Cubbit G. History and Memory. Manchester; New York. 2007. P. 133.

¹⁶⁶ Малинова О. В. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 11.

¹⁶⁷ Irwin-Zarecka I. Op. cit. P. 90.

Таким образом, проведенный анализ теоретико-методологических подходов позволяет увидеть, что обращение к теме памяти имеет давнюю традицию в рамках социологической науки. Но, несмотря на стремительный рост научных публикаций, приведший к «буму памяти» в академической среде, практически вне поля зрения исследователей остается вопрос о границах понятия сообщества, которое формируется посредством наличия общих образов прошлого. Поэтому, основываясь на достижениях представленных подходов, диссертант вводит понятие «коммеморативного сообщества». Под коммеморативным сообществом понимается группа людей, объединенных общим набором образов прошлого, которые поддерживаются сложившимся репертуаром практик (коммеморативной культурой) и обслуживающим их мнемоническим аппаратом (инфраструктурой памяти). Устойчивое существование коммеморативного сообщества обеспечивается: во-первых, отношением его членов к прошлому как к ценности, позволяющей ощущать человеку единство с другими людьми (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс); во-вторых, присутствием «вспышечных воспоминаний», отсылающих к экстраординарному опыту, связанным с преломлением повседневной реальности в прошлом (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман); в-третьих, понятностью и непротиворечивостью значений образов прошлого, которые индивиды используют в процессе коммуникации (М. Фуко, Р. Барт, Дж. Олик); в-четвертых, наличием институциональной организации, ответственной за конструирование и трансляцию нарратива (Т. Парсонс, П. Бурдьё); в-пятых, устремленностью к формированию позитивной социальной идентичности.

1.2 Социальная идентичность как ценностный ориентир коммеморативного сообщества

Согласно мнению профессора социологии Калифорнийского университета Р. Брубейкера, несмотря на повсеместное распространение, термин «идентичность» остается сегодня неясным, так как с момента своего появления в

научном социогуманитарном дискурсе, он все время наполнялся новыми значениями¹⁶⁸. Однако междисциплинарное поле, сформировавшееся вокруг понятия идентичности, стало очень удобным, поскольку идентичность сегодня рассматривается как «механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности – как один из значимых маркеров происходящих трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы»¹⁶⁹. Поэтому для оперирования категорией идентичности в исследовательских процедурах, относящихся к концептуализации коммеморативного сообщества, необходимо раскрыть ее концептуальную многослойность – посмотреть на нее через различные оптики социальных наук.

Пионером обоснования идентичности в социологическом дискурсе, как правило, считается Дж. Г. Мид. Несмотря на то, что само слово «идентичность» практически не фигурирует на страницах его работ, все же в своих выводах Дж. Г. Мид походит к близкому понятию «самости» (self), которое последующие социологи отождествляли с идентичностью¹⁷⁰. Самость для Дж. Г. Мида – это синтез двух фаз человеческой сущности: *I* – психологическая, индивидуальная сторона человека и *Me* – социальные установки, паттерны поведения, представленные образом генерализированного Другого. Принимая *Me*, человек вступает в связь с сообществом, становится его частью. Однако если бы человек имел только слепую веру в социальные установки, то разница между людьми была бы неразличима. Поэтому и существует *I*, которое позволяет человеку давать индивидуальные ответные реакции на социальные установки и изменять сообщество, с которым он находится в интерактивной связи¹⁷¹. Следовательно, Дж. Г. Мид видит в самости / идентичности объективную и субъективную стороны. Первая – внешние атрибуты, которые дает человеку общество, вторая – внутреннее ощущение сопричастности к группе или сообществу. Отсюда трактовка Дж. Г. Мида изначально рассматривает идентичность, как изменчивое

¹⁶⁸ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 64-68.

¹⁶⁹ Семененко И. С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичности: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М., 2017. С. 20.

¹⁷⁰ Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 50.

¹⁷¹ Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. М., 2009. С. 176-177.

состояние между *I* и *Me*, между субъективным и объективным, индивидуальным и социальным, что делает ее текучей и переменчивой.

Введенная Дж. Г. Мидом «формула самости» не ограничивалась описанием идентичности на межличностном уровне – в конце жизни его также интересовал вопрос о появлении идентичности больших (в первую очередь национальных) сообществ. В статье под названием «Национальное и интернациональное мышление», вышедшей в свет в 1929 г., Дж. Г. Мид отмечает, что именно во время войны и конфликтов появляется эмоциональное слияние человека с большими сообществами, а между различными людьми, придерживающимися разных социальных установок и относящимся к разным группам, уничтожаются ранее видимые барьеры. Иными словами, война одновременно усиливает интенцию *I* – его стремление к сплоченности, и расширяет масштаб *Me* – представление о наличии более общих ценностей, смыслов, моделей поведения, что позволяет людям выйти за границы своих прежних сообществ к большему единству. Это единство поддерживается двумя источниками: 1) тождеством общих импульсов – схожестью *I*, и 2) взаимным соединением всех разнообразных самостей, то есть представления у людей о схожести *Me*. Опасность этого единства в том, что общим для всех тождественным импульсом является страх за свою безопасность и, как следствие, чувство враждебности к тому, от кого исходит угроза. В результате появляется враждебный обобщенный Другой, от которого не стоит ожидать хорошего отношения к себе, от чего общей нормой для всех становится аналогичное плохое отношение к этому Другому. Именно поэтому, как говорит Дж. Г. Мид, политические партии способны привлекать на избирательные участки людей только через враждебное отношение к другим партиям, религии способны объединять людей, благодаря борьбе с дьяволом и его приспешниками, а государство способно создавать нации посредством наличия антагонистических народов и стран¹⁷². Несмотря на то, что эти рассуждения о возникновении самости больших групп на принципах враждебности не получили у Дж. Г. Мида концептуального оформления в виде понятий, все же он

---

¹⁷² Mead J. G. Op. cit. P. 316-317.

предвосхитил на десятилетия открытую социальными психологами «негативную социальную идентичность». Более того, придерживаясь мнения о текучести идентичности, он один из первых постарался предложить вариант построения «позитивной социальной идентичности». И для реализации этого проекта, как он считал, людям, социальным группам, государствам необходимо отказаться от логики войны и искать общие интересы, которые станут средством преобразования разнообразия людей в виде социальной организации. Способность к такому преобразованию, по мнению Дж. Г. Мида, и есть мера цивилизованности и развитости общества¹⁷³.

Последующий импульс к исследованиям идентичности положила работа Э. Эриксона в области социальной психологии о процессе взросления. В ней автор говорит об условиях складывания идентичности человека: первое условие – ощущение тождества самому себе, вызванное чувством непрерывности своего существования во времени и пространстве, второе – понимание того, что это тождество и непрерывность признаются другими людьми. Э. Эриксон считает, что идентичность присуща любой личности, поскольку «в социальных джунглях человеческого существования без чувства идентичности нет ощущения жизни». Проблема только в том, что идентичность личности, по его мнению, бывает разной: нормальной и патологичной. Если образ человека о себе самом и представления окружающих об этом человеке совпадают, то складывается позитивная идентичность, которая позволяет личности чувствовать себя комфортно в социальной среде. Однако если такое совпадение отсутствует, то наступает «кризис идентичности»: для человека она становится «спутанной», но стремящейся к позитивизации, либо – «негативной», отрицающей личностью претензии со стороны общества на собственный образ. Негативная идентичность опасна тем, что человек отрекается от образа, навязываемого окружающими людьми. Тем самым, человек, обладающий негативной идентичностью, вступает в конфликт с обществом, отрицая его нормы, ценности и модели поведения. Совокупность в последних, то есть организованный совместный опыт, Э. Эриксон

---

¹⁷³ Ibid. P. 320.

называет «групповой идентичностью», зависящей от исторического контекста, в котором живут и действуют индивиды. Тем самым понятие «групповой идентичности» у Э. Эриксона сводится к фрейдовскому «Супер-эго» и рассматривается лишь как необходимый компонент индивидуальной идентичности¹⁷⁴.

Взгляды Э. Эриксона на идентичность личности поддерживал другой американский психолог Дж. Марсиа, который в итоге сформулировал собственную *статусную теорию идентичности*. Проводя интервью с подростками, он пришел к выводу, что приобретение идентичности для человека состоит из двух этапов: поиска (рассмотрения индивидом альтернативных вариантов самоопределения в виде целей, ценностей и идей, которыми он будет руководствоваться в будущем) и принятия (решение человеком действовать в соответствии с выбранными целями, ценностями, нормами, идеями)¹⁷⁵. Соотношение поиска и принятия в конкретной личности образуют статус идентичности. Перекрещивая эти два аспекта, Дж. Марсиа вывел четыре статуса идентичности: *достигнутая идентичность*, *предрешенная идентичность*, *отсроченная идентичность* и *диффузная идентичность*¹⁷⁶. Для первой характерно соответствие поиска и принятия, в результате чего такая идентичность отличается независимостью и уязвимостью от внешних негативных факторов. Для второй – «готовое» принятие целей, ценностей и идей от социального окружения, в результате чего людям с такой идентичностью свойственно послушание и уважение сильной власти. Третью, отсроченную идентичность, отличает нахождение человека в состоянии поиска, где выбор еще не совершен. Люди с такой идентичностью, пока открыты для нового опыта, но подвержены эмоциональной нестабильности, поскольку не имеют устойчивой ценностно-ориентационной системы. И диффузная идентичность обуславливается отсутствием поиска и принятия. Такой идентичности присущи негативное

¹⁷⁴ Эриксон Э. Указ. соч. С. 58, 141, 184-185.

¹⁷⁵ Crocetti W., Meeus W. The Identity Statuses: Strengths of a Person-Centered Approach // The Oxford Handbook of Identity Development. Oxford, 2015. P. 100.

¹⁷⁶ Marcia J. E. Op. cit. P. 557-558.

восприятие окружающего, пассивность, невысокая моральная устойчивость, сложность к адаптации¹⁷⁷.

Безусловным преимуществом результатов работ Э. Эриксона и Дж. Марсиа является описание различных векторов формирования самоопределения молодого человека на различных стадиях вхождения в социальный мир. Использование предложенных ими классификаций идентичности позволяет современному исследователю видеть формирование личностных «профилей», обуславливающих модели поведения в настоящем и будущем. Но в тот же момент примат личности не позволяет объяснить, почему один человек способен совмещать различные типы и статусы идентичности (например, считать себя примерным гражданином и в то же время ненужным работником) и изменять свое самоопределение в зависимости от внешнего воздействия. А для этого рядом с понятием идентичности в теоретическом поле требуется ввести категорию социального.

Социологическую традицию использования идентичности в духе символического интеракционизма продолжил И. Гоффман. В работе «Стигма» (1963) американский социолог говорит о *социальной идентичности*. Он описывает ее как категории и атрибуты, которыми наделяется человек во взаимодействии с другими людьми. Иначе говоря, это сигналы, которые позволяют при встрече с незнакомцем предвидеть его ожидаемые действия. Она включает в себя *виртуальную социальную идентичность*, то есть предъявляемые требования и ожидания к человеку со стороны других людей, и *актуальную социальную идентичность* – это категории и атрибуты, которыми на данный момент обладает человек¹⁷⁸. Если эти идентичности совпадают, то взаимодействие происходит гладко, однако если они несовместимы, то возникает вероятность нарушения отношений. Отсюда человек, неудовлетворяющий предъявленным ему обществом требованиям, попадает под категорию ненормального – стигматизированного. Но И. Гоффман не останавливается – он понимает, что категории, которые накладываются обществом на человека и

---

¹⁷⁷ Парамузов А. В., Несмеянова Р. К. Создание и анализ психометрических свойств опросника «Статус управленческой идентичности» // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 123-124.

¹⁷⁸ Goffman E. Op. cit. P. 2.

которые человек принимает на себя, есть исключительно социальный продукт. В таком случае получается, что общество полностью предопределяет самоопределение человека? Как и Дж. Г. Мид, И. Гоффман не оставляет без свободы человека, отдавая должное *И* последнего. Поэтому наряду с социальной идентичностью человек обладает *личной идентичностью* – совокупностью биографических фактов, неповторимого опыта контактов с другими людьми, которые наделяют человека уникальностью¹⁷⁹. И этот неповторимый жизненный «бэкграунд» способен либо поддерживать актуальную социальную идентичность, либо вредить ей, побуждая человека скрывать свою истинное лицо – личную идентичность. Как социальная идентичность, так и личная идентичность, по И. Гоффману, не являются константами: с течением времени в различных социальных ситуациях они способны корректироваться и изменяться. Поэтому И. Гоффман, помимо перечисленных, вводит «эго-идентичность» – субъективное ощущение своей собственной ситуации, собственной непрерывности и характера, которые человек приобретает в результате различных социальных переживаний¹⁸⁰.

Современники И. Гоффмана, социологи П. Бергер и Т. Лукман в совместной работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966) также затрагивали вопрос об идентичности. В своей книге они выступают за то, что идентичность детерминируется социальной структурой – она накладывается на человека путем интернализации чужих социальных ролей и установок. Передавая их, общество само себя упорядочивает, поскольку снабжает человека необходимыми схемами и программами действий, тем самым показывает ему, в каком социальном мире он находится. Человек же, принимая даруемые ему установки, входит в социальную реальность и получает свое место в системе социальных отношений. Но разные сообщества наполнены отличительными установками и схемами поведения и представлены различными социальными мирами. Расположение человека в границах интернализированного

---

¹⁷⁹ Ibid. P. 5.

¹⁸⁰ Smith G. Erving Goffman. London; New York, 2006. P. 87.

социального мира для П. Бергера и Т. Лукмана есть не что иное, как *тип идентичности*. При описании любого типа идентичности необходимо вводить историческую переменную, так как «общества обладают историями», которые делают социальный мир таким, каким он предстал на момент интернализации. Другими словами, типы идентичности не складываются в одночасье – это длительный процесс конструирования реальности обществ. Они так же, как и человек, имеют свою биографию: могут кристаллизоваться, поддерживаться, видоизменяться и переформироваться. Однако все-таки назвать П. Бергера и Т. Лукмана социальными детерминистами – большая ошибка, поскольку отдельного человека они тоже видят субъектом, который принимает участие в выстраивании идентичности. Во-первых, люди могут вовлекаться в различные сообщества и, следовательно, социальные миры, в результате чего приобретать несколько типов (социальной) идентичности, что образует личную идентичность. Во-вторых, в повседневной жизни люди используют типы идентичности как правила, которые можно и нарушать, что способно привести к корректированию идентичности¹⁸¹.

Само понятие «социальной идентичности» было обосновано в 1970-е гг. в рамках социальной психологии британскими учеными Г. Тэджфелом и Дж. Тернером. Концептуализацию понятия они начинали с идеи о категоризации, согласно которой в мышлении человека имеется когнитивный инструмент, который сегментирует, классифицирует, упорядочивает социальную среду¹⁸². Отнесение себя к конкретной категории позволяет человеку определить свое место в мире. Но людям недостаточно приобщать себя к одной категории – им необходимо понимать различие своей категории от других. Следовательно, процесс соотнесения с самим собой (self-reference) и демаркации с другими и есть социальная идентичность. Отсюда система обоснования социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера получила название «*теории самокатегоризации*» (self-categorization theory) или «*теории социальной идентичности*» (social identity theory – SIT).

---

¹⁸¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 279-281.

¹⁸² Tajfel H., Turner J. C. Op. cit. P. 281.

Еще одним существенным достижением теории самокатегоризации является введение качественной переменной в социальной идентичности. Поскольку социальная идентичность появляется при сравнении своей категории / социальной группы (in-group) с группой, имеющей другую социальную категорию (out-group), постольку формируется самооценка – качество своей идентичности. Если своя группа оценивается лучше, чем внешние группы, то в ней появляется позитивная идентичность, если наоборот, то в ней складывается негативная идентичность. На основании этих суждений авторы предлагают следующие теоретические заключения: 1) индивиды стремятся достигнуть или сохранить позитивную социальную идентичность; 2) позитивная социальная идентичность формируется благодаря положительной дифференциации с внешними группами; 3) когда идентичность неудовлетворительна, люди будут либо пытаться покинуть эту группу, либо стараться сделать идентичность своей группы более позитивной. Таким образом, «позитивную социальную идентичность можно описать как цель и награду», так как в обществе всегда происходит соперничество между категориями / группами за приобретение позитивной идентичности, которую получает победитель¹⁸³.

Современная социологическая мысль, опираясь на изложенные идеи, также не прекращает заниматься вопросом концептуализации идентичности. Несмотря на массовость появляющихся работ, условно современная социология идентичности разделяется на несколько теоретических направлений: конструктивистский, постмодернистский, интеракционистский подходы¹⁸⁴, теория неопределенности – идентичности, сетевая теория идентичности и политологические взгляды на идентичность.

1. *Конструктивистская теория идентичности*, находясь на пересечении социального конструктивизма и интеракционизма, характеризуется двумя выводами: 1) в академическом и публичных пространствах идентичность – это концепт, исторически характерный модерну; 2) идентичность находится в

¹⁸³ Turner J. C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior // European Journal of Social Psychology. 1975. Vol. 5. №. 1. P. 10.

¹⁸⁴ Полякова Н. Л. Указ. соч. С. 29.

постоянном формировании, как большими социальными силами, так и самими людьми. Первый вывод обусловлен тем, что современную социологию стал интересовать вопрос о том, почему в академическом дискурсе актуализируется концепт идентичности. Появился ряд работ таких социологов, как Э. Гидденс, К. Калхун, С. Холл, Р. Дженкинс, которые при наличии разных аргументов сошлись во мнении, что популярность темы идентичности объясняется социокультурным состоянием современности, которое вывело из тени индивидуальное «Я» человека как актора социальной реальности. Если раньше, в эпоху до-модерна, жизненный путь и принадлежность сообществу считались детерминированными, что не вызывало в повседневной жизни вопроса о том, «Кто я такой?», то с наступлением модерна, разрушившим устойчивые социальные связи и проекты жизни «по инструкции», человек остался без точки опоры на самоопределение. Отсюда современные идентичности становятся все более фрагментарными и раздробленными¹⁸⁵. В современном мире, как сказал К. Калхун, «нам намного труднее установить, кто мы есть, и удовлетворительно поддерживать собственную идентичность в нашей жизни»¹⁸⁶.

Здесь напрашивается и второй вывод: теперь человек похож на странника, который находится в постоянном поиске себя, поэтому идентичность для него является не данностью, а результатом непрекращающейся саморефлексии¹⁸⁷. По Э. Гидденсу, идентичность – это проект постоянной рефлексии, в котором человек всегда занимается приобретением своего прошлого через призму того, что ожидается от него в будущем. Поэтому любая идентичность предполагает наличие нарратива¹⁸⁸. При этом в современном мире социальные структуры никуда не ушли – они продолжают оказывать давления на самоопределение человека, создавая дискурсы, в которых идентичность предстает в качестве средства легитимации власти. Проблема в том, что дискурсы могут иметь антагонистические содержания, в результате чего между ними возникает

---

¹⁸⁵ Hall S. Op. cit. P. 10.

¹⁸⁶ Calhoun C. Op. cit. P. 10.

¹⁸⁷ Giddens A. Op. cit. P. 75.

¹⁸⁸ Ibid. P. 76-77.

напряжение и соперничество за навязывание идентичности¹⁸⁹. Поэтому С. Холл понимает идентичность как «сочленение» – временное прикрепление субъекта к субъективной позиции в дискурсе¹⁹⁰. В его понимании идентичность – это актуальное совпадение внешних и внутренних факторов: дискурса и интенции личности в самоопределении. Отсюда прочность идентичности зависит от того, насколько долго человек и дискурс будут находиться в позиции консенсуса. О необходимости различения двух сторон социальной идентичности говорит и Р. Дженкинс: первая – «номинальная идентичность», вторая – «действительная идентичность». «Номинальная идентичность» – это конструкт власти, благодаря которому ученые, политики, деятели искусства, медийные личности занимаются очерчиванием границ сообщества и наполняют его багажом опыта. «Действительная идентичность» – это самостоятельное осознание людьми своего сообщества, его места в мире. Благодаря «номинальной идентичности» властные организации проводят категоризацию и тем самым классификацию общества, однако придание группе формы еще не означает, что индивиды будут согласны с видением себя со стороны. Отсюда, согласно Р. Дженкинс, для номинальной идентичности присущ процесс «категоризации», основанный на предположении, что люди имеют общий критерий приобщения к социальной группе, а для действительной идентичности – процесс «групповой идентификации», предполагающий, что люди сами считают себя минимально похожими¹⁹¹.

2. *Постмодернистский подход* занимается не столько концептуализацией идентичности, сколько осмыслением этого понятия как социокультурного феномена современного мира. Один из теоретиков этого подхода Дж. Фридман начинает описание идентичности с характеристики современности как «эпохи усиливающегося беспорядка», вызванного кризисом всеобщего прогресса¹⁹². Этот кризис определил распад тотальности, разложение ранее больших обществ, стремящихся к господству широких универсальных национально-

¹⁸⁹ Calhoun C. Op. cit. P. 12.

¹⁹⁰ Молодыхенко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Т. 8. № 3. С. 125.

¹⁹¹ Jenkins R. Op. cit. P. 44-45.

¹⁹² Полякова Н. Л. Указ. соч. С. 35.

государственных идентичностей, на массу новых мелких культурных идентичностей¹⁹³. В условиях децентрализации и размножения идентичности, согласно З. Бауману, перед человеком встал вопрос о том, куда ему идти, чтобы понять себя. В постоянной фрагментации и изменчивости мира человек приобретает временную идентичность, и когда она теряет ценность, то он занимается поиском другой идентичности. Сегодня она похожа на костюм, который можно свободно надеть и снять. Отсюда З. Бауман и постмодернистский дискурс отрицает понимание идентичности Э. Эриксона как целостности и преемственности – сегодня, наоборот, человек находится в непрекращающемся поиске себя, в результате чего идентичность всегда для него носит незавершенный и открытый характер¹⁹⁴. В наиболее радикальных постмодернистских трактовках такая фрагментация и строительная изменчивость предстает в негативных тонах: человек в современном мире выглядит как субъект, который в ходе бесчисленных интеракций не видит «Другого», создающего его *Me*, что ведет к «демонтажу идентичности» – потерей человеком образа самого себя¹⁹⁵.

2. *Интеракционистский подход* представлен *теорией контроля идентичности*, которую разработал профессор кафедры социологии Калифорнийского университета П. Дж. Бёрк. Создатель теории контроля идентичности (Identity control theory – ICT) подчеркивает, что ее выводы базируются на принципах символического интеракционизма. Основа идентичности для П. Дж. Берка – это совокупность смыслов / значений, которые показывают человеку, «что значит быть» тем, кем он является в социальном мире. Тем самым определения себя в обществе начинается со «*стандарта идентичности*» (identity standard), то есть смыслов и значений, которым придерживается человек. Содержание же стандартов обуславливается культурой общества, в котором взаимодействует человек. В ходе социальных интеракций человек воспринимает реакцию других, в результате чего происходит проверка

¹⁹³ Friedmann J. Op. cit. P. 212.

¹⁹⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 186-191.

¹⁹⁵ Гуревич П. С., Спирина Э. М. Указ. соч. С. 27.

идентичности. Если восприятие соответствует стандарту идентичности, то с человеком все в порядке: его идентичность подтверждается и никаких изменений от него не требуется. Однако если восприятие и стандарт идентичности расходятся и противоречат друг другу, то возникает ошибка, и индивид будет стараться восстановить соответствие между ними¹⁹⁶. Для того чтобы восстанавливать и поддерживать баланс восприятия и структуры идентичности, люди используют различные ресурсы (знаки и символы). И чем больше ресурсов находится под контролем человека, тем быстрее он воссоздает баланс, тем устойчивее его идентичность¹⁹⁷. Следовательно, большее количество ресурсов (знаков и символов) позволяет людям уменьшать вероятность ошибок несоответствия стандарта и восприятия при проверке идентичности. Таким образом, каждая идентичность, для П. Дж. Бёрка – это система управления и надзора, которая действует для контроля восприятия значений, корректируя их в соответствии со значениями в стандарте идентичности¹⁹⁸.

Несмотря на то, что стандарты идентичности являются эталонами, с которыми происходит сравнение воспринимаемых значений, они также подвержены изменениям. Первый способ трансформации стандарта идентичности – появление необычных обстоятельств, которые дают сильные новые восприятия, заставляющие стандарт постепенно адаптироваться под них. Второй способ – несоответствие у одного человека стандартов идентичности, когда восприятие приемлемо для одного стандарта, но чуждо другому. Выход из этого конфликта – сближение стандартов до компромиссной позиции. И в первом, и во втором случае итог один: изменение идентичности¹⁹⁹. Поэтому для поддержания устойчивой идентичности человеку необходимы не только ресурсы, но и наличия непротиворечивых стандартов, которые дают одинаковую реакцию на одно и то же восприятие.

---

¹⁹⁶ Burk P. J. Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address. P. 7-8.

¹⁹⁷ Burk P. J., Sets J. E. Identity Theory. P. 111.

¹⁹⁸ Осипова Ю. В. Теория контроля идентичности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 217.

¹⁹⁹ Burk P. J. Identity Change. P. 84-85.

3. *Теория «неопределенности – идентичности»*. Точкой отсчета мысли М. Хогга является суждение о том, что любой человек изначально находится в состоянии неопределенности, которое, по принципу энтропии, способно только усиливаться под натиском времени. Поэтому человек стремится «зацепиться» за категорию / социальную группу, которая позволит ему выбраться из хаоса. Следовательно, социальная идентичность – это защита от неустойчивости в мире, так как социальные группы дают потерявшему человеку цели жизни, методы их достижения, практики поведения, что делает для него мир более предсказуемым. М. Хогг формулирует правило: чем меньше неопределенность, тем сильнее и устойчивее идентичность²⁰⁰. Таким образом, человек стремится приобщиться к таким социальным группам, которые через наиболее ясные цели, образы и четкие практики поведения будут минимизировать его чувство неопределенности. Тем самым большее слияние с группой увеличивает деперсонификацию – уничтожению человеком себя. Однако при попытке человека как можно сильнее «зацепиться», конституироваться во времени и пространстве неопределенность, как и энтропия, продолжается. Следовательно, если социальная идентичность слабеет, то человек ищет приобщения к новой группе, которая даст ему панацею перед лицом неопределенности. Поэтому социальная идентичность – априорно изменчива, это лишь временное уменьшение неопределенности.

4. *Сетевая теория идентичности*. Интересный взгляд на идентичность предлагает профессор Колумбийского университета Харрисон Уайт. Для него вопрос о формировании идентичности на уровне социальных структур или же на уровне отдельных личностей звучит неправильно. По Х. Уайту, идентичность – это сеть отношений между социальными субъектами. Чтобы вывод не казался голословным, необходимо понять ход суждений Х. Уайта, представленный в книге «Идентичность и контроль: как возникают социальные образования». В ней, как и М. Хогг, Х. Уайт полагает, что изначально человек находится перед лицом хаоса: делая шаги, индивид сталкивается с беспорядком. Поэтому его первая цель – найти точку опоры, которая уменьшит неопределенность. Проблема

---

²⁰⁰ Hogg M. A. Op. cit. P. 73.

в том, что достижением такой цели занимаются все люди, стремящиеся сузить «состояние турбулентности», поэтому каждый пытается найти точку в других таких же ищущих индивидов, за которую можно ухватиться, в результате чего возникает социальная связь. Именно с этого момента начинается идентичность. Она, согласно Х. Уайту, имеет длительный путь, состоящий из нескольких этапов. Основываясь на теоретических размышлениях, Х. Уайт называет пути приобретения идентичности следующим образом: *поиск, осмысление, перемещение, нарративизация*. На первом этапе индивид, стараясь победить хаос, устанавливает контакты с другими индивидами, что образует «узлы». Такие узлы не единичны, поэтому они являются позицией в сети контактов / отношений. В каждом из узлов индивид оставляет свой след. Далее процесс складывания идентичности переходит на второй этап: люди начинают осмыслять узлы, понимать особенности взаимодействия их участников. Тем самым образуется социальное «лицо» и формируется идентичность социальной группы. Осмыслив узлы, люди не остаются в них постоянно – они переключаются из одного домена сети (netdom) к другому. Иначе говоря, на третьем этапе индивиды регулярно перемещаются между идентичностями разных сетевых доменов – социальных групп. Достигнув четвертого этапа, человек уже не просто переключается между доменами, а осмысляет свои перемещения между идентичностями. Его идентичность предстает в виде рассказа, в котором отмечается привязка к доменам сети. Таким образом, на четвертом этапе «человек воспринимает себя как нарративно выстроенную историю путешествия по разным сетям»²⁰¹.

5. *Политологические теории* сложно представить в качестве целостного единства – это, скорее, поле, на котором сосуществуют и взаимодействуют различные дисциплинарные направления, среди которых политология, политическая социология, политическая психология. Однако всех их объединяют тематические векторы исследований: акцент на идентичности больших социальных групп, выступающих субъектами политических процессов, изучение взаимоотношений между группами, носящими отличные друг от друга

---

²⁰¹ White H. C. Op. cit. P. 10-11, 17.

идентичности, концептуализация национальной идентичности. И этот политологический ракурс позволяет социологам связывать идентичность с политикой государства.

В гонке за осмысление идентичности американско-австралийский политолог Л. Хадди выступает за участие такой дисциплины, как политическая психология. Политическую психологию, по ее мнению, интересует, в первую очередь, социальная идентичность больших групп (этносов, конфессий, наций) как набор представлений и поведенческих установок, имеющих, как показывает исторический опыт, устойчивость во времени. Человек способен приобщаться к этим устойчивым конструкциям, а также отказываться от них в пользу других. Для измерения состояния идентичности Л. Хадди предлагает ввести своего рода индикатор – «силу идентичности», от которого зависит устойчивость идентичности группы. Сила идентичности обуславливается степенью притяжения человека к структурным компонентам социальной идентичности. Ими являются: 1) *границы*; 2) *прототипы*; 3) *смыслы*²⁰². Границы делят членов группы на «своих» и «чужих» с помощью внешних маркеров, позволяющих провести отличия. Иными словами, границы и маркеры – это, своего рода, барьеры, определяющие степень свободы приобретения идентичности группы. Чем менее прозрачны границы и чем чаще предстает внешняя маркировка, тем легче принять идентичность группы (то есть тем свободнее получение / отказ от идентичности). Групповой прототип – это реальный человек (например, глава государства, выдающаяся личность) либо вымышленный член, который воплощает в себе наиболее широкие или наиболее часто встречающиеся атрибуты, общие для всех²⁰³. А смысл – это общие образы, центральные ценности группы. Поэтому, по мнению Л. Хадди, сила идентичности зависит от удаленности личности от группового прототипа и центральных ценностей: чем ближе к «ядру», тем больше вовлеченность, тем больше деперсонализация, слияние личности с воображаемой конструкцией и, следовательно, тем сильнее социальная идентичность.

---

²⁰² Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory. P. 140-141.

²⁰³ Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment. P. 749.

Каждая социальная идентичность выстраивается в виде нарратива – последовательности связанных сюжетов, посредством чего объясняется суть социальной идентичности²⁰⁴. Тем самым через прочтение и присвоение нарратива человек способен понять свое место в социальном мире и действовать в соответствии с предписаниями, которые обуславливаются идентичностью. По словам французского исследователя Д.-К. Мартина, нарратив идентичности строится на трех сюжетных основаниях: на отношении к пространству, на отношении к культуре (отличительным «эмблемам» общества) и на отношении к прошлому²⁰⁵. Иначе говоря, одним из факторов формирования идентичности является память общества об общем прошлом, которое подтверждает отличительность «нас» от «других» в настоящем. Именно поэтому, согласно словам американского историка А. Мегилла, в социальном мире действует следующая формула: «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти»²⁰⁶. Память, таким образом, становится ресурсом, который укрепляет идентичность и уменьшает состояние неопределенности человека. Она дает ему в виде повествования представление о границах идентичности, об отличительных внешних маркерах, о групповых прототипах и о системе ценностей.

Однако проблема в том, что нарративы идентичности могут находиться в разных режимах по отношению друг к другу. Британский политолог А. Пурдекова выделяет два таких режима: *сопоставительный* и *консолидирующий*²⁰⁷. Первый появляется в том случае, если содержание нарратива аутгруппы, представляющей чужую идентичность, воспринимаются в ингруппе как ограничивающее свободу, в результате чего внутри группы происходит защитная реакция: сила собственной социальной идентичности увеличивается за счет отдаления от «ядра» внешней

---

²⁰⁴ Somers M. R. Op. cit. P. 606.

²⁰⁵ Martin D.-C. Op. cit. P. 12-13.

²⁰⁶ Мегилл А. Указ. соч. С. 138.

²⁰⁷ Purdeková A. Itinerant nationalisms and fracturing narratives: Incorporating regional dimensions of memory into peacebuilding // Memory studies. 2018. P. 3.

идентичности как чуждой и опасной²⁰⁸. Другими словами, при наличии противоречий в нарративах, появляется риск возникновения «конфликта идентичностей»²⁰⁹, который способен разрушить целостность общества. Поэтому среди представителей разных этносов, жителей различных регионов, членов разных политических объединений имеются риски конфронтации, увеличения социальной дистанции, вызванной «конфликтом идентичностей».

Но, с другой стороны, возможен консолидирующий режим, где нарративы разных видов идентичности способны сосуществовать друг с другом или даже интегрироваться, создавая сложносоставные и многоуровневые идентичности²¹⁰. Примером этого режима, в котором происходит объединение множества других субидентичностей, является *национальная идентичность*, обуславливающая межгрупповую интеграцию в рамках одной нации. Согласно Л. Хадди, национальная идентичность предполагает не гибридизацию существующих социальных идентичностей, а «совпадение идентичностей» (*identity overlap*), усиливающее групповую сплоченность²¹¹. Тем самым национальная идентичность уменьшает вероятность появления конфликтов между представителями разных этносов и локальных сообществ²¹². Дело в том, что национальная идентичность позволяет ощущать разным людям общую национально-государственную сопричастность, включая их другие социальные идентичности. Иначе говоря, такая идентичность надстраивается над другими сообществами и социальными группами, различия между которыми не препятствуют ощущению общего единства. Такое совпадение идентичностей достигается наличием среди людей из разных сообществ общих духовных, культурных оснований, формирующих чувство сопричастности к государственной и политической общности – «большой политической семье»²¹³.

²⁰⁸ Fisher R. J. Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory. London. 1990. P. 103-104.

²⁰⁹ Попов М. Е. Указ. соч. С. 296.

²¹⁰ Жаде З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая. С. 19-24; Она же. Многоуровневая идентичность: опыт исследования в республике Адыгея. С. 60-62.

²¹¹ Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment. P. 746.

²¹² Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory. P.129.

²¹³ Семенов И. С. Указ. соч. С. 409.

Это дает толчок к формированию представлений о своем государстве как высшей ценности, которая определяет оценки и поступки людей, делает граждан вовлеченными в жизнь страны²¹⁴. Таким образом, сложность национальной идентичности объясняется не только вертикальной многоуровневой структурой, но и горизонтальной многокомпонентностью. Ссылаясь на классификацию российского социолога Л.М. Дробижевой, диссертант отмечает, что горизонтальная структура национальной идентичности включает в себя несколько составляющих: *государственную, гражданскую и историко-культурную*²¹⁵, каждая из которых обладает интегративным потенциалом для субидентичностей. Если первый и второй компонент соответственно включают в себя лояльность государству, его институтам и консолидацию с другими гражданами страны, их готовности к принятию политических решений, то третий, историко-культурный компонент, опирается на историческую память народа, язык и представления об общих элементах в культуре и ценностях.

Таким образом, проведенный анализ представленных подходов позволяет сделать выводы по данному параграфу: понять место идентичности в осмыслении коммеморативного сообщества. Для уменьшения состояния неопределенности человек испытывает потребность в приобщении к сообществам. Такой процесс приобщения, то есть обретения идентичности, возможен благодаря усвоению человеком стандартов сообщества: групповых прототипов, внешних маркеров, ценностей, коллективных представлений, дающих человеку состояние определенности. Тем самым между человеком и сообществом образуется «сила идентичности», заключающаяся в дистанции между стандартами сообщества и установками человека. Чем меньше дистанция, тем сильнее чувство приобщенности, а чем она больше, тем слабее человек ощущает себя частью социальной общности. Стандартами коммеморативного сообщества являются групповые прототипы прошлого, выступающие в виде индивидуальных героев или коллективных акторов и унифицированные ценностные суждения о прошлом.

---

²¹⁴ Галкин А. А. Указ. соч. С. 7.

²¹⁵ Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян. С. 486.

Эти стандарты конструируются лицами, обладающими культурным капиталом, и преподносятся в виде инфраструктуры памяти, направленной на складывание номинальной идентичности. И если отношения людей к прошлому, представленные в виде коммеморативной культуры, отражающей действительную идентичность, совпадают с инфраструктурой памяти, то складывается позитивная социальная идентичность, поддерживающая связь человека с коммеморативным сообществом. В противном случае социальная идентичность слабеет, а человек отдаляется от коммеморативного сообщества. Тем самым гарантом сохранения социальной идентичности коммеморативного сообщества является целостность и согласованность культуры памяти.

1.3 Роль культуры памяти в воспроизводстве социальных представлений о прошлом

Человек способен помнить образы, выходящие за границы его жизненного опыта. Но он хранит эти образы не по своей прихоти, а потому, что их преподнесло и навязало ему общество, о чем, как было показано в первом параграфе, говорят все социологические теории, объясняющие проблему памяти. Передача таких образов – не спонтанные и хаотичные импульсы, а организованный процесс, за которым стоят социальные институты. Одни образы они делают невидимыми, а другие, наоборот, выводят на первый план, выстраивая вокруг них систему коллективных практик, задача которых – распространение и актуализация необходимых воспоминаний о прошлом среди индивидуальных сознаний²¹⁶. Тем самым общество решает не только, *какой* опыт коллективного прошлого мы помним, но и *как* мы его помним. Иначе говоря, общество создает «инфраструктуру памяти», включающую мемориалы, музеи, учебную литературу, государственные праздники, публичные поминовения, топонимию пространства, произведения литературы и искусства, отличительные

---

²¹⁶ Дуглас М. Указ. соч. С. 146.

знаки солидарности²¹⁷. Сложившаяся социальная организация структурирования образов прошлого представляет собой особую культуру воспоминаний – «культуру памяти». Однако в исследовательском поле *memory studies* и конкретно в социологии «культура памяти» не имеет четкой дефиниции, поэтому появляется потребность в обзоре различных вариантов концептуализации данного понятия.

В 1992 г. понятие «Erinnerungskultur» использовал немецкий философ, исследователь социологии культуры Г. Люббе²¹⁸. Несмотря на последующее умножение смысловой нагрузки предложенного слова, на русском языке наиболее близкий смысл понятия передает словосочетание «культура исторической памяти»²¹⁹. Сам Г. Люббе не предлагает читателю точного определения используемого термина, однако контекст позволяет понять, что для немецкого исследователя оно обозначает распространенные в конкретном обществе способы сохранения и актуализации свидетельств прошлого. Эти способы имеют как семьи и государства, так и сама цивилизация, поэтому «Erinnerungskultur» не ограничивается лишь рамками исторической (национально-государственной) памяти. Следовательно, в мыслительном пространстве Г. Люббе оно означает «культуру памяти» на разных уровнях социальной жизни. «Культура памяти» для Г. Люббе основывается на стремлении людей предопределить свое прошлое в будущем. Дело в том, что общества (особенно современные) существуют в условиях постоянного увеличения массы материальных предметов, текстов, образов прошлого и тем самым сталкиваются с избытком информации о прошлом, что заставляет их в настоящем заниматься *перцепцией* – предвидением того, что нужно будет вспомнить в будущем²²⁰. Но разные общества, государства и цивилизации имеют неодинаковые перцепции, поэтому предлагают уникальные стратегии обращения с прошлым и, следовательно, обладают собственными «культурами памяти».

²¹⁷ Малинова О. В. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.-СПб, 2018. С. 44.

²¹⁸ Lübbe G. Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin; Heidelberg; New York, 1992. P. 1-2.

²¹⁹ Малинина Р. А., Пушкарева Т. В. Gedächtnis - Erinnerung - Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 2. С. 93.

²²⁰ Люббе Г. Указ. соч. С. 20-21.

В начале 2000-х гг. исследователи продолжили последующее осмысление концепта «культурной памяти» (*Erinnerungskultur*). В след за Г. Люббе «культура памяти» стала пониматься как неотъемлемый симптом современных обществ, которые из-за постоянных и интенсивных изменений стремятся найти точки опоры в прошлом²²¹. В академическом дискурсе возникло несколько различных позиции. С одной стороны, появилась *политическая* трактовка А. Хьюссена, согласно которой между «культурой памяти» и политикой памяти (как управлением прошлым ради достижения целей в будущем) можно поставить знак равенства. А. Хьюссен отмечал, что «культура памяти» сегодня превратилась в инструмент политики постольку, поскольку современные зарождающиеся государства стали использовать прошлые преступления и ошибки предшествующих политических режимов для утверждения собственной легитимности²²². Поэтому фокус изучения «культуры памяти» должен сводиться к административным аспектам управления мемориальной инфраструктурой общества²²³.

С другой стороны, имеется *культурологическая* интерпретация таких немецких исследователей, как А. Ассман и А. Эрлл, которые выступают против такого жесткого сведения «культуры памяти» до редуцированного инструмента политики²²⁴. А. Ассман предлагает три значения «культуры памяти». В первой трактовке «культура памяти» – это плюрализация и интенсификация обращений к прошлому: если раньше к нему приковывалось только внимание экспертов, то теперь прошлое является сферой интересов множества простых людей и социальных групп. Во втором значении «культура памяти» – это средство складывания идентичности социальной группы, утверждения собственных ценностей, активизации коллективной деятельности. И в третьем значении – это этическое измерение общества, предполагающее проработку трудного прошлого

---

²²¹ Brockmeier J. Op. cit. P. 19.

²²² Huyssen A. Op. cit. P. 16.

²²³ Meyer E. Op. cit. P. 179.

²²⁴ Следует оговориться, что в русскоязычном варианте А. Ассман книг термин *Erinnerungskultur* переводится как «мемориальная культура».

для восстановления справедливости²²⁵. К какой бы трактовке ни обращался исследователь, структурно «культура памяти», согласно А. Ассман, состоит из двух основных элементов: 1) культуры сохранения прошлого (инфраструктуры памяти) и 2) культуры обращения к прошлому (коммеморативной культуры)²²⁶, или, говоря словами Г. Люббе, перцепции и рецепции. А. Эрлл также говорит о структурной дифференциации «культуры памяти». Она подчеркивает, что «культуру памяти» следует рассматривать в трех измерениях, показанных на рисунке 5.

Рисунок 5 – Три измерения культуры памяти по А. Эрлл

Ментальное измерение представлено коллективными паттернами и кодами (образами прошлого, ценностями, стереотипами), которые преобладают в конкретном обществе. *Социальное* измерение состоит из практик и социальных институтов, которые участвуют в производстве, хранении и извлечении знаний, относящихся к коллективу. *Материальное* же измерение включает в себя мемориальные объекты (памятники, тексты и вещи), в которых закодированы образы прошлого, прочтение которых возможно членами коммеморативного

²²⁵ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 30-31.

²²⁶ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. С. 235-236.

сообщества. Сочетания содержания измерений образуют уникальную «культуру памяти». И поскольку количество таких конфигураций не ограничено, постольку, согласно А. Эрлл, даже в самом однородном обществе сосуществует множество «культур памяти»²²⁷.

Если попытаться вывести промежуточный итог, то становится видно, что у всех предложенных интерпретаций концепта имеется один магистральный лейтмотив: «культура памяти» в них отвечает за формирование образов прошлого в настоящем для последующей трансляции в будущее²²⁸. Поэтому она является своеобразным зеркалом любого общества в настоящем. Размышляя по этому поводу, британский антрополог М. Дуглас усматривает положительную корреляцию между социальным порядком и памятью: чем сильнее структурированность общества, тем сложнее связность прошлого и, наоборот, чем изолированнее социальные единицы, тем более фрагментарна и разрозненна их общая память²²⁹. Поэтому степень организованности культуры памяти свидетельствует о состоянии актуального социального порядка²³⁰. Такая степень организованности мемориального поля не константна – она способна к изменениям в течение времени. Автор работ в области *memory studies* А. Рингни говорит, что в одни периоды значимость памяти увеличивается, а в другие, наоборот, уменьшается. И эта изменчивость влияет на интенсивность культивирования памяти, ее моральное значение и культурные формы, в которых она выражается²³¹. Таким образом, выявляется следующая связка: наличие стабильных образов прошлого, практик и институтов их конструирующих, поддерживающих и транслирующих свидетельствует об устойчивости «культуры памяти» и, следовательно, о существовании социального порядка. Поэтому, чтобы понять, в каком состоянии находится порядок в обществе, необходимо

²²⁷ Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. P. 99-100.

²²⁸ Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дисс. ... д. культурологии. М., 2011. С. 14.

²²⁹ Дуглас М. Указ. соч. С. 161-162.

²³⁰ Ссылаясь на исследование британского антрополога Э. Эванса-Притчарда, М. Дуглас объясняет, почему африканские племена нуэров помнят только прародителей рода и забывают остальных. Причина – эгалитарность общества нуэров, где, при отсутствии института вождества, нет необходимости обосновывать притязания на власть путем сохранения и поддержания в памяти родословной.

²³¹ Rigney A. Op. cit. P. 244.

пристально смотреть на «культуру памяти» этого общества, функционирующей в трех измерениях. Отсюда появляется потребность в более глубоком погружении в содержание измерений.

Ментальное измерение, представленное паттернами социальных представлений о прошлом, содержания и комбинации которых создают различные виды памяти. Но проблема в том, что сегодня возникают терминологические сложности даже по поводу самой дефиниции памяти. Например, канадский экспериментальный психолог Э. Тульвинг насчитал 256 видов памяти²³². Применительно к социологии употребляются такие варианты, как «социальная память», «коллективная память», «публичная память», «историческая память», «коммуникативная память», «культурная память»²³³. Наиболее спорным является использование понятия «историческая память», что требует его теоретического объяснения, то есть необходимого очерчивания его содержательной рамки для облегчения дальнейшего прочтения этой работы.

Сегодня в отечественной социологии имеется настороженность к использованию концепта исторической памяти, его считают излишне нагроможденным или противоречивым²³⁴. Действительно, еще М. Хальбвакс векторно противопоставил понятия «памяти» и «истории». По его мнению, первая представлена яркими и насыщенными образами, вторая – сухими абстрактными фактами²³⁵. Эту традицию продолжил французский историк П. Нора, который считает, что память – это актуальное и живое прошлое, находящееся в постоянной диалектике воспоминания и забывания. Она вытесняет нежелательные сведения о прошлом, оставляя в настоящем лишь удобные воспоминания. Тогда как история – это неполная и частичная реконструкция прошлых событий, которых больше нет в настоящем. Тем самым то, что вытесняет память, из забвения извлекает

²³² Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? // The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger. New York, 2007. P. 39-52.

²³³ Безрогов В. Г. Помнить нельзя забыть: коллективная память, воспоминания о детстве и тема войны в учебниках для начальной школы конца 1940-х – начала 2000-х гг. // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А. Ю. Рожкова. Краснодар, 2010. С. 32.

²³⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. С. 53; Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения. С. 30.

²³⁵ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 19.05.2021).

история.²³⁶ Иначе говоря, память пытается забыть, а история – вспомнить. Поэтому для П. Нора память и история расположены в антагонистических отношениях, из-за чего существование одного влечет к уничтожению другого²³⁷.

Чтобы не попасться в терминологическую ловушку и избавиться от лишней смысловой нагрузки, современные социологи часто оперируют родственными понятиями «коллективной памяти», «социальной памяти», «культурной памяти»²³⁸. Коллективную память используют в той коннотации, которую вложил в термин М. Хальбвакс, подразумевая под ней представления о прошлом конкретной социальной группы (от семьи до религиозной общины). Она состоит из образов, связанных с живым прошлым тех людей, которые включены в социальную группу²³⁹. Если же говорить о социальной памяти, то она понимается неоднозначно. С одной стороны, социальную память наделяют точно таким же смыслом, как и коллективную память²⁴⁰. С другой стороны, социальную память трактуют не столько как образы группы, сколько как механизмы сохранения, переработки и передачи информации на различных этапах исторического развития общества²⁴¹. Что касается культурной памяти, то под ней понимают «систему удержания прошлого в настоящем»²⁴², включающую специальные социальные институты, которые сохраняют мемориальные объекты (тексты, артефакты, памятники). Иначе говоря, это совокупность механизмов, увековечивающих образы прошлого, что отчасти совпадает со второй трактовкой социальной памяти. Из-за существующей путаницы в терминологии диссертант выступает за применение понятия «исторической памяти», концептуализация которого имеет сложившуюся традицию в отечественной социологии.

В социологической науке интенцию включения понятия «исторической памяти» еще в начале 2000-х гг. задал Ж.В. Тощенко. Он отметил, что у конкретного человека, социальной группы или поколения имеется «причудливое

²³⁶ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 20.

²³⁷ Cubitt J. History and memory. Manchester; New York. 2007. P. 46.

²³⁸ Воденко К. В. Указ соч. С. 6.

²³⁹ Касьянов В. В., Самыгин С.И. Указ. соч. С. 77.

²⁴⁰ Соломина И. Ю. Социальная память: структура и феномены : автореф. дис. ... канд. философ. наук. С. 15.

²⁴¹ Колеватов В. А. Указ. соч. С. 42-43; Шаповалова Н. С. Указ. соч. С. 21.

²⁴² Лебедева Г. В. Память и забвение как феномены культуры : автореферат дис. ... канд. философ. наук. С. 22.

сочетание» научных знаний и повседневных представлений об истории в целом, истории России, истории народа, истории населенного пункта или семьи. Эти сведения о прошлом могут быть размыты и рассеяны, но при наличии фокуса они аккумулируются и выражают особую значимость в настоящем общества, становясь исторической памятью. В ходе фокусировки одни события прошлого отсеиваются, а другие, наоборот, актуализируются, в результате чего во внимании остается то, в чем общество имеет потребность сейчас и что, возможно, понадобится в будущем. Иными словами, согласно Ж.В. Тощенко, только тот народ может иметь историческую память, который способен организовать и воспроизвести аккумулированный опыт в будущем. Если продолжать мысль Ж.В. Тощенко, то получается, что историческая память – это темпоральный континуум, в котором существует народ²⁴³.

Начальной единицей исторической памяти является «образ прошлого» – представление о наиболее значимых исторических событиях и людях, которое закреплено в сознании человека в виде устойчивого кода. К свойствам образов прошлого относятся: метафоричность, эмоциональность, узнаваемость и наличие в нем универсальной ценности²⁴⁴. Образы прошлого находятся во взаимном отношении друг к другу, в результате чего они образуют особую карту памяти – содержательную канву исторической памяти. Эта карта может меняться, поскольку сама историческая память динамична: одни образы считаются наиболее ценными и помещаются в центр общественного внимания, другие – выносятся на периферию, но отношения между ними могут меняться. Кроме того, никто не исключает того факта, что на карте памяти в связи с запросом общества могут появляться новые образы, а другие, ненужные, вытесняться в забвение.

В сознании людей эти образы прошлого могут возникать несколькими путями: либо через собственный жизненный опыт переживания события прошлого или через устную коммуникацию с очевидцами событий, либо

---

²⁴³ Тощенко Ж. В. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. № 4. 2000. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 18.05.2021).

²⁴⁴ Мазур Л. Н. Указ. соч. С. 249.

посредством социальных механизмов – института образования, СМИ, мемориальной инфраструктуры (музеев и памятников), коммеморативных практик. В связи со стратегиями формирования образов прошлого выделяется два вида исторической памяти: личная (индивидуальная) и общая историческая память. Первая передается и складывается под влиянием семьи и ближайшей окружающей социальной среды, а вторая под воздействием социальных институтов²⁴⁵. Если образы прошлого одного события или личности индивидуальной и общей памяти совпадают, то историческая память согласована, если нет, то образуется «эффект разорванной памяти», в ходе которого люди отрицают историческое прошлое как ценность и историческая память находится в состоянии кризиса²⁴⁶.

Получается, что наличие устойчивой исторической памяти в обществе – это главный элемент стабильности в социокультурном поле, поэтому историческая память сама по себе является ценностью. Согласно В.Э. Бойкову исторической памяти присуще три функции. Первая – ценностно-ориентационная функция: представления людей о прошлом народа выступают в качестве ценностных ориентиров, которые оказывают влияние на социально значимое поведение людей. Вторая – идентификационная функция: благодаря образам исторической памяти индивид способен понять свое место в социальном пространстве – в семье, в региональной общности, в стране и даже в мире. Третья – транслирующая функция: историческая память из поколения в поколение передает наиболее значимый опыт, знания и идеи²⁴⁷. Иными словами, с помощью исторической памяти человек получает устойчивую систему координат во времени и пространстве – через ценностные ориентиры, выраженные образами прошлого, он ощущает и понимает свое место в устройстве социального мира.

Исходя из сказанного, складывается впечатление, что историческая память – это эссенция, которая довлеет над индивидом и исключает его свободу. Однако это суждение в духе социологического реализма неправомерно. А.Н. Малинкин

---

²⁴⁵ Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Указ. соч. С. 44.

²⁴⁶ Мазур Л. Н. Указ. соч. С. 248.

²⁴⁷ Бойков В. Э. Указ. соч. С. 46.

подчеркивает, что историческая память, будучи надындивидуальной реальностью, не может существовать без «духовных актов» людей. Иначе говоря, историческая память подпитывается социальными действиями, и поэтому от их силы и направлений она способна рождаться, умирать, возрождаться и трансформироваться²⁴⁸. То есть историческая память возможна только в амбивалентном состоянии: человек через социальное действие экстериоризирует опыт прошлого, но в то же время интериоризирует уже имеющееся знание. Но не нужно думать, что любое действие человека наполняет жизнью историческую память. Как правильно замечает С. Ушакин, «люди не рефлексуют особо по поводу исторического прошлого в своей повседневной жизни»²⁴⁹. Для жизнедеятельности исторической памяти социальные действия невозможны в пространстве обыденности – для них нужен соответствующий фон и специальные триггеры, которые усиливают чувство эмоциональной сопричастности к общему прошлому народа²⁵⁰.

Чтобы передать образы прошлого в качестве ценностей, в обществе создаются различные инструменты и механизмы, среди которых выступают коммеморативные практики, музейные пространства, мемориальные объекты и школьное историческое образование²⁵¹. Поскольку без понимания сути этих инструментов концептуальное обоснование исторической памяти становится неполноценным, постольку у диссертанта появляется потребность в раскрытии их социальной сущности.

Социальное измерение. «Дистанционное переживание событий» прошлого не может существовать без социального действия, где люди прилагают усилия с целью восстановить образ прошлого. Значимость этих совместных действий описал основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм, согласно которому весь мир, в который помещен человек, двойственен. Мир состоит из двух противоположных сфер: «профанного» и «сакрального». Профанность

²⁴⁸ Малинкин А. Н. Указ. соч. С. 25.

²⁴⁹ «Мы у прошлого не учимся, мы им живем». Беседа Ирины Костериной с Сергеем Ушакиным. С. 160.

²⁵⁰ Savin S. D., Kasabutskaya M. S. Historical Memory of Ethno-Confessional Conflicts in Russia // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1099.

²⁵¹ Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Указ. соч. С. 110-111.

всегда связана с индивидуальностью, где человек замкнут в собственном жизненном мире, а сакральность – с социальностью, где человек выходит за рамки своей уникальной повседневности. Посредником в переходе людей из индивидуального состояния в социальное является ритуальная практика, в ходе проведения которой они могут ощутить свое единство²⁵². Ритуал, воспроизводящий общие для людей образы прошлого, называется коммеморативной практикой. Они могут представать в форме праздников, юбилейных торжеств, публичных речей, участия в мемориальной службе по погибшим и т.д. Они позволяют разрозненным индивидам заново пережить события прошлого социальной группы, ощутив чувства единства и социальной солидарности²⁵³. Такой эффект возможен благодаря реконструкции «шокового состояния» – воссозданию прошлых социальных ситуаций, позволяющих испытать похожие эмоции предшественников. К тому же при соприкосновении с сакральным происходит концентрация интенций индивидов в одной точке, что приводит к образованию центрального коллективного образа прошлого. Коммеморативные практики обладают следующими особенностями:

1. *Амбивалентность*. Любая социально значимая деятельность включает в себя два вида действий. Во-первых, репродуктивные действия, направленные на воспроизводство уже существующих норм и коллективных представлений; во-вторых, продуктивные действия, цель которых сводится к социальной инновации. Парадоксальность заключается в том, что один вид действий не способен существовать без другого. Согласно Б. Вальденфельсу, именно сосуществование монотонности и исключительности (новшества) позволяют человеку и обществу сохранять целостность и развиваться в течение времени²⁵⁴. Соответственно коммеморативная практика, находящаяся между профанной и сакральной сферами, должна совмещать в себе регулярную воспроизводимость и экстраординарность. Другими словами, коммеморация, с одной стороны, должна

²⁵² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система Австралии. С. 80.

²⁵³ Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма. С. 152.

²⁵⁴ Вальденфельс Б. Происхождение норм из жизненного мира // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. Минск, 1999. С. 92-95.

воспроизводить привычные для социальных акторов образы прошлого, а с другой стороны, всегда удивлять участников. Разрыв репродуктивного и продуктивного действий приводят к потере у коммеморативной практики социальной значимости. В этом случае коммеморация становится полностью обыденной, а интерес к ней постепенно утрачивается. Поэтому, например, из-за процесса опривычивания в ходе встреч с ветеранами войны сегодня имеет место потеря интереса к участию в таких коммеморациях со стороны молодежи²⁵⁵. В противном случае коммеморативная практика может стать «излишне сакральной», в результате чего ее содержание делается неясным для индивидов. Ведь когда объект или действие «излишне сакральны», то они имеют две грани – «священное», которое после соприкосновения с мирским становится «скверным»²⁵⁶. В итоге социальное может стать опасным и отрешенным, в то время как коммеморация должна связывать отдельного индивида с обществом через соединение профанного и сакрального.

2. *Наличие «воспоминания-вспышки».* Люди имеют множество различных фрагментарных восприятий реальности. Чтобы преодолеть разрозненность, из массы фрагментарных ретенций индивидам необходимо выбирать такие воспоминания, которые будут одновременно необычны и понятны всем. Если это условие соблюдено, то люди будут выражать свою вовлеченность, а коммеморативная практика, следовательно, станет проводником в коллективное сознание социальной группы или сообщества. Такими избранными образами выступают «вспышечные воспоминания» – воспоминания об исключительных событиях, которые позволяют людям чувствовать себя частью истории социальной группы²⁵⁷. Иначе говоря, это переломные моменты прошлого, в которых произошел резкий переход от привычного и рутинного к необычному и экстраординарному. Поэтому одним из отличительных признаков «вспышечного воспоминания» является яркость образа, который воссоздают индивиды. Яркость,

²⁵⁵ Реброва И. В. Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей; под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 257-262

²⁵⁶ Кайуа Р. Двойственность сакрального. С. 242-243.

²⁵⁷ Hirst W., Phelps E. A. Op. cit. P. 38.

в свою очередь, обуславливает доверие – уверенность в истинности воспоминания²⁵⁸.

3. *Вовлеченность*. Понятие вовлеченности в социальном взаимодействии очень удачно развернуто И. Гоффманом, для которого вовлеченность тождественна включению в процесс действия. С индивидуального аспекта включенность у И. Гоффмана разделяется на *главную*, то есть основную интенцию, и *побочную* – деятельность, которая осуществляется параллельно и, порой, неосознанно. С позиции социальных институтов и групп, вовлеченность может быть *доминирующей* и *подчиненной*. Если доминирующая вовлеченность – это включение в деятельность, которое требует социальное событие, то подчиненная вовлеченность – это остаток действий, который разрешается выполнять в свободное время. Главное, чтобы эти остаточные действия не подрывали легитимность доминирующей вовлеченности. Для общества идеальным вариантом считается совмещение человеком главной и доминирующей вовлеченностей. Ведь в такой связке человек полностью включен в официальное социальное событие. Но существует и другой вариант – «*побочно-подчиненная*» вовлеченность. Ее опасность для социальной ситуации заключается в том, что этот тип социальной интенции вносит в официально принятые интеракции «неудобные» действия (иными словами, «парсонсовская» система личности противится социальной системе). Например, такую социальную ситуацию, как пение государственного гимна, могут разрушить действия «побочно-подчиненной» вовлеченности: просмотр человеком сообщений на мобильном телефоне, зевки или пережевывание жвачки. Поэтому, чтобы ликвидировать угрозу разрушения социальной ситуации, людьми создаются правила, запрещающие «побочно-подчиненные» вовлеченности²⁵⁹.

Коммеморативная практика, будучи значимым социальным действием, воссоздающим прошлое, определяется как доминирующая вовлеченность. Поскольку коммеморация приобщает людей к сакральному, постольку она

²⁵⁸ Talarico J., Rubin D. Flashbulb memories result from ordinary memory processes and extraordinary event characteristics // Flashbulb Memories. New issues and new perspectives. Hove; New-York, 2009. P. 79-80.

²⁵⁹ Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М., 2017. С. 98-113.

создает социальность. Поэтому среди людей появляется потребность в защите коммеморативных практик от вхождения в них «побочно-подчиненной» вовлеченности со стороны участников. Создаются нормы, регламентирующие действия во время коллективного акта вспоминания. Именно поэтому мы знаем, что при возложении цветов к памятнику нельзя смеяться и вести беседу, а во время минуты молчания нельзя курить сигарету.

Ценность коммеморативной практики заключается в том, что она позволяет включенным в нее людям ощутить непрерывность единства исторической памяти во времени, социальную прочность и устойчивость общества в настоящем, которое идет в неясное будущее²⁶⁰. Парадокс в том, что коммеморативная практика не только конституирует историческую память, но и одновременно вспоминает прошлое заново, вводя постепенно новые трактовки²⁶¹.

Еще одним значимым элементом социального измерения культуры памяти является школьное историческое образование. Хотелось бы вспомнить, как Аристотель рассказывает свои уроки молодому Александру Македонскому, который сыграл значительную роль в telos(e) истории, однако сам факт вспоминания не является личным переживанием. Ведь сегодня человек, отсылая в памяти к данному событию, не принимал в нем участия, поскольку его память ограничена пространственно-временными рамками. В данном случае нам лишь дается интерпретация истории без материального элемента, отсылающего к прошлому.

С позиции феноменологической мысли структура памяти состоит из двух фундаментальных оснований: первая – «память чего-то», то есть собственно прожитых фактов прошлого, соединенных в единое целое под названием жизнь, вторая – «память о чем-то», то есть совокупность воспоминаний, связанных в целостный исторический нарратив. Если первое основание можно назвать «памятью себя», то второе – это события, выходящие за рамки темпоральности

---

²⁶⁰ Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С. 33.

²⁶¹ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 14-15.

«здесь и сейчас», это «внешнее описание» за границами повседневной реальности отдельного человека²⁶². Поэтому рассказ Аристотеля молодому Александру, убийство Ж.-П. Марата во время Великой французской революции, давка на Ходынском поле, мятеж генерала Л.Г. Корнилова – это «внешнее описание» прошлого, располагающееся за границами пространственно-временного модуса автора и читателя данного текста.

Самое интересное заключается в том, что нам не обязательно отсылаться к материальному предмету для того, чтобы содержать образ прошлого, несвязанный с нашим индивидуальным жизненным миром. Но конкретная картина истории может одновременно принадлежать нескольким индивидам, то есть храниться в их жизненных мирах без углублений в архивные данные, без посещений в музеи, без обращений к мемориалам, без совершений коммемораций. Объяснение тому – специфическая традиция передачи социального опыта, при котором массе индивидов в ходе социализации транслируется понимание прошлого. Иначе говоря, людям передается повествование прошлого в готовом виде, где на одного человека (педагога) возложена экспертная трансляция знаний другим (учащимся). Поскольку последние не обладают методами отбора информации и проработки социального прошлого, постольку они в качестве данности получают «навязанный нарратив»²⁶³, в котором фрагментарность прошлого преодолевается путем необходимой причинно-следственной связки. В результате учащиеся, выступающие объектами навязанного нарратива, получают общую историческую картину.

Задача исторического образования (пространства взаимодействия педагога и учеников) – сделать «их», то есть предшественников, «нами» - современниками; создать преемственность поколений и единство социальной идентичности во времени. Для этого в основе школьного образования располагается обучение – формальный процесс передачи знаний, умений и навыков, определенный

---

²⁶² Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. СПб., 2014. С. 174-175.

²⁶³ Рикер П. Указ. соч. С. 125.

совокупностью учебных программ²⁶⁴. Но программы, которые, казалось бы, являются творческим выражением педагога, на самом деле обусловлены стандартами, формирующими обучение. Эти стандарты создаются государственными органами власти и экспертными группами, в результате чего рядовой педагог и ученики загнаны в «клетку»: процесс образования уже предопределен планируемыми конечными результатами, прописанными в стандартах и, следовательно, в учебных программах. Учитель – лишь звено, которое выступает транслятором заранее заданных знаний, оформленных в виде целостного повествования. Такое положение учителя и учащегося объясняется состоянием самой системы образования, которая имеет функцию поддержания социального порядка путем создания «одинаково запрограммированных индивидов»²⁶⁵. Каждый человек, пройдя через систему образования, приобретает габитус, необходимый для производства общества. То есть в человека инкорпорируется культурный капитал, позволяющий ему в будущем воспроизводить знания и воспоминания, направленные на воссоздание и циркуляцию смыслов, характерных для сообщества или социальных институтов.

Материальное измерение. В мире существует множество материальных предметов, которые имеют собственное назначение в повседневной жизни. Часто человек не замечает множество объектов, используемых в течение времени, поскольку они являются неотъемлемым элементом его повседневной реальности. Бесчисленное множество объектов, входящих в наш жизненный мир, становится незаметными, поскольку теряют исключительность, способную зацепить наше внимание.

Проблема усредненных материальных объектов заключается в уничтожении уникальности предмета, вызванной развитием конвейерной промышленности. С позиции В. Беньямина, каждая вещь имеет собственную уникальную «ауру», то есть индивидуальное отличие от других материальных объектов. Но современное производство позволяет создавать одинаковые продукты большими партиями, в

---

²⁶⁴ Гидденс Э. Саттон Ф. Указ. соч. С. 127.

²⁶⁵ Бурдые П., Пассрон Ж-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М. 2007. С. 201.

результате чего «аура» уникальности и неповторимости рассеивается²⁶⁶. Постоянное копирование и воспроизводство одних и тех же предметов позволяет человеку выработать по отношению к ним привычку: из неординарного феномена сделать обычную вещь.

Говоря терминами структурализма, рост количества материальной продукции ведет к увеличению означающих. Однако по характеру своей репродукции предметы отсылают к другим аналогичным вещам, что позволяет ощущать их целостность. Например, конкретная модель телефона нашего личного пользования, является лишь частью сети таких же телефонов. У всего множества телефонов будет одно понятие – означаемое, – раскрывающее суть данных предметов. Целостность означающего и означаемого дает человеку истинность познанного восприятия. Используя вещи и понимая их назначение, человек конституирует их суть, поэтому рост материальных предметов с потерей индивидуальной «ауры» для него не является трагедией, так как каждое означающее – копированный материальный предмет – связан с означаемым, то есть понятием этого объекта. Таким образом, целостность означающего и означаемого в вещи делает его частью нашего опривыченного мира.

Но растущая масса вещей не способна пройти сквозь время, если ретушируется их функция, то есть теряется социальная полезность – цель их использования. Иначе говоря, происходит разрыв означающего (формы предмета) с его означаемым (понятием), и в итоге вещь становится ненужной, что подводит ее на грань забвения. Предметы, потеряв социальную значимость, начинают пылиться на чердаках и в подвалах или подвергаться целенаправленному уничтожению. Следовательно, при распаде собственной целостности с потребителем они выпадают из повседневной реальности. Часть предметов уйдет в небытие, часть – переживет время и сохранит пассивную жизнь.

Те вещи прошлого, которые утратили означаемое и сохранились до актуального времени, становятся редкостью. К ним возвращается «аура»

---

²⁶⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. С. 24-25.

уникальности, выделяющая их среди всех других материальных предметов современности. Эта «аура» заключается в ореоле таинственности, поскольку предназначение предмета является скрытым от глаз зрителя. Перефразируя сказанное, видно лишь означающее, в то время как означаемое остается в прошлом. Процесс собирания таких потерявших функцию предметов – становится основой для формирования музея. В нем экспертная группа, занимаясь атрибуцией артефакта, должна выявить его предназначение, то есть интерпретировать предмет – восстановить или умножить его смыслы²⁶⁷. Наделяя означаемым исследуемый объект, работники музея вводят новую систему понятий, которая, с одной стороны, отстраняется от повседневной жизни из-за своей уникальности, но, с другой стороны, отсылает к обыденности прошлой эпохи.

Артефакт, находящийся в пассивном забвении вне поля зрения музея, в течение времени утрачивает свою потребительскую стоимость, потому что теряются его индивидуальные и социальные полезные свойства. Однако, как только он проходит экспертизу и становится частью музейного фонда, над сохранностью которого следят работники музея, артефакт увеличивает меновую стоимость. Такой предмет теперь отстранен от системы повседневных объектов и переходит в сферу обмена товаров престижных вещей²⁶⁸. Парадокс состоит в том, что совокупность материальных объектов, потерявшая качества полезности, формирует свою сферу обмена, в которой меновая стоимость товаров является более дорогой, чем вещи повседневного потребления. Вхождение в сферу престижных товаров – это компетенция эксперта, от решения которого зависит будущее угасающего материального объекта.

Причина увеличения ценности предмета заключается в его интерпретативности – способности к воссозданию в нем означаемого. Благодаря интерпретации, вокруг артефакта создается повествование, которое раскрывает его историю (означаемое). Он больше не просто материальный предмет,

---

²⁶⁷ Фуко М. Археология знания. С. 232.

²⁶⁸ Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей. Сборник статей. М., 2004. С. 142.

теряющийся в прошлом, а социальный объект, имеющий собственный нарратив²⁶⁹. Таким образом, музей – это совокупность вещей, ценность которых заключается в воссозданном прошлом: они могут иметь уникальное повествование, открытое экспертом либо становиться включенными в экспозицию, раскрывающую перед зрителем конкретный сюжет. Сконструированный нарратив делает предмет экспонатом, наделенной уникальной аурой и выступающий предметом престижа.

Однако проблема в том, что сегодня появляются «новые музеи», в которых реальный артефакт может быть заменен визуальными мультимедийными эффектами с музыкальным сопровождением. Экспонат теперь может не иметь исторически значимого референта, прошедшего экспертизу. Теперь в конструирование экспозиции вовлекаются не только историки, но и дизайнеры, режиссеры, программисты.

Сегодня как в научной среде, так и в публичной сфере возникает дискуссия о стиле жизнедеятельности музея. Первая, *консервативная* позиция исходит из убеждения, что музей должен сохранять авторитетное положение в обществе, предлагая непредвзятое видение прошлого. Противоположная, *демократическая* точка зрения предлагает смотреть на музей как на пространство, в котором возможна презентация различных и даже противоречивых версий истории. Музей не навязывает единственный нарратив, а предлагает аккумулировать вариативность версий истории для порождения дискуссий среди его посетителей²⁷⁰. Но, помимо музеев, одним из центральных элементов материального измерения являются памятники, смысл которых в рамках «культуры памяти» также требует уточнения.

Дефиницию понятия «памятник» следует начать с того, что воспоминание порождается двумя формами памяти. Первая – «я-память» – направлена на себя, то есть на усилия собственного разума, которые ориентированы на связывание фрагментарных событий прошлого в единое целое для создания идентичности.

---

²⁶⁹ Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей. Сборник статей. М., 2004. С. 121.

²⁷⁰ Самарина Н. Г. Указ. соч. С. 345.

Закрыв сейчас глаза, вспомнив минуты детства и юношества, каждый из читающих этот текст, связывает события воедино и конституирует в них себя. Вторая – «меня-память» – внешнее воспоминание, в которое человек вкладывает образы прошлого²⁷¹. Такая форма памяти работает в том случае, когда вы смотрите на материальный объект, отсылающий вас к событиям прошлого. Этим памятным предметом могут стать старинные часы, доставшиеся по семейному завещанию, кубок футбольной команды, находящийся в зале славы, или памятник жертвам репрессий. Но материальный предмет, в котором хранится воспоминание о прошлом, становится памятником только в том случае, если он преобразуется в «место памяти» – объект или социальное пространство, включающее в себя 1) материальное воплощение, 2) символическое содержание и 3) социальную функцию²⁷². Потеря одного из перечисленных элементов ведет к тому, что форма «меня-памяти» перестает исполнять задачу мемориала: предмет становится частью повседневной жизни, теряет свою значимость в социальной группе и подходит к грани исчезновения.

Памятник – это знак современности, не дающий возможности забыть о прошлом. Его нарратив навязывает человеку вспоминать прошлое, в результате чего мемориал всегда имеет публичный характер – он должен быть открыт для каждого зрителя, он должен быть максимально ясен для интерпретации. Задача мемориала – переносить сквозь время образ или ощущение, позволяющие человеку почувствовать свою сопричастность с прошлым и расширить темпоральность за счет воспоминания, заключенного в памятнике. И, несмотря на возможные общественные изменения, памятник должен всегда оставаться в зоне видимого, чтобы организовать темпоральность прошлого, настоящего и будущего²⁷³. Однако, Э. Кейтли и М. Пикеринг подчеркивают, что «изменения в том, как люди видят мир, могут изменить наши отношения к памятным местам, наше чувство принадлежности к ним и их значение в наших жизненных

---

²⁷¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. С. 128.

²⁷² Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 40.

²⁷³ Bach J. The Berlin Wall after the Berlin Wall: Site into sight // Memory studies. 2016. Vol. 9 (1). P. 49.

историях»²⁷⁴. Поэтому с течением времени памятник способен изменить или потерять свое «означаемое», что в лучшем случае может привести к его переосмыслению, а в худшем – к потере символического содержания и, как следствие, к уничтожению его в качестве места памяти. В результате чего утраченное место памяти, вытесняется из коммеморативного общества.

Чтобы не случилась гибель места памяти, оно должно регулярно воспроизводить свое «означаемое». Для памятника нужен зритель, постоянно пытающийся вытянуть смысл, находящийся внутри мемориального объекта. Следовательно, поддержание истории, заложенной в памятнике, возможно только при наличии действия, которое раскрывает «означаемое» мемориала. Для успешного проведения этой процедуры прочитывания требуется, чтобы социальный актер изначально имел представления о событиях и фактах прошлого, заключенных в мемориале. Иначе говоря, процедура «прочтения» возможна при наличии двух условий: во-первых, внутреннего понимания места памяти как знака и, во-вторых, его внешнего соотнесения с другими знаками. Тем самым мемориалы должны образовывать сети – соединения с другими памятниками, над которыми зрители предпринимают усилия. Если же над мемориалом не проводят социальных практик, то он не циркулирует как объект в потоке информации и, в итоге, выпадает из сети²⁷⁵.

Проведенный теоретический обзор в качестве вывода параграфа позволяет уточнить дефиницию «культуры памяти» и отличить ее от похожего понятия «мемориальной культуры». На данный момент существует два подхода к пониманию культуры памяти: *политическая*, которая объясняет культуру памяти исключительно как совокупность инструментов управления прошлым в границах сообщества, и *культурологическая*, которая подразумевает не только административные способы сохранения и поддержания прошлого в виде инфраструктуры памяти, но и наличие единых сложившихся в течение

---

²⁷⁴ Keightley E., Pickering M. *Memory and the Management of Change: Repossessing the Past*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 137.

²⁷⁵ Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. Т. 27. № 1. 2017. С. 193.

длительного времени общих воспоминаний и практик поминовения среди членов коммеморативного сообщества. Методологически изучение культуры памяти возможно в нескольких измерениях: *ментальном, социальном и материальном*. Если все измерения культуры памяти согласованы, то устанавливается и воспроизводится целостная социальная идентичность коммеморативного сообщества. Если нет, то общество дезинтегрируется и память становится либо средством борьбы между различными социальными группами, либо теряет ценность. В таком случае сложившаяся культура памяти деконструируется, что обуславливает изменения в содержании смыслов и групповых прототипов социальной идентичности.

Таким образом, в рамках данной главы работы диссертант приходит к выводу, что «коммеморативному сообществу» характерна культура памяти, состоящая из двух взаимодополняемых элементов: коммеморативной культуры, то есть набора актуальных образов прошлого, циркулирующих в процессе коммуникации между членами сообщества, и инфраструктурой памяти – комплекса социальной организации, обеспечивающего воспроизводство общих воспоминаний. Если измерения коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти (ментальное, социальное, материальное) совпадают, то в единстве находится действительная и номинальная идентичности, что предполагает формирование позитивной социальной идентичности сообщества.

2 КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ

2.1 Социальная идентичность современной российской молодежи в контексте общенациональной культуры памяти

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зорская, ставят диагноз исторической памяти современной российской молодежи, употребляют слово «асимболия» – неспособность помнить образы²⁷⁶. Память молодых людей оказывается нарушенной, так как в ней намечается разрыв между символом и смыслом, между «означающим» и «означаемым». Следовательно, для молодого человека сегодня характерно интуитивное осмысление прошлого²⁷⁷, в результате чего из-за дефицита смыслов он затрудняется в оценках событий и персоналий, а само прошлое теряет свою значимость в массовом сознании поколения. Поэтому последующее повествование – это попытка обобщения опыта отечественных исследований исторической памяти молодежи, включающая поиск симптомов, свидетельствующих о нарушениях коммеморативной культуры в молодежной среде. Логика повествования будет включать описание ценностного и когнитивного измерений исторической памяти, а затем их деятельностного проявления в виде коммеморативных практик.

В 2016 г. коллектив Института социологии РАН проводил комплексное исследование сознания россиян, в процессе которого затрагивалась тематика исторической памяти и ее связи с представлениями о будущем страны. Один из вопросов касался идеального исторического периода, на который должна быть похожа современная Россия. 48% опрошенных молодых людей в возрасте 18-30 лет посчитали, что Россия не должна быть похожа ни на одну предшествующую историческую эпоху. Второй по популярности вариант ответа – «период жизни России 2000-х» (26%); третий – «дореволюционная, царская Россия» (9 %);

²⁷⁶ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зорская Н. А., Молодежь России. М., 2011. С. 77.

²⁷⁷ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020. С. 77.

четвертый – «первые десятилетия Советской власти», «последние десятилетия Советской власти» (6 %). Меньше всего молодые люди хотят, чтобы нынешняя и будущая Россия была похожа на страну времен «перестройки» (2%) и «реформ 1990-х» (2%)²⁷⁸. Следовательно, «перестройка», «1990-е», и годы ранней советской власти – это негативные образы, которые отторгаются в качестве идеального общества, к которому нужно стремиться.

Похожую картину дает комплексное исследование молодежи, реализованное в 2020 г. под руководством М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. Оно демонстрирует структуру исторической памяти молодых людей. Молодые люди положительно относятся к истории России до 1917 г. и к брежневской эпохе, а наиболее отрицательно к 1985-2000 гг. Хрущевское время практически выпадает из исторической памяти. Хотя дореволюционное прошлое России и предстает в положительных цветах, оно, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, не является основой идентичности современного поколения, поскольку имеет размытые «внешние», «давно забытые» образы²⁷⁹. Переменчивость оценок говорит о сложности, противоречивости и нестабильности исторической памяти молодых людей, что может свидетельствовать о наличии негативной или спутанной идентичности.

Однако, чтобы понять ценностные образы, которые участвуют в конструировании идентичности молодежи, следует отделить «хорошее» от «плохого» и увидеть, в каких периодах имеется потенциал для создания позитивной идентичности. Поэтому необходимо проанализировать каждый период, включенный в историческую память молодых людей, понять, как конкретная эпоха отражается в массовом сознании и какую ценность она представляет.

Отправной точкой в исторической памяти дореволюционного периода выступает Первая мировая война. В мае 2014 г. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) проводил опрос по данной тематике. При ответе на вопрос «Принимал

---

²⁷⁸ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2017. С. 132.

²⁷⁹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 93-96.

кто-нибудь из Ваших предков участие в Первой мировой войне?»), ответы молодых людей в возрасте 18-30 лет распределились следующим образом: 25% ответили утвердительно, 36% – отрицательно и 39% затруднились ответить. При этом из тех, у кого предки участвовали в Первой мировой войне, только у 6% сохранились источники (фотографии, реликвии, письма, памятные предметы). Когнитивный элемент памяти, включающий фактические знания, показал затруднения: например, только 18% опрошенных смогли правильно ответить на вопрос о дате окончания войны, 25% – ошиблись, а 57% – затруднились в ответе. Также 89% не смогли указать военные операции Первой мировой войны, а 76% респондентов были даже бессильны отметить союзников Российской империи²⁸⁰. Тем самым Первая мировая война в памяти молодых людей остается неизвестной и не может выступать в качестве события, определяющего идентичность. Иначе говоря, воспоминания о такой ключевой точке на карте истории размыты и ретушированы, что уменьшает их роль в качестве образа, определяющего сознание и действия молодого поколения.

Возможно, таковым ценностным образом являются революционные события 1917 г.? Несмотря на эпохальность и значимость, революционные события 1917 г. сегодня даже в экспертном поле вызывают массу вопросов, порождающих многоголосицу интерпретаций, что объясняется малым временем осмысления Февральской и Октябрьской революций в современной истории РФ и идеологическими предпочтениями нынешних авторов²⁸¹. Следовательно, если у экспертного сообщества возникает трудность в оценивании революции, то и у молодого поколения оно не вызывает консенсуса. Согласно исследованию ВЦИОМ 2017 г., приуроченному к 100-летию революционных событий, молодежь слабо идентифицирует себя с политическими силами, вступавшими между собой в конфликт в 1917 г. В отличие от старших поколений большинство молодых

---

²⁸⁰ Образ Первой мировой войны. 31.07.2014. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11637> (дата обращения: 9.04.2021).

²⁸¹ Комаровский В. С. Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России // Власть . 2017. № 10. С. 10.

людей не поддерживают ни одно политическое течение 1917 г.²⁸². Среди персоналий революции молодым людям известны Николай II и В.И. Ленин, деятельность которых большинство оценивает положительно (60% и 56% респондентов соответственно). Однако с другими деятелями революции при оценке возникают проблемы: например, о Л.Д. Троцком, П.Н. Миллюкове, Л.Г. Корнилове молодые люди практически ничего не знают²⁸³.

События революционного 1917 г. также слабо отражены в семейной памяти. ФОМ в опросе 2020 г. показал, что 80% молодых людей не знают, как Октябрьская революция сказалась на жизни семьи, в то же время только 19% известна жизнь семьи в этот период²⁸⁴. Интересно, что в других возрастных группах процент беспамятства семейного прошлого уменьшается: чем старше люди, тем больше они знают об участии предков в событиях Октября 1917 г.

Если с дефинициями и оценками революционных событий 1917 г. возникают проблемы, то трудности в понимании Гражданской войны также становятся неизбежными. В 2018 г. ВЦИОМ предложил анкету, в которую был включен вопрос о симпатии к противоборствующим сторонам Гражданской войны («Если сегодня обратиться к истории Гражданской войны, на чьей стороне скорее Ваши симпатии?»). Ответы молодых людей 18-32 лет демонстрируют интересное положение темы Гражданской войны в исторической памяти: лишь незначительная часть опрошенных провела свою идентификацию с социально-политическими силами (10% респондентов выступила бы за «красных», 11% – за «белых») – большинство же молодых людей выразили безразличие: они отметили малозначимость конфликта для современности, поскольку он принадлежит далекому прошлому²⁸⁵. В другом исследовании, помимо выбора сторон, молодым людям были предложены дополнительные стратегии поведения: эмиграция и

²⁸² Октябрьская революция: 1917-2017. 11.10.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolucziya-1917-2017> (дата обращения: 21.03.2021).

²⁸³ Революция: исторические деятели, предпосылки и итоги. 6.11.2017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13837>. (дата обращения: 21.03.2021).

²⁸⁴ Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. 6.11.2020. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14489>. (дата обращения: 8.04.2021).

²⁸⁵ Гражданская война в России: сто лет спустя. 26.06.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya-> (дата обращения: 22.03.2021)

переживание / неучастие. И именно они оказались популярными среди респондентов: уехать за рубеж согласилось 20% молодых людей, а остаться в стороне и переждать лучших времен 37% опрошенных²⁸⁶.

Когнитивное содержание исторической памяти молодежи об Октябрьской революции и Гражданской войне также размыто. Например, как показали исследования кафедры социологии Кубанского государственного университета, молодежь Краснодарского края слабо информирована о содержании революции 1917 г.²⁸⁷ и не имеет четких представлений о событиях Гражданской войны. И, как правило, это время гораздо лучше помнят те молодые люди, которые недавно сдавали ЕГЭ по предмету «История»²⁸⁸. В фокус-групповых интервью, проведенных московскими социологами С.Г. Давыдовым и О.С. Логуновой, подготовка и сдача ЕГЭ по истории также являлась главным фактором в воспоминании содержания революционного 1917 г.: «экспертами» в процессе фокус-групп становились молодые люди, которые прошли через соответствующий экзамен либо готовились к нему²⁸⁹. Аналогичные выводы были получены майкопскими исследователями: было отмечено, что воспоминания об Октябрьской революции сохраняются в молодежной среде, но они имеют фрагментарный характер и низкие показатели ассоциативности. Получается, что при описании революционных событий молодому человеку даже не за что «зацепиться». Поэтому революционный 1917 г. в исторической памяти молодежи предстает «далеким, смутным и размытым образом»²⁹⁰. Похожую участь в массовом сознании молодежи настигает и тема Гражданской войны, постепенно исчезающей в мемориальном поле²⁹¹. А с потускнением этих образов теряется и их значимость в исторической памяти современного молодого поколения²⁹². Поэтому неудивительно, что в рамках опроса, проводимого ФОМ, в 2017 г.

²⁸⁶ Левинсон А. Вам красного или белого? // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 107.

²⁸⁷ Донцова М. В., Тажидинова И. Г. Указ. соч. С. 15.

²⁸⁸ Студеникина Е. С. Указ. соч. С. 14.

²⁸⁹ Дзялошинский, И. М., Пильгун, М. А. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. Монография. М., 2017. С.414.

²⁹⁰ Ильинова Н. А., Куква Е. С., Макеев С. В., Нехай В. Н., Хачецуков З. М., Шадже А. Ю. Указ. соч. С. 187.

²⁹¹ Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Указ. соч. С. 109.

²⁹² Миклина Л. И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С. 138.

большинство молодых людей ответили, что 7 ноября для них не является значимым днем²⁹³.

Совершенно другое положение в исторической памяти молодежи занимает тема Великой Отечественной войны. В соответствии с рядом опросов ВЦИОМ, проведенных в 2020 г., молодые люди считают Великую Отечественную войну самым значимым событием в истории XX в. Справедливо отметить, что это мнение, в котором солидарны представители всех возрастных когорт²⁹⁴. Однако когнитивный компонент памяти о Великой Отечественной войне находится на низком уровне: например, среди молодых людей в возрасте 18-24 лет правильную дату начала Великой Отечественной войны назвали только 32% респондентов, 43% ошиблись и назвали другую дату, 11% признались, что ее не знают, и 14% затруднились ответить. В возрастной категории 25-34 года знаниевый потенциал увеличивается – 46% сумели указать правильную дату, но 37% все равно допустили ошибку²⁹⁵. Опросы также подтверждают факт путаницы в датировке начала Великой Отечественной войны и Второй мировой войны²⁹⁶. Тем самым на фоне ответов старших поколений молодежь отличается слабостью гносеологической составляющей памяти о войне.

Исследование Российского общества социологов (РОС) «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне», реализованное в четыре этапа (в 2005 – 2010 – 2015 – 2020 гг.), предоставляет сведения о знаниях молодежью событий и личностей Великой Отечественной войны. На последнем этапе исследования приняло участие 13935 респондентов из 50 городов РФ и стран СНГ. Благодаря полученным данным, известно, что в 2020 г. из событий Великой Отечественной войны студенты чаще вспоминают Сталинградскую битву (47%), блокаду Ленинграда (44%), битву на Курской дуге (41%), битву под

---

²⁹³ Революция как памятная дата. 21.11.2017. URL: <https://fom.ru/posts/13856> (дата обращения: 7.04.2021).

²⁹⁴ Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке. 23.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 7.04.2021).

²⁹⁵ День памяти и скорби. 22.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pamyati-i-skorbi> (дата обращения: 7.04.2021).

²⁹⁶ История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд». 14.09.2017. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (дата обращения 7.04.2021).

Москвой (31%), штурм Берлина (13%). Остальные сражения и операции заслужили куда меньшего внимания. При этом каждый пятый респондент в силу нежелания или недостаточности знаний не стал отвечать на вопрос об указании событий войны. Среди героев Великой Отечественной войны молодые люди отмечают маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, А.М. Василевского (по убыванию частоты упоминаний).

Отдельного внимания заслуживает образ И.В. Сталина, точнее, переосмысление его личности в исторической памяти молодежи в последние десятилетия. Результаты опросов ВЦИОМ показывают, что с 2001 г. по 2019 г. при акте вспоминания фигуры И.В. Сталина молодые люди перестали чувствовать неприязнь, раздражение, страх и ненависть, – теперь молодые люди начали испытывать уважение к советскому лидеру. Причины «раस्ताбуирования» И.В. Сталина, увеличения позитивных оценок его образа в памяти, объясняются, с одной стороны, ростом личной заинтересованности граждан в пересмотре сталинского наследия в последние годы, а с другой стороны, политикой современных российских властей, в ходе которой И.В. Сталин стал преподноситься в качестве символа Победы в Великой Отечественной войне²⁹⁷. В этой связи неудивительно, что в российском обществе происходит снижение доли людей, которые считают, что «массовым репрессиям нет оправданий»²⁹⁸. Большинство молодых людей слышали о сталинских репрессиях (53% респондентов 18-24 лет, 69% респондентов 25-34 лет), но в сравнении с взрослыми группами населения эти показатели малы (в остальных группах осведомленность о репрессиях равняется 81-88%)²⁹⁹. Смещение тональности в образе И.В. Сталина с репрессий к Великой Отечественной войне в целом приводит к тому, что большинство молодых людей сегодня считают, что И.В.

---

²⁹⁷ Бараш Р. Э. Указ. соч. С. 13.

²⁹⁸ Гудков Л. Большой террор и репрессии. 7.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/> (дата обращения: 16.04.2021).

²⁹⁹ Репрессии XX века: память о близких. 5.10.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/repressii-khkh-veka-pamyat-o-blizkikh> (дата обращения: 16.04.2021).

Сталин принес больше пользы для развития страны (в 2020 г. так отвечали 56% респондентов 18-24 лет, 45% респондентов 25-34 лет)³⁰⁰.

Мониторинг Российского общества социологов (РОС) также отмечает увеличение количества фактических ошибок с 2005 по 2020 гг. при упоминании событий и персоналий Великой Отечественной войны. В сумме количество ошибок в 2020 г. составило 4,3% от всех ответов – этот показатель выше, чем в предыдущие годы. Например, к событиям Великой Отечественной войны приписывают битву на реке Калке, Ледовое побоище, Куликовскую битву, Брусиловский прорыв, а к персоналиям, участвовавшим в Великой Отечественной войне, – Л.Г. Корнилова, А.В. Колчака, В.И. Ленина, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова и т.д. (список личностей, непричастных к Великой Отечественной войне очень пестр)³⁰¹. В исследовании О.В. Головашиной отмечается, что современная молодежь испытывает трудности при указании численности погибших во время Великой Отечественной войны. Оказалось, что в воспоминаниях о Великой Отечественной войне «факт уходит от образа», так как для молодых людей важнее эмотивный эффект, наполняющий яркость образа, нежели скрупулёзная детализация фактического материала³⁰².

Сегодня важным условием сохранения воспоминаний о Великой Отечественной войне является нормальное функционирование семейной памяти. В 2015 г. на эту тему ФОМ проводил интересный опрос. Результаты показали, что у большинства молодых людей есть / были родственники, участвовавшие в Великой Отечественной войне. Более того, молодежь может сказать, кто именно из родственников участвовал в войне. Например, 73% опрошенных студентов Южного Федерального округа знают, что участие в войне принимал прадедушка, 42% – помнят об участии прабабушки, 27% – отмечают участие других

---

³⁰⁰ База результатов опросов Спутник. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=250&q_id=2051&date=23.02.2020 (дата обращения: 16.04.2021).

³⁰¹ Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). Екатеринбург, 2020. С.23, 262-265.

³⁰² Головашина О. В. Будет ли будущее у прошлого? Эмпирическое исследование фактологических знаний молодежи // Ineternum. 2014. № 1. С. 10.

родственников, 14% – упоминают дедушку и 7% бабушку³⁰³. Но проблема в том, что о войне в семье нарушена трансляция воспоминаний, поэтому в рамках опроса ФОМ 31% молодых респондентов ответили, что им не доводилось слушать рассказы о войне³⁰⁴. Еще одной негативной тенденцией является наличие респондентов, которые вообще ничего не знают об участии родственников в Великой Отечественной войне. В уже упомянутом исследовании Российского общества социологов (РОС) доля таких молодых людей составила 24%³⁰⁵. При этом настораживающим является и пассивность молодежи по отношению к семейной истории: согласно данным ФОМ 2020 г., практически каждый второй опрошенный молодой человек даже не пытался узнать какую-нибудь информацию о судьбе близких и дальних родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне³⁰⁶.

Положительным моментом является тот факт, что в 2020 г. практически у половины опрошенных молодых людей, чьи родственники участвовали в Великой Отечественной войне, в семье хранятся мемориальные объекты (фотографии, награды, письма, памятные вещи). Интересно, что в 2015 г. только каждый третий молодой респондент отметил наличие в семье предметов памяти, связанных с Великой Отечественной войной³⁰⁷. Конечно, увеличение числа семейных реликвий можно объяснить через качественные особенности выборки массовых опросов ФОМ, но, с другой стороны, эта тенденция может свидетельствовать об усилении семейной истории времен Великой Отечественной войны как ценности в молодежной среде. Иначе говоря, в течение последнего пятилетия молодежь стала обращать внимание на семейное военное прошлое – на жизнь предков, которая постепенно остается лишь в виде материальных и визуальных останков.

---

³⁰³ Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). С. 241.

³⁰⁴ Великая Отечественная война в семейной истории. 5.05.2015. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12142> (дата обращения: 7.04.2021).

³⁰⁵ Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). С. 242.

³⁰⁶ Память о войне. 20.05.2020. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (дата обращения: 7.04.2021).

³⁰⁷ Великая Отечественная война в семейной истории. 5.05.2015. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12142> (дата обращения: 12.04.2021).

Исследования памяти о Великой Отечественной войне молодых людей Юга России, проведенные в 2015 г., имеют похожие результаты с общероссийским масштабом. В частности отмечается, что кубанская молодежь также считает Великую Отечественную войну самым значимым событием в истории страны и региона, однако для исторической памяти молодых людей характерна фрагментарность, некорректность, поверхностность знаний о Великой Отечественной войне, а также преобладание эмоционального компонента в воспоминаниях над рациональным и фактическим содержанием³⁰⁸.

При изучении отношения россиян к хрущевской и брежневской эпохам в современном научном дискурсе иногда используется понятие «ностальгия по СССР» / «ностальгия по советскому». Профессор Гарвардского университета С. Бойм говорит, что всплеск ностальгических чувств часто возникает после революционных преобразований в обществе, когда в индивидуальной биографии и в памяти коллектива появляются сожаление и тоска о нереализованном прошлом – о том, что все было и могло сложиться иначе. Поэтому неудивительно, что в современной России после революционной перестройки и кризисных девяностых в массовом сознании имеет место ностальгия по стабильному времени брежневской эпохи³⁰⁹. Левада-Центр с 2000 г. до 2020 г. в ходе ежегодных опросов предлагает «индекс ностальгии по советскому» среди различных возрастных групп. Отмечается, что среди молодых людей в возрасте 18-24 лет с 2012 г. увеличивается процент симпатий к СССР, но эта возрастная группа имеет самый низкий «индекс ностальгии»³¹⁰. Как показывает ряд исследований общественного мнения, молодежь относится к 1950-1970-м гг. без особой симпатии³¹¹. В отличие от старших поколений, она в меньшей степени

---

³⁰⁸ Белопольская Т. Н. Указ. соч. С. 109; Бондаренко Г. И., Продиблех Н. Е. Указ. соч. С. 100.

³⁰⁹ Бойм С. Будущее ностальгии. М., 2019. С. 19-20.

³¹⁰ Ностальгия по СССР. 19.12.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2/> (дата обращения: 10.04.2021); Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. 24.03.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 10.04.2021).

³¹¹ Андреев А. Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 7. С. 98; Мазур Л. Н. Ностальгия по СССР. Память – мифы – политика? // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 203.

видит в поздней советской эпохе тот самый «золотой век», к которому следует стремиться³¹².

Оценка молодыми людьми руководителей СССР этого периода неоднородна. В 2013 г., по данным ФОМ, 41% молодых респондентов затруднились в оценке личности Н.С. Хрущева, 29% – отметили, что относятся к нему положительно, 30% – отрицательно. Иначе говоря, в сознании молодежи нет целостного яркого образа при воспоминании хрущевской «оттепели». В то же время роль Л.И. Брежнева 40% молодых людей оценили положительно, а 24% – отрицательно, 36% затруднились в ответе. Следовательно, число «неопределившихся» респондентов при обозначении роли Л.И. Брежнева меньше³¹³. Но возникает вопрос: идентифицируют ли себя молодые люди с брежневской эпохой? В уже упомянутом исследовании М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги среди молодых людей 16-25 лет и 26-35 лет индекс идентичности брежневской эпохи самый высокий по сравнению с другими периодами, входящими в структуру исторической памяти. Справедливо отметить, что этот индекс идентичности в сознании молодежи не так сильно выражен, как у старших возрастных когорт, но среди всех возрастов брежневское время, как отмечается в исследовании, представлено в массовом сознании образом социальной справедливости и социального оптимизма, успехов в образовании и науке³¹⁴.

Если советское прошлое обладает потенциалом для формирования позитивной идентичности, то последние десятилетия советской власти, иначе называемые «перестройкой», – это период, который отторгается, вызывает негативные оценки и подвергается структурному забвению. В 2019 г. ВЦИОМ проводил опрос по восприятию феномена перестройки в современной России. В целом среди всех опрошенных доминирующим было негативное отношение к перестройке: 61% отметили, что период 1985-1991 гг. принес больше плохого, чем хорошего. Однако молодежь 18-24 лет считает иначе, так как 57% ответило,

---

³¹² Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М., 2018. С. 315.

³¹³ История в школе. 27.05.2014. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11509>. (дата обращения: 10.04.2021).

³¹⁴ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 92-94.

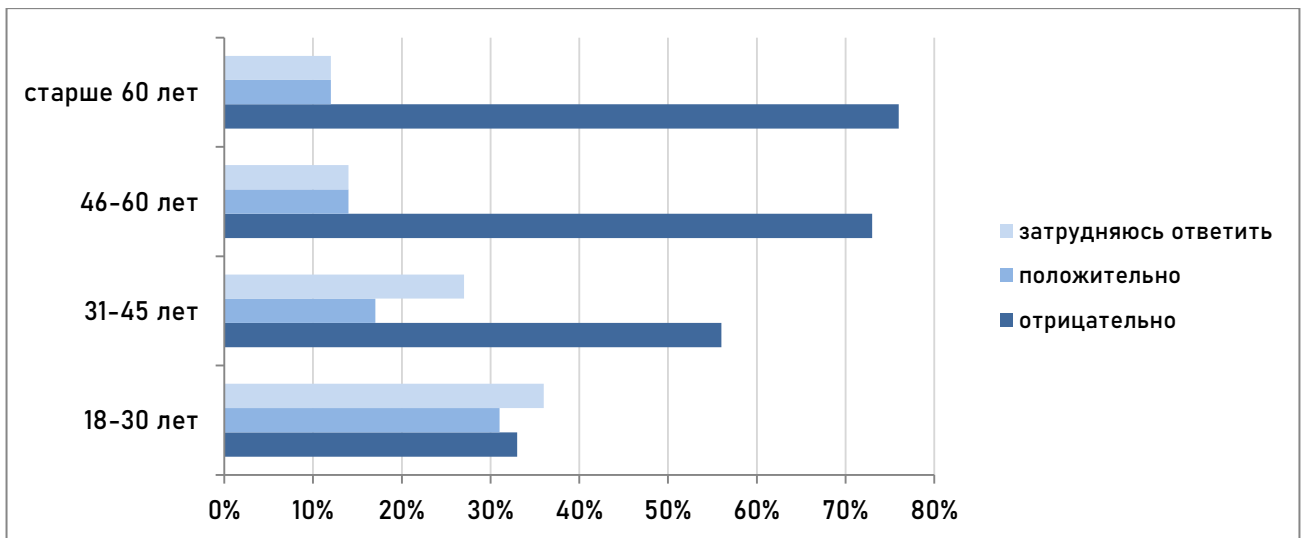
что, наоборот, перестройка принесла для развития нынешней России больше хорошего, чем плохого. Другая молодежная когорта от 25 до 34 лет уже не столь оптимистична: из них только 28% положительно относится к историческому значению перестройки, а 45% – отрицательно. В любом случае молодое поколение сегодня не испытывает такого сильного омрачения эпохи, в отличие от более старших возрастных когорт. При этом сегодня молодежь считает, что в перестройке была необходимость. На вопрос «Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: “Было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до начала перестройки, до тысяча девятьсот восемьдесят пятого года?”» большинство молодых людей отметили, что, скорее, они не согласны с данным высказыванием: 43% среди опрошенных 18-24 лет, 31% среди респондентов 25-34 лет³¹⁵.

Оценивание М.С. Горбачева как главного лица перестройки тоже показывает карту исторической памяти. В целом за последние 5 лет негативизация образа М.С. Горбачева в массовом сознании россиян постепенно ослабляется. Если в 2016 г. 47% опрошенных считали, что М.С. Горбачев не сделал ничего хорошего, то в 2019 г. доля таких ответов составила 38%, а в 2021 г. – 37%³¹⁶. Опрос ФОМ от 26-28 февраля 2021 г., результаты которого представлены на рисунке б, демонстрирует интересную закономерность в оценке Президента СССР: чем старше возраст респондентов, тем хуже в их глазах предстает М.С. Горбачев, и, наоборот, чем младше респонденты, тем больше положительных оценок имеется в его адрес.

---

³¹⁵ «Жертвы перестройки» — новый статус? 21.10.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zherty-perestrojki-novyj-status> (дата обращения: 21.03.2021).

³¹⁶ Михаил Горбачев: роль в истории. 2.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mikhail-gorbachev-rol-v-istorii> (дата обращения: 10.04.2021).

Рисунок 6 – Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, сыграл Михаил Горбачёв в истории нашей страны – положительную или отрицательную? (данные в % от группы)³¹⁷

Аналогичную тенденцию показывает опрос ВЦИОМ 28 февраля 2021 г., результаты которого приведены в таблице 2. Большинство молодых людей 18-24 лет считают, что деятельность М.С. Горбачева принесла как плюсы, так и минусы (48%). Но в старших когортах большинство полагает, что деятельность М.С. Горбачева имела больше вреда. При этом процент недовольных прямо пропорционален возрасту: чем старше опрашиваемая когорта, тем больше степень отрицательной оценки. Кроме того, каждый пятый представитель молодежи видит в М.С. Горбачеве смелого человека, который не побоялся взять на себя ответственность и провести реформы. В других возрастных группах такого мнения придерживается каждый десятый. Получается, что, с одной стороны, молодые люди не так критично воспринимают М.С. Горбачева, но, с другой стороны, его поляризация исторической роли в массовом сознании вызывает у молодого поколения затруднения при оценках. Такой имеющийся «оценочный сдвиг» среди молодого поколения позволяет современным российским

³¹⁷ 90-летие Михаила Горбачёва. Представления россиян об исторической роли Михаила Горбачёва. 3.03.2021. URL: <https://fom.ru/Politika/14546> (дата обращения: 10.04.2021).

социологам предположить, что в будущем образ М.С. Горбачева и перестройки в целом будут меняться в лучшую сторону³¹⁸.

Таблица 2 – Как Вы считаете, деятельность Михаила Горбачева принесла нашей стране больше пользы, больше вреда или поровну пользы и вреда? (N=1600).

возраст	больше пользы	примерно поровну и пользы, и вреда	больше вреда	затрудняюсь ответить
18-24	11%	48%	24%	17%
25-34	7%	37%	39%	17%
35-44	8%	27%	56%	9%
45-59	7%	24%	63%	6%
60+	5%	24%	66%	5%

Низкая коммеморативная плотность, плохая осведомленность, неспособность детализировать данный период – свойство исторической памяти молодежи о перестройке, которое подтверждается опросом ВЦИОМ, проведенным в 2019 г. (результаты представлены в таблице 3).

Таблица 3 – Вы знаете, слышали или не слышали о перестройке? (закрытый вопрос, один ответ, %)³¹⁹

варианты ответа	Все опрошенные	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Хорошо знаю подробности	47%	14%	18%	44%	65%	64%
Что-то знаю, слышал, но без подробностей	48%	68%	72%	52%	34%	35%
Не знаю, не слышал об этом	5%	18%	10%	4%	1%	1%

Согласно его результатам, лишь 14% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет считают, что знают подробную информацию о перестройке. Среди молодежи 25-34 лет качественная осведомленность о перестройке увеличивается до 18%. Большинство же отмечает не слишком углубленное знание о перестроечном

³¹⁸ Кузнецов Д. Представления о „Перестройке” в современном российском обществе // Eastern review. 2016. Т.6. С.95-96.

³¹⁹ «Жертвы перестройки» — новый статус? 21.10.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhertyy-perestrojki-novyy-status> (дата обращения: 21.03.2021).

времени (68% – молодежь 18-24 лет, 72% – молодежь 25-34 лет). Более того доля тех, у кого отсутствует знание о перестроечном времени, больше именно среди молодого поколения.

Проблема в том, что молодежь имеет слабую информированность не только о событиях общегосударственного масштаба, проходивших во время перестройки, но и о жизни семьи в 1985-1991 гг. В ходе проведения интервью с молодыми людьми в 2017 г. социолог А. Шор-Чудновская пыталась выяснить, как молодежь помнит о последних годах советской власти через прошлое своей семьи. Автор исследования был удивлен тем, что информанты смотрели на этот период времени, как на очень далекую эпоху, несмотря на то, что свидетелями и участниками перестройки были их родители. В результате молодые люди были также беспомощны в рассказе, как и в случае попытки повествования о жизни прабабушек и прадедушек в первом десятилетии XX в. Информанты объясняли свой пробел в памяти тем, что родители почти ничего не рассказывали о времени поздней советской власти. Поэтому автор исследования при описании состояния исторической памяти молодежи небезосновательно использует термин «забытая перестройка»³²⁰. Это забвение отчасти объясняет, почему молодое поколение меньше остальных сочувствует распаду СССР и испытывает меньше ностальгических чувств по «советскому».

Следующим памятным периодом, заслуживающим пристального внимания со стороны социолога, являются 1990-е гг., включающие ломку политической системы, сложившихся социально-экономических практик советского времени. Для понимания, какое место 1990-е гг. занимают в памяти россиян, в июле и в сентябре 2015 г. ФОМ провел ряд опросов, респондентами которого были и молодые люди 18-30 лет. В итоге оказалось, что молодые люди более благожелательно настроены к 1990-м, чем респонденты старших возрастных групп. Ведущий аналитик ФОМ Г.Л. Кертман такую оценку объясняет несколькими причинами. Во-первых, современная молодежь смотрит на 1990-е с большей «дистанции» – она имеет свойство абстрагироваться от эпохи,

---

³²⁰ Шор-Чудновская А. Указ. соч. С.181-184.

поскольку, в отличие от поколения отцов, не столкнулась с потрясениями времени. Во-вторых, упрощенный стереотипный негативный образ 1990-х, транслируемый в нынешнем медиа пространстве, не сильно укоренен в массовом сознании молодежи. В-третьих, молодые люди, которые родились в этот временной промежуток и прошли первичную социализацию, могут уже испытывать «ностальгию по 1990-м»³²¹.

Однако, несмотря на общее впечатление о 1990-х, конкретные стороны предстают в массовом сознании молодежи все же в негативных тонах. Например, большинство опрошенных молодых людей считают, что в 1990-е российское общество было менее справедливым, чем сейчас (49%), что шансов достичь успеха было меньше (45%), что уровень безопасности был ниже (59%), что международное положение России было хуже (44%), а власти были менее компетентными в решении проблемных вопросов (64%). Но все-таки, по мнению молодых респондентов, в 1990-е гг. люди смотрели в будущее более оптимистично, чем сегодня³²². Результаты опроса ВЦИОМ, проведенного 31 октября – 1 ноября 2015 г. также устанавливают превалирование негативных образов 1990-х гг. в памяти молодых россиян. Период 90-х у молодых людей в большей степени ассоциируется с «криминалом», «распадом», «бедностью», «коррупцией», «безнаказанностью», «упадком», а не с «ликвидацией дефицита товаров», «демократией», «свободой», «открытостью». Справедливо отметить, что аналогичный ассоциативный ряд характерен и для всех других возрастных когорт³²³.

Фигура первого Президента РФ Б.Н. Ельцина тоже вспоминается в негативных оттенках. Однако, как и в случае с М.С. Горбачевым, молодежь больше всех выражает неопределенность в оценке. Например, в опросе ФОМ «Память о Борисе Ельцине и 90-х», проведенном в июле 2015 г., при вопросе «Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, сыграл Борис Ельцин в

---

³²¹ Кертман Г. Образ 90-х в массовом сознании. URL: <https://fom.ru/blogs/12407> (дата обращения: 11.04.2021).

³²² Девяностые. 5.10.2015. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12334> (дата обращения: 11.04.2021).

³²³ Россия девяностых: дни поражений или побед? 8.12.2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-devyanostykh-dni-porazhenij-ili-pobed> (дата обращения: 11.04.2021).

истории России – положительную или отрицательную?» 41% молодых людей 18-30 лет затруднились в ответе, 40% – дали отрицательную оценку и только 19% – положительную. Старшие же возрастные группы имеют более четкую позицию: абсолютное большинство считает, что Б.Н. Ельцин негативно повлиял на развитие страны³²⁴. Таким образом, отторжение молодежи от периода перестройки и 1990-х вызвано не глубоким знанием фактического материала, а подсознательным восприятием истории, когда в условиях отсутствия когнитивного содержания отношение к прошлому определяется эмоциональными и интуитивными ассоциациями³²⁵.

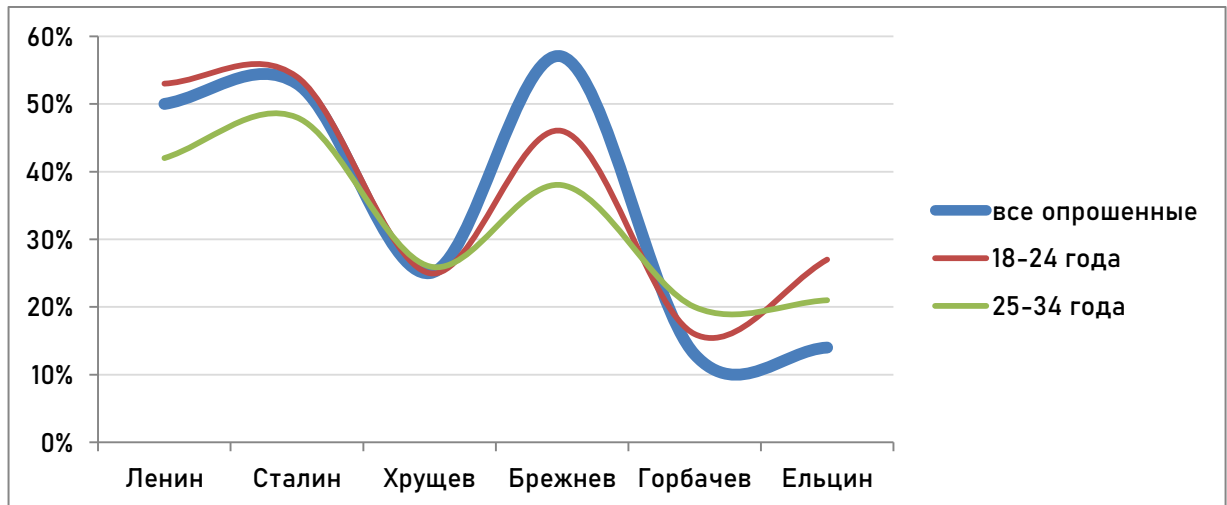
Теперь, когда имеется оценивание периодов, запечатленных в памяти молодежи, можно сравнить их с общими оценками для того, чтобы понять особенности исторической памяти молодого поколения. 31 января 2021 г. ВЦИОМ провел опрос о симпатии к историческим деятелям. Ответы можно представить в виде графика, изображенного на рисунке 7, на котором видно, что единственной «точкой», где уровень симпатий респондентов 18-24 лет и 25-34 лет совпадает с уровнем симпатий всех опрошенных, является образ Н.С. Хрущева. При акцентировании на других исторических деятелях молодежь имеет отличия. Наибольшие расхождения с общими оценками демонстрируют миллениалы (молодежь 25-34 лет): они менее симпатизируют В.И. Ленину и И.В. Сталину, также им не так сильно, как всем, нравится фигура Л.И. Брежнева, и они меньше негатива вкладывают в образы М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Между собой миллениалы и представители «поколения Z» также не представляют качественного единства: наибольшее расхождение (в 11%) имеется в образе В.И. Ленина (молодежь 18-24 лет дает ему больше всего симпатий). Примечательно, что молодые люди 18-24 лет, в отличие от миллениалов, немного меньше симпатий (на 4%) дает М.С. Горбачеву и больше Б.Н. Ельцину (на 6%). Тем самым, в общих чертах подтверждается структура исторической памяти

³²⁴ Память о Борисе Ельцине и 90-х. 25.11.2015. URL: <https://fom.ru/Proshloe/12408> (дата обращения: 21.03.2021).

³²⁵ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 77.

«Горшкова-Шереги» с тем лишь учетом, что молодежь имеет индивидуальные оценочные отклонения.

Рисунок 7 – Симпатии к государственным деятелям в исторической памяти (по данным опроса ВЦИОМ 31.01.2021; N = 1600).

Знание исторических образов и даже их оценка не появляются из неоткуда – она распространяется через каналы информации. К одним каналам имеется доверие, и сведения принимают на веру, а к другим нет, из-за чего получаемая информация подвергается сомнению и имеет высокую степень вероятности быть отторгнутой. Чтобы понять каналы получения информации в молодежной среде, в 2016 г. ФОМ провел соответствующий опрос молодых людей в возрасте 18-30 лет, которые в результате были разделены на три возрастные когорты (18-22 года, 23-27 лет, 28-30 лет). В итоге первое место в получении информации заняло телевидение (77%), второе – новостные сайты Интернета (61%), третье – социальные сети и форумы в Интернете (50%). Остальные источники (родственники, печатные СМИ, кинофильмы, радио) в этом аспекте проигрывают. Интересна закономерность: чем старше возрастная когорта, тем больше доля телевидения как главного источника информации, и чем младше когорта, тем большим является процент влияния Интернет-ресурсов³²⁶. Если же говорить об Интернете в целом, то он преобладает в получении информации. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, проводя сравнительный анализ между молодым и старшим

³²⁶ Опрос молодежи: источники информации. 26.09.2016. <https://fom.ru/posts/12873> (дата обращения: 18.04.2021).

поколением, также отмечают «натиск Интернета» как первостепенного источника получения информации со стороны молодого поколения³²⁷. Тот факт, что Интернет активно используется для поиска информации молодыми людьми, подтверждается другими социологическими исследованиями³²⁸. Если же дело касается непосредственно поиска исторических знаний, то молодые люди (преимущественно учащаяся молодежь) успешно пользуются учебной литературой. Например, как показал опрос студентов (N=2051) московских вузов в 2015 г., на первом месте среди источников получения сведений об историческом прошлом стали именно учебники (их отметили 78% респондентов), на втором месте – Интернет (60,1%), на третьем – кинофильмы и сериалы (45,4%), на четвертом – личное общение со знающими людьми (37,5%) и художественная литература (37,5%). Однако, согласно выводам авторов исследования, учебник выполняет инструменталистскую функцию, и его использование обусловлено прагматической необходимостью: нужно его читать для тестирования или сдачи экзамена, а не ради удовлетворения потребности познания прошлого. Знание, полученное таким образом, перестает быть инструментом и забывается, если отсутствует практическая необходимость³²⁹.

Ценностное и когнитивное изменения исторической памяти всегда связаны с проявлением практик, которые через социальное действие показывают значимость образа в современности и тем самым конституируют целостное общество. Поэтому имеет смысл говорить и о коммеморативных практиках, совершаемых молодежью, так как именно посредством коллективных действий в настоящем воспроизводятся ценности с целью конструирования идентичности.

Поскольку в качестве главной ценности исторической памяти молодежи выступает событие Великой Отечественной войны, постольку именно вокруг этого образа в российском обществе реализуются коллективные

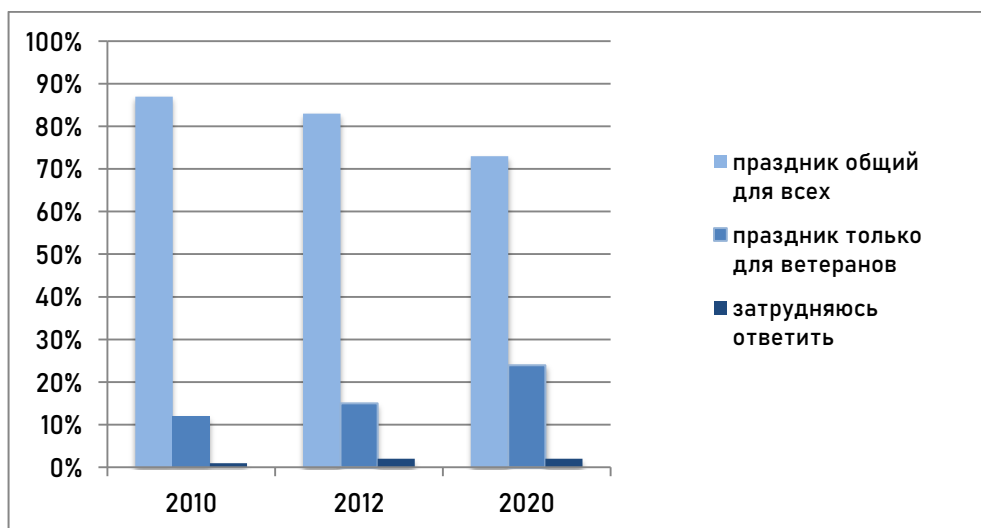
---

³²⁷ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 156-160.

³²⁸ Шумилина-Павлова М. О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 4. С. 228; Петросянц Д. В., Юшков И. В. Анализ каналов и способов получения информации российской студенческой молодежью // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 8. С. 78-79.

³²⁹ Историческое сознание российской молодежи: монография. М., 2015. С. 78.

коммеморативные практики. Сосредоточием коммеморативных практик современного российского общества является День Победы, который остается главным объектом в праздничном цикле. Однако, несмотря на то, что День Победы обладает «сакральной аурой» в политическом дискурсе, он сегодня подвергается смещению ракурсов наблюдения со стороны молодого поколения. Сдвиг, видный на поверхности, заключается в отношении молодых людей к сути праздника. О таком смещении свидетельствуют опросы ВЦИОМ, проводимые с 2010 по 2020 г. Результаты опросов показали различия в отношении ко Дню Победы между «миллениалами» и «поколением Z». Для первых, то есть людей от 25 до 34 лет, предназначение Дня Победы осталось неизменным, так как в течение последнего десятилетия он воспринимается как праздник общий для всех (в 2010 г. так считали 88%, в 2012 – 87%, в 2020 г. – 88%). Иначе говоря, для миллениалов, как и для старших поколений, День Победы продолжает оставаться всенародным достоянием ныне живущих граждан. Для представителей «поколения Z» в возрасте 18-24 лет дефиниция «9 мая» постепенно изменяется, что продемонстрировано на рисунке 8.

Рисунок 8 – Ответы молодых людей 18-24 года на вопрос: «9 мая, День Победы, на Ваш взгляд – это...» (N для каждого года = 1600).

Если в 2010 г. 87% обозначили День Победы как всенародный праздник, то в 2020 г. доля таковых людей составила 73%. За десятилетие в два раза увеличилось число людей рассматриваемой возрастной группы, полагающих, что

День Победы – это исключительно праздник ветеранов. Такого мнения среди «поколения Z» сегодня придерживается практически каждый четвертый опрошенный. Тем самым опросы показывают наличие «мемориального сдвига» именно в массовом сознании российских «зумеров».

Актуальные опросы ВЦИОМ 2020 г. подчеркивают наличие у «поколения Z» особого взгляда на коммеморации, связанные с Великой Отечественной войной. Например, как и все остальные возрастные когорты, на вопрос о том, как в будущем нужно отмечать День Победы (распределение ответов показано в таблице 4), большинство отвечает, что следует совершать такие же коммеморативные практики, как и раньше³³⁰.

Таблица 4 – Результаты опроса ВЦИОМ от 2 февраля 2020 г. о будущем праздника 9 мая (N=1600).

варианты ответа	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Следует отмечать более скромно, не так масштабно, как раньше	28%	15%	11%	14%	10%
Следует отмечать также масштабно, как и раньше	55%	71%	75%	68%	66%
Следует отмечать более масштабно, чем раньше	16%	12%	12%	17%	23%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	2%	1%	1%

Среди всех опрошенных молодых людей от 18 до 24 лет доля респондентов, придерживающихся этого мнения, составила 55%. В старших возрастных группах эта позиция тоже является преобладающей, но примечательно, что именно у самых молодых процент «стабильной» коммеморации является наименьшим в сравнении с процентами других когорт. «Поколению Z» начинает симпатизировать идея уменьшения масштабов празднования Дня Победы, идея более скромных коммеморативных действий, с чем согласились 28%

³³⁰ База результатов опросов россиян "Спутник". https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=247&q_id=19835&date=02.02.2020 (дата обращения: 13.04.2021).

респондентов 18-24 лет. Примечательно, что среди всех возрастных групп молодежь 18-24 лет больше всех выступает за «поворот к скромности» в праздновании Дня Победы. Что касается миллениалов, то они солидарны с другими возрастными группами (34-44 лет, 45-59 лет) в том, что 9 мая следует праздновать на том же уровне, что и раньше, и серьезно не сужать масштаб мероприятий.

«Мемориальный сдвиг» молодежи 18-24 лет прослеживается еще в одном массовом опросе ВЦИОМ, проведенном 2020 г. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Не все живущие в России отмечают День Победы. Как Вы считаете, почему люди не отмечают День Победы?»³³¹. Спектр предлагаемых ответов включал 35 вариантов, из которых одному респонденту можно было выбрать максимум три. Молодежь 18-24 лет отчетливо дает понять, что люди, по их мнению, не включаются в праздничные мероприятия, поскольку 1) не чувствуют к нему причастности (22%), 2) безразличны к происходящему (14%), 3) забывают события Великой Отечественной войны (12%), 4) школа дает недостаточные знания (9%). Порядок ответов среди миллениалов приблизительно такой же, но с учетом двух условий: во-первых, ответы не так ярко выражены и, во-вторых, вместо проблем школьного образования, молодежь в возрасте 25-34 лет отмечает нехватку свободного времени (10%).

Как показывают опросы ФОМ, с 2012 г. по 2019 г. готовность молодежи участвовать в мероприятиях, связанных с Днем Победы возросла: в 2012 г. только 61% молодых людей хотели участвовать в памятных мероприятиях, а в 2018 г. таких желающих стало уже 80%. Однако, если снова приглядеться, то поведение в коммеморативных практиках также имеет расхождение между «поколением Z» и миллениалами. В 2019 г., согласно данным ВЦИОМ, молодые люди 18-24 лет проводили День Победы следующим образом: 60% – посещали массовые мероприятия, 38% – отмечали в кругу семьи и друзей, 23% – посещали мемориалы, 19% – навещали и поздравляли ветеранов войны, 12% – ходили в

---

³³¹ База результатов опросов россиян "Спутник". https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=247&q_id=19837&date=02.02.2020 (дата обращения: 13.04.2021).

музеи на выставки, посвященные Великой Отечественной войне. И только 12% респондентов из данной возрастной категории отметили, что вообще не праздновали День Победы. Среди миллениалов 54% – посещали массовые мероприятия, 35% – находились в кругу семьи и друзей, 25% – посещали памятники, связанные с Великой Отечественной войной, 13% – навещали и поздравляли ветеранов войны и только 7% – ходили на тематические музейные выставки. Но главное, что 20% молодых людей 25-34 лет не принимало никакого участия в праздновании 9 мая. Тем самым миллениалы оказываются менее вовлеченными в коммеморативные практики, отсылающие к Великой Отечественной войне.

При всем этом миллениалы, в отличие от «поколения Z» жестче воспринимают изменения в области коммемораций. Известно, что эпидемиологическая обстановка 2020 г. не позволила полноценно провести празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим в апреле 2020 г. ВЦИОМ заинтересовало отношение населения к возможному изменению формата проведения некоторых памятных мероприятий³³². Например, на предложение перевести акцию «Бессмертный полк» в цифровой формат (в одно время 9 мая выйти на балконы с портретом родственника, участвовавшего в Великой Отечественной войне, сделать фотографию и выложить ее в Интернет) молодые люди 18-24 лет отозвались охотно: 79% опрошенных выразили согласие, 5% – ответили отказом, 13% – отметили свое безразличие. В то же время ответы миллениалов показывают иную картину: 65% респондентов положительно отнеслось к высказанной инициативе, 17% – отрицательно, а 16% безразлично. С одной стороны, эти ответы говорят, что миллениалы не хотят видеть нововведения в коммеморативных практиках, приуроченных к Великой Отечественной войне, а с другой стороны, результаты опроса снова подчеркивают безучастность и незаинтересованность молодежи 25-35 лет в деятельностном измерении мемориального пространства.

---

³³² База результатов опросов россиян "Спутник". https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=270&q_id=24201&date=26.04.2020 (дата обращения: 13.04.2021).

Полученный вывод подтверждается еще одним опросом ВЦИОМ 2020 г. о проведении Парада Победы и «Бессмертного полка» в разные дни³³³. Миллениалы в данном случае снова выступили консервативнее, чем зумеры, так как среди молодых людей 25-35 лет за разделение обозначенных коммемораций, за разведение их по разным дням выступили лишь 13% респондентов. Тогда как доля опрошенных 18-24-летних молодых людей, согласных на проведение Парада Победы и акции «Бессмертный полк» в разные дни, составила 21%. Безразличие миллениалов (23%) к проблеме, как и в предыдущем опросе, – самый высокий показатель среди всех возрастных групп.

Проблема изменений символического содержания и деформаций коммеморативных практик, которыми наполнен День Победы, уже неоднократно поднималась в социологическом дискурсе. Социолог и историк М. Габович, будучи руководителем массового исследования праздника 9 мая, смотрит на причину изменений в символическом коде коммеморативных практик Дня Победы через концептуальную рамку М. де Серто. Следуя за французским теоретиком, М. Габович полагает, что повседневные практики присваивают себе стратегии властей. Иными словами, официальное видение праздника Дня Победы люди начинают искажать, изменяя его формы для того, чтобы сделать его ближе к себе³³⁴. Отсюда с низов появляется спонтанная инициатива, направленная на введение в коммеморации новшеств, которые разрушат в практике поминовения только институциональную, официальную составляющую.

Коллектив авторов Московской высшей школы социальных и экономических наук (на основе материалов наблюдения акции «Бессмертный полк» в 2015-2016 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Вологде, а также на базе письменного дистанционного опроса с развернутыми комментариями 157 респондентов из 74 населенных пунктов) пришел к выводу, что празднование Дня Победы имеет потенциал дезинтеграции. Дело в том, что условно по отношению к коммеморативным практикам население дифференцируется на две группы:

---

³³³ База результатов опросов россиян "Спутник". https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=265&q_id=23083&date=12.04.2020 (дата обращения: 14.04.2021).

³³⁴ Габович М. Указ. соч. С. 97.

«сообщество I» и «сообщество II»³³⁵. Демаркационной линией между ними выступает вопрос о том, как следует проводить празднование Дня Победы. Представители «сообщества I» положительно относятся к внесению в коммеморативные практики новых форм: от “креативных” способов использования Георгиевской ленты до «милитари-маскарада», как авторы называют переодевания в наряды военной тематики. Иными словами, эти люди стремятся к перформативности, преодолевающей институциональность коммеморативных практик. Как видно из логики суждений, адепты «сообщества II», сторонятся таких изысков – они видят в памяти «сакральные» образы, которые не подлежат изменениям снизу. Отсюда они выступают за сохранение «чистой коммеморации», за институциональное начало, которому нужно защищать историческую память от «примесей» в коллективных действиях.

Если применить эту концептуальную рамку к изучению исторической памяти молодежи, то получается, что «поколение Z» и миллениалы находятся в разных жизненных мирах. Одни принадлежат к «сообществу I» и открыты к изменениям в коммеморациях, а вторые – к «сообществу II» и стремятся к стабильности и устойчивости исторической памяти и, следовательно, социальной структуры. Для одних коммеморации лабильны, для других устойчивы. Иными словами, в деятельностном измерении «поколение Z» выступает в качестве «новаторов», а «поколение Y» в качестве «традиционалистов». Будет преждевременно говорить, что первые радикальны и требуют немедленного пересмотра коммеморативных форм, как и преждевременно говорить о миллениалах как о консерваторах и ретроградах, но понимание коммемораций у зумеров и миллениалов сегодня разнятся.

Позитивной тенденцией в деятельностном измерении пространства исторической памяти молодежи является рост посещения музеев. Как показали результаты опросов ВЦИОМ в 2014 и 2020 гг., большинству молодых людей

---

³³⁵Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Указ. соч. С.106-107.

продолжает нравиться посещать именно исторические музеи³³⁶. Более того динамика опросов ВЦИОМ с 2007 г. по 2018 г. о ежегодных походах в музеи выглядит впечатляюще. Если в 2007 г. 34% респондентов молодых людей 18-24 лет и 30% опрошенных 25-34 лет в течение года посетили музеи, мемориалы и места боевой славы, то в 2018 г. их доля увеличилась соответственно до 63% и 70%. Рост популярности музеев в молодежной среде объясняется как увеличением самого их количества на территории РФ³³⁷, что сделало музейное пространство более доступным, так и господством визуальной культуры, которая превалирует над культурой чтения в молодежной среде³³⁸. Увеличение посещаемости объясняется также тем, что, по мнению молодых людей, в культурном пространстве музей дает больший эффект для развития личности³³⁹. Однако в структуре досуга молодого человека посещения музеи занимают малую долю времени³⁴⁰.

В любом случае музей сегодня – важный объект политики памяти, поскольку он имеет потенциал для расширения и углубления исторической памяти молодежи, что, к примеру, показало экспериментальное исследование Ю.В. Зевако: было выявлено, что после посещения музея у молодых людей увеличивается когнитивный уровень памяти³⁴¹. Именно поэтому большинство молодых людей посещает музеи в учебных целях, что подчеркивает образовательную функцию музеев. Однако молодежь считает, что посещали бы музеи чаще, если бы они выполняли еще и досуговую функцию. Каждый пятый молодой человек пошел бы в музей ради флешмобов, представлений, зрелищ, социальных акций³⁴². Тем самым закрытость музея от внешней среды, по мнению, молодых людей не привлекает внимания – музей должен становиться открытой

³³⁶ Пойдем в музей? 19.05.2014. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pojdem-v-muzej> (дата обращения: 15.04.2021); День Музеев онлайн. 18.05.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn> (дата обращения: 15.04.2021).

³³⁷ Согласно данным Росстата с 2005 по 2018 гг. количество исторических и краеведческих музеев в России выросло с 492 до 543 и с 1085 до 1443 соответственно (Россия в цифрах. 2020. : Краткий статистический сборник. М., 2020. см. С. 167)

³³⁸ Самарина Н. Г. Указ. соч. С. 344.

³³⁹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 296.

³⁴⁰ Там же. С. 270-271.

³⁴¹ Зевако Ю. В. Указ. соч. С. 136.

³⁴² Хачатрян Л. А., Чернега А. А. Указ. соч. С. 170.

площадкой, где образовательная и досуговая функции взаимодействуют друг с другом.

В социологических работах часто можно встретить мнение, согласно которому современная молодежь, рожденная «с гаджетами в руках», гораздо активнее осваивает цифровую сферу. В отношении виртуальных музеев, которые предлагают ознакомиться с объектами экспозиций через интернет-пространство, молодежь не предстает таким «цифровым аборигеном», какой ее описывают. О существовании виртуальных музеев, как показывает опрос ВЦИОМ, молодые люди проинформированы так же, как и другие возрастные группы³⁴³. Более того активность посещений виртуальных музеев у молодых людей находится на том же уровне, что и у взрослых. Например, среди молодежи 18-24 лет только 21% хоть раз посещал виртуальный музей, среди молодых людей 25-34 лет – 18%, однако среди старших возрастных категорий эта доля посетителей колеблется в диапазоне 17-23%³⁴⁴. Поэтому о «цифровом разрыве» между поколениями по поводу посещения виртуальных музеев говорить пока рано.

Важным институтом, транслирующим исторический нарратив, сегодня остается школа, где приобретаются базовые исторические представления. Опрос ФОМ в июне 2013 г. показал, что 75% опрошенных молодых людей 18-30 лет основные знания об истории приобрели в школе. Но учебный предмет «История» нравился молодым людям меньше, чем старшим поколениям: если среди взрослых история в школе увлекала 78-80% опрошенных, то среди молодежи интерес к исторической дисциплине испытывали 67%³⁴⁵. Другой опрос показал, что молодежь индифферентно относится к исторической дисциплине и, как правило, интерес к предмету «История» зависит от характера преподавания, задаваемого учителем³⁴⁶. Если «импульс» был произведен школьным учителем, то

---

³⁴³ База результатов опросов россиян "Спутник". URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=268&q_id=23471&date=17.05.2020 (дата обращения: 17.04.2021).

³⁴⁴ База результатов опросов россиян "Спутник". URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=268&q_id=23472&date=17.05.2020 (дата обращения: 17.04.2021).

³⁴⁵ Школьные уроки истории. 23.09.2013. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11095> (дата обращения: 18.04.2021).

³⁴⁶ Историческое сознание российской молодежи: монография. С. 72.

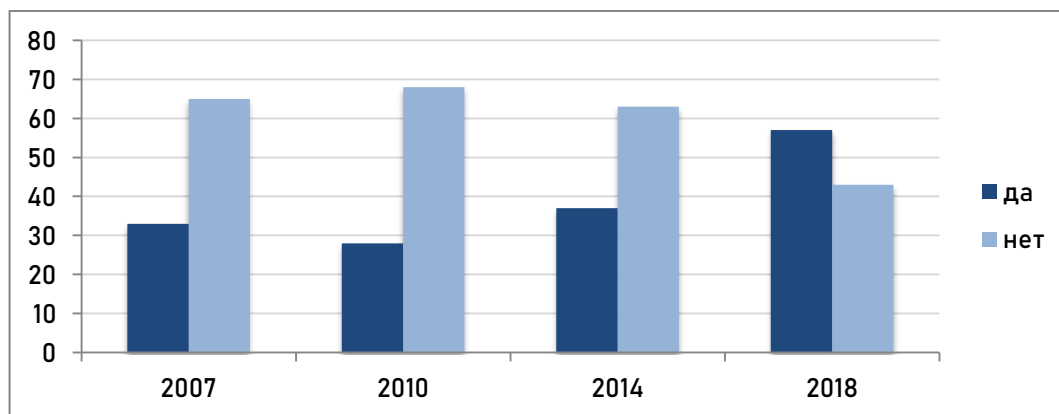
в последующем молодой человек может начинать искать иные формы для более углубленного получения исторического знания.

Однако российские школы выполняют не только образовательную функцию, но и функцию патриотического воспитания, в результате чего учащиеся вовлекаются в памятные мероприятия, которые сложились еще со времен советской школы 1960-1970-х гг. Центральной коммеморативной практикой в современных образовательных организациях остается встреча с ветеранами. Она предполагает монолог или диалог участника военных действий в рамках «урока мужества», не входящего в структуру учебной программы. Традиционно гостем школьников в этой коммеморации являются ветераны Великой Отечественной войны. Однако поскольку людей, которые принимали участие в Великой Отечественной войне, с каждым годом становится все меньше, постольку их место занимают ветераны боевых действий других локальных войн (войны в Афганистане, чеченских кампаний). Новые ветераны рассказывают истории в схожей риторике – о мужестве, героизме, любви к Родине, поэтому современный «урок мужества» продолжает сохранять себя в качестве коммеморативной практики. Представляя результаты качественного социологического исследования по вопросу коммемораций, А.А. Личенко и О.В. Головашина отмечают, что сегодня присутствие ветеранов (не только Великой Отечественной войны) усиливается в стенах школы. Они становятся почетными гостями или членами жюри в различных школьных концертах, спартакиадах, конкурсах³⁴⁷. О росте публичности ветеранов в молодежной среде говорят и результаты опросов ВЦИОМ с 2007 г. по 2018 г., изображенные на рисунке 9. В последнее время молодежь 18-24 лет стала гораздо чаще встречаться с ветеранами, чем раньше. Если в этом вопросе сравнивать молодежь 18-24 лет с другими возрастными группами, то оказывается, что она видится с ветеранами больше, чем старшие когорты. По данным опроса 2018 г. 57% молодых людей 18-24 лет ответили, что за последний год встречались с ветеранами, в то время как среди опрошенных 25-

---

³⁴⁷ Linchenko A., Golovashina O. With tears upon our eyes?: Commemorations of Victory Day in the Great Patriotic War in the school practice in the Soviet Union and Russia // Journal of Social Science Education, 2019, vol. 18, issue 1, P. 64-65.

34 лет такая доля составила 48%, среди респондентов 35-44 лет – 49%, среди людей 45-59 лет – 43%³⁴⁸.

Рисунок 9 – Ответы молодых людей 18-24 лет на вопрос ВЦИОМ: «Приходилось ли Вам в течение последнего года встречаться с ветеранами?».

Еще одна форма школьных мероприятий, которые нацелены на патриотическое воспитание подрастающего поколения, – организация почетных караулов. В современной российской школе на старшеклассников возлагается обязанность проведения особого ритуала возле «Вечного огня» или мемориалов, сопровождающегося возложением цветов. Но сегодня исторический дискурс почетного караула расширяется – такое ритуальное действие проводится не только применительно к памятным датам Великой Отечественной войны, но и к датам, связанным с войной в Афганистане и чеченскими кампаниями. Иначе говоря, исторический дискурс почетного караула подчеркивает преемственность героического опыта России, который должна усвоить учащаяся молодежь³⁴⁹.

Другими воспитательными мероприятиями в рамках школы выступают возрожденные советские практики, направленные на совмещение использования фрагментарных исторических фактов и физическую активность учащихся. К таким мероприятиям относятся военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок», учреждение в школах военно-патриотических клубов. Но они, как правило, носят

³⁴⁸ База результатов опросов россиян "Спутник". URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=96&q_id=7037&date=24.06.2018 (дата обращения: 18.04.2021).

³⁴⁹ Linchenko A., Golovashina O. Op. cit. P. 62.

формальный характер и слабо адаптированы к реалиям современного российского образования³⁵⁰.

Эффективность всех этих практик патриотического воспитания заслуживает отдельного тщательного исследования, но уже по общим данным массовых опросов складывается картина «обратной связи» – реакции на воспитательную роль школьного образования. В первую очередь, в отличие от старших возрастных групп, молодые люди считают, что сегодня не нужно обращаться к советскому опыту патриотического воспитания. По мнению молодежи в возрасте 18-30 лет, школы не справляются с задачей патриотического воспитания. Поэтому, согласно актуальным данным ФОМ, 61% молодых людей полагают, что выпускников школ сегодня нельзя назвать патриотами. Кроме того, как говорят молодые респонденты, на данный момент школа в вопросе патриотического воспитания уступает институту семьи и армии³⁵¹. Если учесть, что молодые люди 18-30 лет сами относительно недавние выпускники школ, то их мнение можно воспринимать в качестве саморефлексии и низкой оценки качества воспитательной деятельности современной системы общего образования.

Таким образом, проведенная на основе вторичным данных характеристика исторической памяти в социокультурном пространстве современной России позволяет диссертанту сделать вывод, что, несмотря на процесс десакрализации прошлого, коммеморативная культура российской молодежи имеет два образа прошлого, представляющих ценность для поддержания позитивной социальной идентичности. Первый образ – Великая Отечественная война, которая считается самым значимым событием прошлого, поддерживаемым капиталом социальной памяти; второй образ – «брежневская эпоха», которая предстает в качестве самого популярного периода в советской истории, отличающегося такими характеристиками, как справедливость, социальный оптимизм, успехи в науке и образовании. Наиболее же негативными образами, несущими деструктивный

---

³⁵⁰ Куркин В. А. Роль исторического образования в политической социализации учащейся молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 121.

³⁵¹ Нужно ли патриотическое воспитание? 20.05.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411> (дата обращения: 18.04.2021).

потенциал для социальной идентичности, являются годы «перестройки» и 1990-х гг. При этом в коммеморативной культуре российской молодежи младшей возрастной когорты имеются риски, способные привести к негативной трансформациям российского коммеморативного сообщества:

– влияние Интернета на формирование коммеморативной культуры российской молодежи. Несмотря на то, что при обращении к образам прошлого молодые люди продолжают пользоваться традиционными источниками инфраструктуры памяти (учебниками, экспертным мнением учителя, музеями), рост популярности Интернета с массивом необработанной, непроверенной информации способен привести к переосмыслению ключевых образов прошлого исторической памяти;

– обесценивание элементов инфраструктуры памяти и, в частности, коммеморативных практик, связанных с образом Великой Отечественной войны. Поскольку среди младшей когорты российской молодежи сегодня имеют место настроения на пересмотр форм празднования Дня Победы, данная часть молодежи несет деструктивный элемент для устойчивого функционирования общероссийского коммеморативного сообщества;

– противоречивость сложившейся модели патриотического воспитания в системе школьного образования. В системе школьного патриотического воспитания сложился дискурс преемственности милитаристского нарратива в инфраструктуре памяти, то есть создание практик, предполагающих связь Великой Отечественной войны с последующими локальными военными конфликтами, которые не являются образами, главенствующими в общероссийской коммеморативной культуре. Следовательно, расхождение нарратива инфраструктуры памяти и коммеморативной культуры не ведет к формированию позитивной социальной идентичности общероссийского коммеморативного сообщества.

2.2 Коммеморативная культура учащейся молодежи Краснодарского края в измерениях культуры памяти

Сегодня на уровне высшего образования численно преобладают студенты, которые с легкой руки социологов и маркетологов получили название «миллениалы» или «поколение Y». Выделение нового поколенческого ярлыка, согласно Е.Л. Омельченко, свидетельствует о том, что люди, взрослеющие в один промежуток времени, имеют общие черты в обстоятельствах жизни, общезначимые социальные институты и разделяемые большинством каналы получения информации³⁵². Следовательно, сегодня молодой человек, сидящий на студенческой скамье, имеет отличные от предшествующих поколений ценностные установки, модели поведения и особенности мышления.

Описывая социологический портрет современного студенчества, отечественный социолог В.В. Радаев сетует на то, что в высшем учебном заведении появился студент-миллениал, качественно непохожий на студенчество, имевшее место ранее. Не столько шокирует, что студент-миллениал живет с гаджетом в руках, сколько особенности его мышления и смена социальных предпочтений и ценностных ориентаций. Множественность форм коммуникации, увеличившихся в связи с расширением виртуального пространства, влияет на постоянное переключение современного студента между сменяющимися потоками информации. Неспособность обработать весь объем информации приводит к тому, что знания студента-миллениала становятся поверхностными. В условиях избытка информации этот новый студент теперь стремится не к освоению глубокого академического знания, а к получению знаний преимущественно практической направленности³⁵³. Прагматический поворот и приверженность к материальным ценностям приводит к тому, что духовная составляющая социальной жизни уходит на второй план.

---

³⁵² Омельченко Е. Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в. С. 244-245.

³⁵³ Радаев В. В. Указ. соч. С. 172-176.

Социология, как справедливо замечает В.В. Радаев, не поспевает за ускоряющимися социальными изменениями. Ученые пока до конца не успели понять, какие трансформации произошли с приходом в общество миллениалов, как «уже вплотную подступает новое поколение Z» или, так называемые «центиниалы»³⁵⁴. Оно еще настолько не осмыслено, что в академическом сообществе до сих пор имеются разногласия по поводу периода рождения этого поколения. В зарубежной социологической литературе насчитывается шесть вариантов рождения поколения Z, крайний из которых датируется с 1995 г. по настоящее время³⁵⁵. Полностью проецировать зарубежную периодизацию на российскую почву будет неправомерным, поскольку необходимо учитывать отечественные историко-культурные особенности развития общества. Поэтому диссертант солидарен с В.В. Радаевым, что момент рождения поколения Z в России условно необходимо начинать с 2001 г., а момент взросления, когда молодые люди заканчивают школу, начинают формировать семью, идти работать или учиться в высшее учебное заведение, берет начало примерно с 2017 г.³⁵⁶

В соответствии с установленной датировкой молодые люди в возрасте 14-17 лет, которые сегодня сидят за школьной партой, родились в 2003-2007 гг. и тем самым относятся к поколению Z. Их ценности считаются еще формирующимися и не ярко выраженными, поэтому феномен появляющегося поколения остается малоизученным³⁵⁷ и тем самым привлекает к себе все большее внимание со стороны ученого сообщества. Тем интереснее посмотреть, а как новая молодежь, выходящая на арену под названием жизнь, ориентируется в прошлом, как она относится к истории, к институтам памяти и коммеморативным практикам. Отсюда можно будет понять, что ожидать от школьников, которые вскоре отставят свои парты и предстанут в качестве социального актора, включенного в бурную сеть проблем и противоречий современного общества.

---

³⁵⁴ Там же. С. 211.

³⁵⁵ Dolot A. The Characteristics of Generation Z // E-mentor, 2018. № 2. P. 45.

³⁵⁶ Радаев В. В. Указ. соч. С. 49.

³⁵⁷ Дутко Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 33.

Собирательный образ представителя поколения Z в России выглядит следующим образом: это человек, который с детства существует в цифровом пространстве и пользуется многоканальным сбором информации, что приводит его к затруднениям в определении истинности знания и к сложностям в нахождении отличий между мнениями и фактами³⁵⁸. Важными для него являются только те ценности, которые удовлетворяют только собственные потребности³⁵⁹. И раз прошлое не удовлетворяет его практические нужды, то молодой человек не испытывает особой любви к истории, в результате чего его знание о прошлом предстает фрагментарным, сжатым и размытым³⁶⁰. В соответствии с поколенческими характеристиками молодежи и ее «меморативным портретом» в общероссийском контексте логика исследования и повествования требует рассмотрения особенностей социальной идентичности учащейся молодежи (студентов и старшеклассников) в измерениях культуры памяти (ментальном, социальном и материальном).

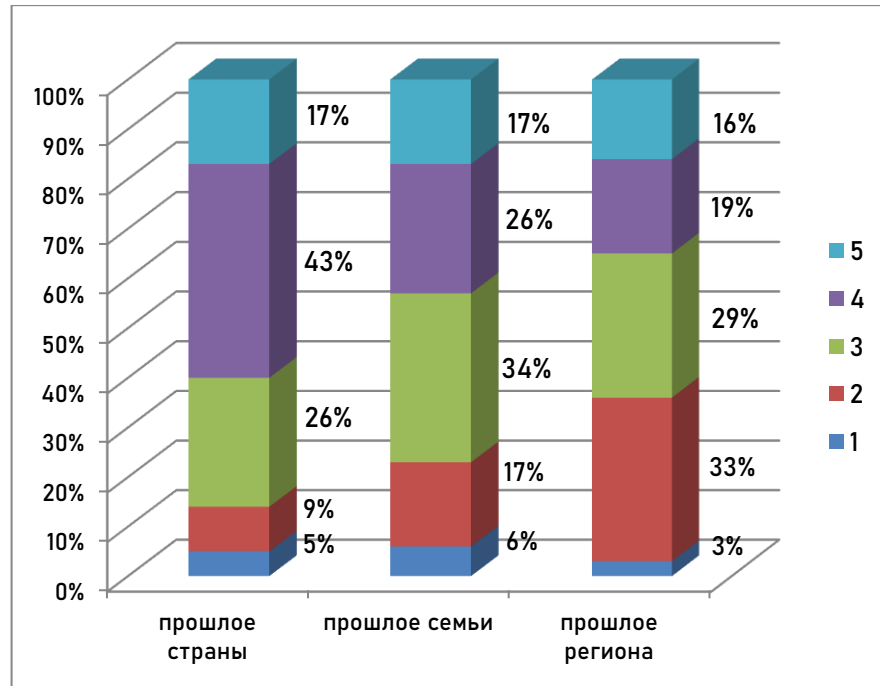
Ментальное измерение культуры памяти. При принятии трехуровневой модели исторической памяти, представленной общенациональной памятью, семейной памятью, региональной памятью, возможно определение когнитивных особенностей исторической памяти и ее ценностного аспекта в жизни молодежи. В ходе опроса, проводимого диссертантом, молодым людям было предложено оценить собственные знания о государственном, семейном и региональном прошлом по 5-балльной шкале. Результат опроса показал, что студенческая молодежь лучше владеет знаниями на уровне общенациональной памяти и хуже всего – на уровне региональной памяти, о чем свидетельствует рисунок 10.

---

³⁵⁸ Сундукова Т. О., Ванькина Г. В. Поколение Z: Что дальше? // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 26-28 ноября 2020). Уфа, 2020. С.80.

³⁵⁹ Теплова Е. Ф. Поколение Z – социальное поведение, ориентации, идентичность // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 26-28 ноября 2020). Уфа, 2020. С. 89.

³⁶⁰ Романова А. П., Федорова М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 9 (95). [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840012223-4-1/> (дата обращения: 17.05.2021).

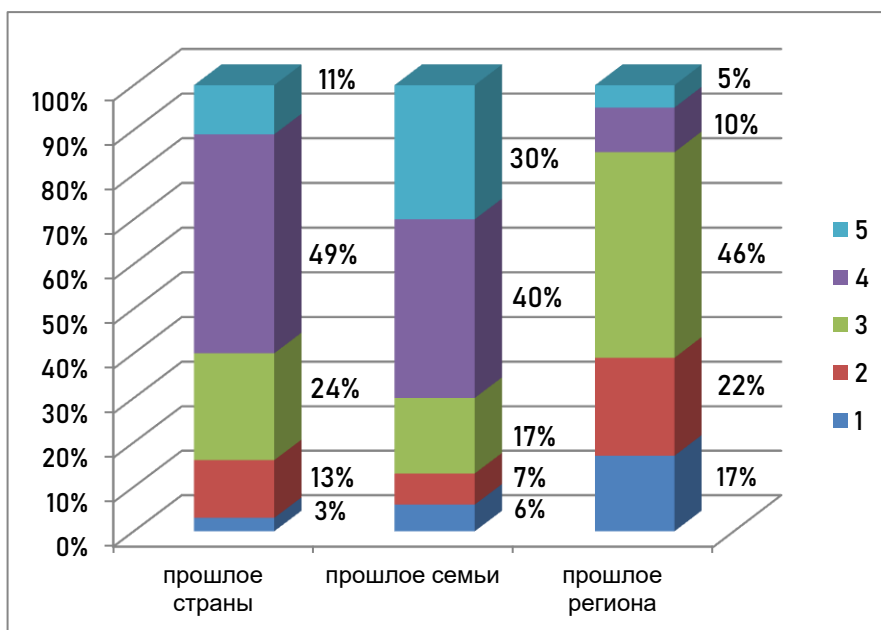
Рисунок 10 – Самооценка знаний студентов на различных уровнях памяти (где 1 – неизвестно ничего, 5 – отличное знание).

Определение соответствий между оценками позволяет выявить связи между уровнями памяти студентов. Согласно проведенному корреляционному анализу, в студенческой среде связь средней силы имеется между знаниями о прошлом страны и региона. В данном случае коэффициент Пирсона $r = 0.615$ (при значимости 0.001), Хи-квадрат – 38.161 (при степени свободы 16 и $p = 0.001$) и V Крамера = 0.406. При определении направления связи посредством таблицы сопряженности выявляется тенденция: чем выше студенты оценивают свои знания по истории страны, тем выше их оценка о своих знаниях по региональной истории. В таких связках, как «прошлое региона – прошлое семьи», «прошлое страны – прошлое семьи», несмотря на средние значения коэффициента Пирсона, остальные показатели, представленные в таблице 5, не позволяют утверждать о наличии корреляции: по таким критериям, как Хи-квадрат и V Крамера корреляция знаний об истории страны и семьи и тем более истории региона и семьи отсутствуют.

Таблица 5 – Критерии корреляции знаний студентов на разных уровнях памяти (при значимости < 0.003)

критерии корреляции	«страна-регион»	«страна-семья»	«регион-семья»
R Пирсона	0.615	0.528	0.466
Хи-квадрат	38.161	35.618	28.031
V Крамера	0.406	0.392	0.348

Что касается школьников, то они считают, что лучше всего ознакомлены с прошлым своей семьи (30% респондентов оценили свои знания на «отлично»), а 40% отметили наличие «хороших» знаний) (см. рисунок 11). Хуже всего в памяти учащихся школ представлены воспоминания о прошлом региона (17% опрошенных отметили, что им ничего не известно из прошлого Краснодарского края, а 22% оценили свои знания как «неудовлетворительные»).

Рисунок 11 – Самооценка знаний школьников на различных уровнях памяти (где 1 – неизвестно ничего, 5 – отличное знание).

Получается, в отличие от студенчества, старшеклассники немного лучше осведомлены о семейном прошлом. Но, в отличие от знаний студентов об истории Краснодарского края, старшеклассники имеют еще более скудные представления о региональном прошлом. В соответствии с проведенным корреляционным

анализом, как показано в таблице 6, среднюю силу связи имеют знания об истории страны и о прошлом региона, так как $r = 0.478$, Хи-квадрат – 60.140 (при степени свободы 16 и $p = 0.001$), а V Крамера 0.428, что в совокупности говорит о том, что между данными уровнями памяти школьники имеют более выраженную связь, чем у студентов. Составление таблицы сопряженности позволяет выявить такую же тенденцию положительной корреляции оценивания, как и у студентов: чем выше оцениваемые знания об истории страны, тем большим объемом знаний о прошлом региона владеют школьники.

Таблица 6 – Критерии корреляции знаний старшеклассников на разных уровнях памяти (при двух. значимости < 0.003)

критерий корреляции	«страна-регион»	«страна-семья»	«регион-семья»
R Пирсона	0.478	0.225	0.306
Хи-квадрат	60.140	28.185*	37.600
V Крамера	0.428	0.293	0.339

* двух. значимость = 0.30

Состояние ментального измерения культуры памяти старшеклассников также подтверждают результаты по определению коммеморативной плотности³⁶¹, то есть значимости события в исторической памяти нынешних школьников. В январе 2020 г. диссертант провел отдельный опрос среди старшеклассников. 70 учащимся средней образовательной школы № 46 г. Краснодара в возрасте 15-17 лет было предложено написать сочинение на тему «Великая Отечественная война в памяти школьника». Обучающимся давались опорные вопросы, которые следовало подробно раскрыть в сочинении. Первый вопрос звучал следующим образом: «Что Вам известно о событиях и личностях Великой Отечественной войны?». Он предполагал выявление коммеморативной плотности исторической памяти государственного масштаба среди молодых людей. Второй вопрос – «Что Вам известно о событиях и героях на Кубани в годы Великой Отечественной

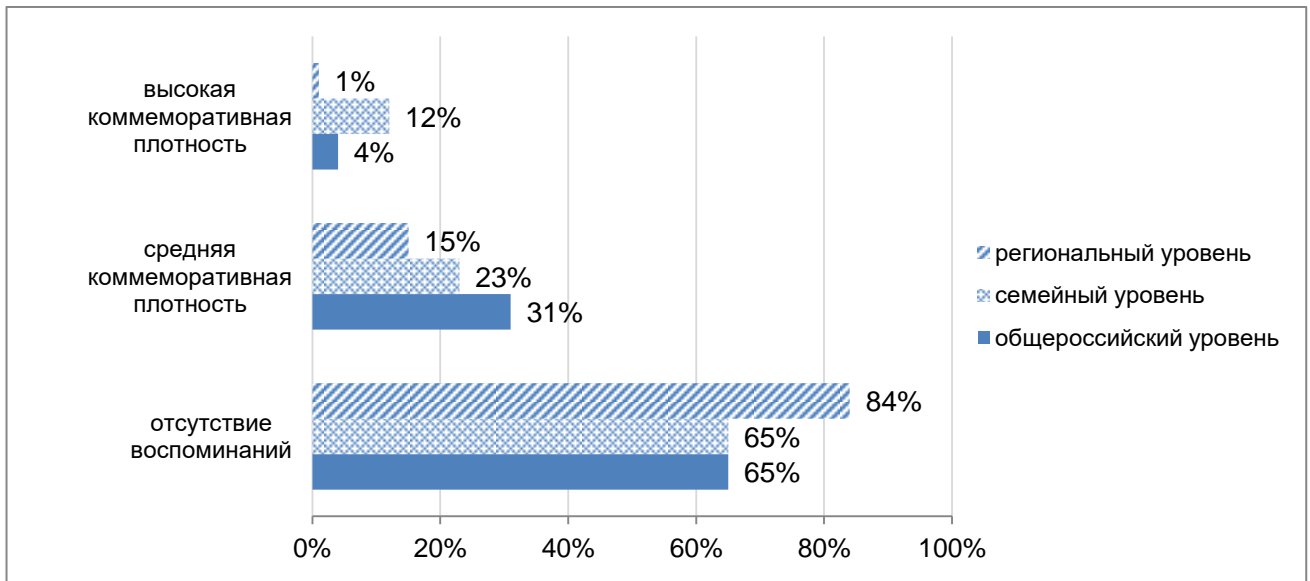
³⁶¹ Зерубавель Я. Указ. соч. С. 19.

войны?» – был направлен на определение коммеморативной плотности региональной памяти (краеведческого исторического нарратива). Третий вопрос – «Что Вам известно об участии членов Вашей семьи в Великой Отечественной войне?» – фокусировался на раскрытии способности владения семейной историей и ее передачей в виде целостного рассказа.

Критерием коммеморативной плотности на каждом уровне воспоминания явился принцип детализации. Если респондент не воспроизводил никакое воспоминание, то считалось, что коммеморативная плотность в этом случае отсутствует. Если в ходе припоминания указывались шаблонные фразы, то предполагалось, что такое описание условно содержит среднюю плотность памяти. Но если в трансляции прошлого имелась детализация с пространственно-временной локализацией или углубленное знание события, то отмечалось, что для воспоминания характерна высокая коммеморативная плотность. Такая дифференциация позволила составить матрицу памяти, с помощью которой стало возможно определять коммеморативную плотность уровней памяти опрашиваемых школьников.

Для дальнейших исследовательских манипуляций появилась необходимость перевода качественных данных в количественные. Поэтому степени глубины памяти получили числовые значения: отсутствие воспоминания = 0, средняя коммеморативная плотность = 1, высокая коммеморативная плотность = 2. Переход в количественный регистр позволил сделать подсчет распределения коммеморативно плотных воспоминаний на разных уровнях памяти. В итоге, как показано на рисунке 12, стало видно, что именно в семейной памяти встречаются наиболее детализированные воспоминания (12% респондентов смогли развернуто ответить на вопрос об участии родственников в Великой Отечественной войне). Второе место по насыщенности фактической стороной ответов занимает описание событий общегосударственного уровня памяти (4%). События же региональной истории вызывают наибольшие затруднения для воспоминания (у них меньше всего коммеморативно плотных воспоминаний – 1%, и наибольший процент

забвения – 84%). Следовательно, потенциальная сила сохранения воспоминаний о Великой Отечественной войне имеется именно у семейной истории³⁶².

Рисунок 12 – Коммеморативная плотность на разных уровнях памяти школьников

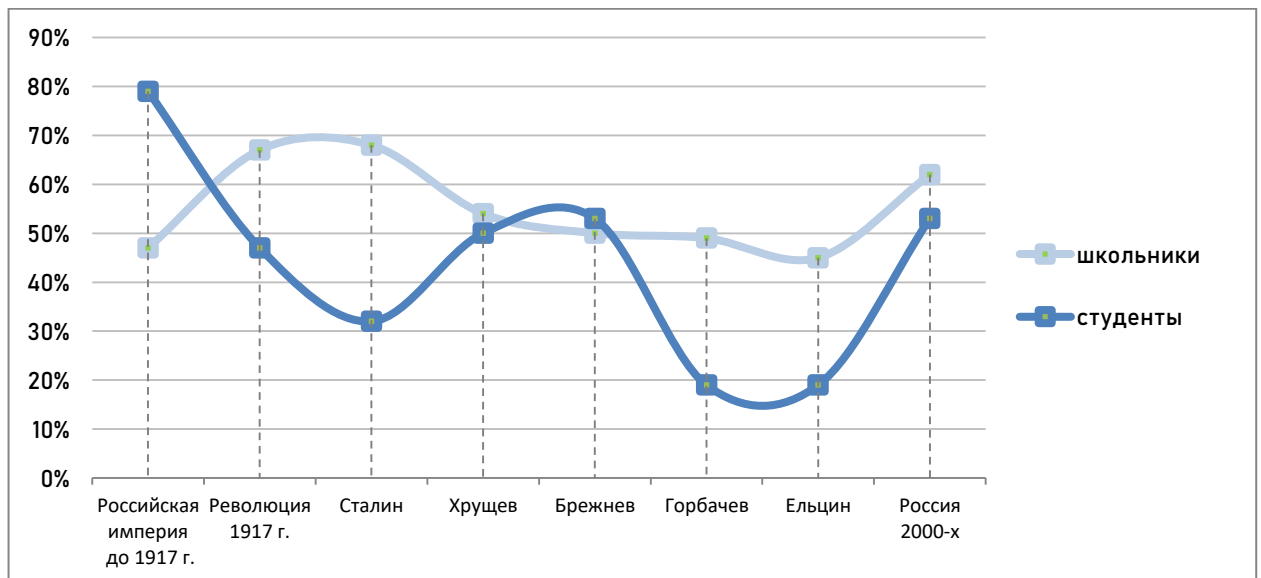
Общероссийский уровень памяти. В 2013 г. в г. Краснодаре среди студентов Кубанского государственного университета, Кубанского государственного технологического университета и Кубанского государственного медицинского университета проводился мониторинговый опрос Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем ЮФО (выборка составила 300 чел.). Одним из тематических блоков мониторинга являлся вопрос об историко-политических представлениях молодых людей: им предлагалось выбрать идеальный период из отечественной истории XX в. Результаты показали, что наиболее популярным идеалом среди краснодарского студенчества является эпоха Российской империи, на втором месте расположилась современная Россия, на третьем – период Сталина (1930-1950 гг.), на четвертом – застой / оттепель, «перестройка» и время 1990-х гг.³⁶³

Согласно проведенному диссертантом социологическому опросу, состояние общенационального уровня исторической памяти студенческой молодежи

³⁶² Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015– 2020 гг.). С. 313.

³⁶³ Молодежь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад / ред. Тишков В. А., Коновалов В. Н., Лукичев П. Н., Степанов В. В. М.; Ростов н/Д., 2014. С. 39.

Краснодарского края в 2021 выглядит следующим образом (см. рисунок 13): наибольший процент симпатий отдается образу Российской империи (79% опрошенных студентов), эпохе Брежнева (53%) и России 2000-х (53%). Существенное падение исторических периодов наличествует при оценивании «перестройки» и 1990-х гг. Таким образом, эпоха Российской империи в студенческой среде продолжает занимать лидирующие позиции в качестве позитивного образа. Но в тот же момент время М. Горбачева и эпоха Б. Ельцина продолжают воспроизводиться студенчеством преимущественно в негативных тонах. Поэтому перестройка и период 1990-х гг. до сих пор не способны стать основой формирования позитивной идентичности студенческой молодежи Краснодарского края.

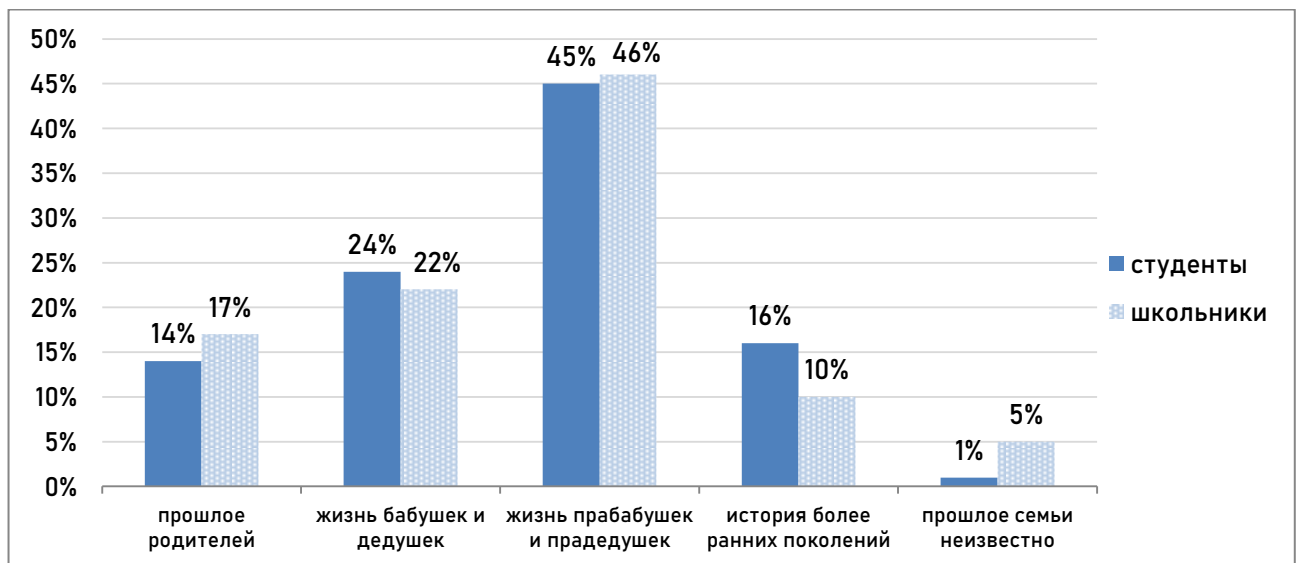

Рисунок 13 – Симпатии к периодам новейшей отечественной истории среди учащейся молодежи Краснодарского края

В ходе выявления структуры исторической памяти выяснилось, что у школьников Краснодарского края имеются существенные расхождения в оценивании исторических периодов со студенческой молодежью. С одной стороны, они менее позитивно настроены к дореволюционной России, чем студенты (среди опрошенных учащихся школ только 47% отметили симпатии к этому периоду, в то время как среди студентов такая доля составила 79%). Но, с

другой стороны, они положительнее относятся к другим периодам истории XX в., даже к горбачевскому и ельцинскому времени.

Семейный уровень памяти. Студенческая молодежь Краснодарского края обладает некоторыми сведениями на уровне семейной памяти, однако возникает вопрос о том, информация о каких поколениях семьи имеется у кубанского студенчества. Оказалось, что сведения из истории семьи у студентов ограничиваются жизнью прабабушек и прадедушек – история же более ранних поколений менее известна молодым людям [Рисунок 14].

Рисунок 14 – Самое раннее поколение семьи, событие из жизни которого знают студенты и школьники

Тем самым «глубина памяти» / «порог опыта»³⁶⁴ молодого человека достигает предела в жизни прабабушек и прадедушек, которые родились 80-100 лет назад (при условии, что поколенческий лаг составляет 20-25 лет). До этого темпорального горизонта память является «живой»: в ней циркулируют совместно пережитый опыт, услышанные воспоминания, навязанные нарративы. Однако за установленными пределами «живая» память рассеивается и попадает под приговор забвения³⁶⁵. Именно поэтому эмпирический анализ исторической

³⁶⁴ Wydra H. Generations of Memory: Elements of a Conceptual Framework // Comparative Studies in Society and History. 2018. 60(1). P. 7-9.

³⁶⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 22-25.

памяти молодежи должен ограничиваться обозначенным временным горизонтом прошлого и в случае данного исследования не выходить за рамки «советского».

Благодаря количественному анализу имеется представление об общем состоянии семейной памяти, но именно материалы интервью позволяют увидеть более детализированную картину «глубины памяти» семейного прошлого среди студенческой молодежи. К примеру, на вопрос «Что Вам известно из семейной истории?» были получены различные ответы. Информант Иван Ч. (23 года) ответил: *«Дедушка и бабушка по маминой линии были работящими, этими, колхозниками. После 1966 года, когда мама была маленькая, они переехали из Пензы [на Кубань], вот здесь мама отца встретила. А прадедушку я как-то толком и не знаю, он умер в 1994 году, ну, когда меня не было еще. Так что о прадедушке не помню, а с прабабушкой [мы] не общаемся»*. Память представленного информанта о семейном прошлом упирается в жизнь бабушки и дедушки, которые сменили место проживания. Интересно, что в последующем диалоге информант отмечает, что его родственники не принимали участия в Великой Отечественной войне и, следовательно, об их жизни и об истории более ранних поколений семьи ему ничего не известно. Другой информант Арина М. (22 года) в повествовании углубляется дальше: *«Я помню о своих прадедах. Мне бабушка рассказывала историю: один [прадед] пережил всю блокаду [Ленинграда], он был серьезно ранен и умер 8 мая 1945 года, а о втором я не очень [хорошо] помню. Помню, была у нас какая-то бабка-прабабка, которая целила людей. Не помню больше, [а] это, наверное, самые такие яркие [воспоминания]»*. В этом случае семейная память ограничивается событиями Великой Отечественной войны, однако дальнейшее повествование останавливается. Пример же более глубокого и «коммеморативно плотного» воспоминания предлагает информант Екатерина П. (18 лет), которая выходит за границы Великой Отечественной войны: *«Помню, например, как бабушка мне рассказывала всякие истории. У нас даже есть книжка, которую писал какой-то родственник об истории нашей семьи в конце XIX века. Какой-то мой прапрадедушка участвовал в русско-турецкой войне, плавал на кораблях. Много*

событий из истории Великой Отечественной я знаю, но из дореволюционного прошлого помню больше. У моей какой-то прапрабабушки и прапрадедушки было большое имение в Саратовской области – оно, по-моему, до сих пор сохранилось, но их быстренько заложили: в 5 часов утра к ним пришли и сказали: “Все, до свидания, вас будут раскулачивать, расстреливать”. И они убежали в тайгу, жили там».

Примечательно, что память о семейном прошлом у студенчества содержательно может быть совершенно различной, однако в форме повествования общих черт здесь гораздо больше. В первую очередь, необходимо понимать, что описываемые события семейной истории не являются лично пережитым опытом молодых людей, – это лишь «внешнее описание», то есть рассказ, переданный через коммуникацию поколений. Следовательно, сведения о прошлом своих предков являются коллажем, собранным из разных источников. Более того, в этот коллаж вошли наиболее яркие моменты из жизни старших поколений, в результате чего вся семейная история в памяти молодого поколения предстает в виде разрозненных, но необычных образов. Иными словами, в семейной памяти усиливается потенциал «вспышечных» воспоминаний, но теряется связующая нить повествования между ними. В процессе вспоминания у молодых людей появляется образ предка, который сразу помещается в контекст конкретного события прошлого: либо это священник, который благословлял солдат во время Великой Отечественной войны (Юрий А., 23 года), либо белый офицер, который застрелился в период Гражданской войны (Екатерина П., 18 лет), либо крестьянин, семью которого впоследствии коллективизации отправили в Казахстан (Вячеслав Г., 24 года). Такое соотношение семейного прошлого и истории объясняется тем, что события-катаклизмы эпохального масштаба отличались экстраординарностью, которая ломала повседневные практики того или иного предка. Следовательно, насыщенное воспоминание о прошлом семьи уже находится во «вспышечном» воспоминании общенациональной исторической памяти. Поэтому молодой человек ощущает причастность к единому историческому процессу через семейное прошлое.

Но иногда случается, что семейная память студенческой молодежи имеет небольшую глубину – ее предел не доходит даже до жизни бабушек и дедушек. Поэтому в ходе интервью информанты, смущаясь, испытывают затруднения и, проводя рефлексию, пытаются оправдать свое беспомыслие. К примеру, на аналогичный вопрос о знании истории семьи Маргарита Ш. (23 года) дает следующий ответ: *«Мало всего, если честно, помню. Мне должно быть очень стыдно. Из совсем прошлого ничего, потому что мало мы обо всем этом говорим. Эта информация оговаривается не так часто в семье. Но если брат ближе к нашим годам, то из ключевых моментов есть то, что рассказывали родители: их встреча, знакомство. Также рождение брата. Дедушку я не помню, [так как] он умер, когда мне было два с половиной года. К сожалению, я его не узнала практически, потому что ребенок мало что может запомнить»*. Похожим образом отвечает Диана В. (21 год): *«К сожалению, в моей семье более старшее поколение никогда активно не рассказывало об истории и пережитых событиях. Также и родители достаточно много не знают и тем самым не имеют возможности ответить на возникшие мои вопросы»*.

Старшеклассники в ходе вопросов интервью, касающихся прошлого семьи, фокусировались исключительно на событиях Великой Отечественной войны: *«У меня есть родственники, которые участвовали в войне. И по маминей, и по папиной линии. Есть некоторые из них, которые даже не вернулись»* (Иван М., 16); *«Моя прабабушка работала в поле во время войны, а прадедушка делал снаряды для солдат»* (Кирилл В., 16 лет); *«Мне известно о прадеде, Лилиашвили Евгении Александровиче – капитане Советской Армии, участнике битв за Сталинград, за Берлин, за Японию. Награжден Орденом Отечественной войны второй степени, Орденом Красного Знамени», двумя медалями “за Отвагу” и “за освобождение Японии”»* (Евгений Г., 17 лет); *«Мне известно, что прадед по маминей линии участвовал в войне и был пленен нацистами, но выжил, [и] умер от старости»* (Вадим К., 16 лет). Однако глубина памяти старшеклассников либо упирается в темпоральный барьер и не может ретроспективно выйти за границы Великой Отечественной войны, либо же она полностью отсутствует.

Региональный уровень памяти. Наибольшие сложности в ментальном измерении культуры памяти содержатся при вспоминании событий регионального уровня. Как правило, при ответе на открытый вопрос «Что тебе известно из истории Краснодарского края?» студенты предлагают сухие сведения о переселении казаков и оккупации времен Великой Отечественной войны. И это несмотря на то, что в системе основного общего образования имеется учебный предмет «Кубановедение», включающий региональный исторический компонент, а на ступени высшего образования существует дисциплина «История Кубани». Посредством этих дисциплин региональные органы власти стараются сформировать среди молодежи устойчивую региональную идентичность, содержательно-исторической основой которой, по мнению, властных элит должно стать прошлое казачества³⁶⁶.

Имеется несколько причин слабой выраженности регионального нарратива в ментальном измерении культуры памяти студенческой молодежи. Результаты фокус-групп, проведенных О.А. Бориско и С.А. Миронцевой среди студенческой молодежи Краснодарского края в 2017 г., показывают, что молодые люди прохладно относятся к учебным предметам регионального компонента. Такая отстраненность от историко-региональных дисциплин, по мнению кубанских студентов, заключается в нескольких основаниях. Во-первых, отсутствие заинтересованности в предмете со стороны самих преподавателей делает данную дисциплину скучной. Во-вторых, отсутствует системность учебной дисциплины (например, один из участников фокус-группы отмечает, что ничего не понял из университетского курса «Истории Кубани», поскольку тематика лекций и семинаров имела существенные расхождения). Среди вариантов, побуждающих интерес к изучению истории региона, студенты видят потенциал семейной памяти, а также перформативные мероприятия (спектакли-экскурсии и исторические реконструкции). Что касается тематики казачества, то студенты определяют ее как субъект формирования региональной идентичности, но само

---

³⁶⁶ Кочергин А. А. Казачья идентичность, историческая память, этнический дискурс: случай кубанского казачества // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. С. 96.

отношение к казачеству в студенческой среде носит как позитивный, так и негативный характер³⁶⁷.

Как показывают данные исследования диссертанта, региональная память старшеклассников находится в состоянии забвения. Учебный предмет «Кубановедение» не вызывает интереса со стороны старшеклассников. Одни школьники считают его содержание устаревшим или излишне простым: *«Кубановедение мне не нравится, так как программа изучаемая в школе не обновляется [новым] материалом, и из-за этого предмет теряет свою актуальность»* (Евгений Г., 17 лет); *«Мне не нравится кубановедение, потому что это упрощенный вариант истории»* (Вадим К., 16 лет). Другие школьники отмечают, что эта дисциплина является скучной и непрактичной: *«Школьный курс “Кубановедения” я не знаю, хотя он у нас был стабильно. Мой мозг его просто не воспринимает и абстрагируется от всего на уроке, потому что мне это банально не интересно»* (Леонид К., 17 лет); *«Кубановедение, я считаю, - это очень скучный урок, который не приносит пользы»* (Евгений П., 17 лет). Следовательно, говорить об успешной развитой культуре памяти, представленной культивированием регионального прошлого и истории казачества, пока затруднительно.

Социальное измерение культуры памяти. Если социальные институты (семья, образование, наука, музеи), которые сохраняют и транслируют прошлое, теряют доверие со стороны молодежи, то они будут вытесняться другими, альтернативными источниками получения исторических знаний (телевидением, социальными интернет сетями, политиками, блогерами, «селебрити»). С тем учетом, что при восприятии образов молодежь встраивает их в уже имеющуюся собственную систему смыслов, историческая память может деформироваться как знание и как ценность. Присвоение иных образов прошлого в процессе социализации обуславливают появление другой социальной идентичности, которая может отличаться от общепринятых представлений о прошлом. Снятие напряженности и разрешение противоречий между старым и новым,

³⁶⁷ Бориско О. А., Миронцева С. А. Указ. соч. С. 20-21.

традиционным и современным, установленной исторической памяти и деформированной имеет две формы: *поляризация* и *конвергенция*. В первом случае молодежь и остальное общество дистанцируются друг от друга и ощущают взаимное недоверие. Расширение пропасти между полюсами способно достигнуть критических пределов и стать причиной конфликта. Во втором случае молодежь и общество учитывает ценности друг друга, в результате чего конструируется новая гибридная социальная реальность³⁶⁸. Поэтому для определения живучести и силы «культуры памяти» конкретного общества необходимо измерять степень доверия к ее социальному измерению.

Как показывает авторское исследование, большинство студентов доверительно относятся к школе и учителю истории как источнику получения знаний о прошлом (60%). Однако примечательно, что 30% опрошенных студентов считают, что школьное историческое образование неудовлетворительно. Как правило, такую оценку школьному историческому образованию дают те студенты, которые не испытывают доверия к учителям по истории (доля таковых студентов составляет 25%), в то же время 15% из них склонны больше доверять ресурсам интернета как каналу исторических знаний. Старшеклассники, в сравнении со студентами, высказывают еще большую степень доверия школе и учителям по истории (73%). При этом старшеклассники менее негативно настроены оценивать актуальную систему школьного исторического образования: доля тех, кто считает, что сложившаяся система преподавания истории неудовлетворительна, равна 24%. Из них 15% больше доверяют ресурсам интернета как источнику получения знаний о прошлом.

Музей, будучи социальным институтом, вызывает большой процент доверия среди студенческой молодежи (83%). Большинство студентов посещают исторические и краеведческие музеи: 48% опрошенных студентов совершают визит в музейное учреждение хотя бы раз в год, 31% – раз в полгода, 4% - ежемесячно и 1% - несколько раз в месяц. Доля тех студентов, которые не

---

³⁶⁸ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальности и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15. М., 2017. С. 37.

посещают музеи, составляет 14%. Старшеклассники также оказывают высокий уровень доверия музею (79%), однако самостоятельно и целенаправленно на музейные выставки они ходят гораздо реже (каждый третий опрошенный школьник отметил, что вообще никогда не посещает музеи). На вопрос интервью об отношении к музеям школьники выдавали похожие ответы: *«Большинство музеев однотипны и не интересны – можно ходить только по крупным, там ты, действительно, получишь удовольствие»* (Леонид К., 17 лет); *«Зачастую в музеях представлены не самые интересные экспонаты. Хотя в последнее время это тенденция меняется, тому пример исторический музей “Россия - моя история”»* (Виолетта К., 15 лет); *«Общеисторические большие музеи мне нравятся, а вот музеи какой-то узкой или краеведческой направленности нет»* (Александр Б., 17 лет). Иными словами, интерес старшеклассников привлекают музеи, отражающие общенациональный уровень памяти, в то время как краеведческие музеи не являются объектом внимания, что еще раз подтверждает низкий уровень привязанности к региональному прошлому.

К официальным коммеморативным практикам студенческая молодежь относится неодинаково. В рамках анкеты студентам задавался вопрос: *«Как вы относитесь к официальным патриотическим акциям и мероприятиям? (Например, к Параду Победы, «Бессмертному полку», встречам с ветеранами, акции «Георгиевская лента» и т.д.)»*. Ответы студентов распределились следующим образом: 53 % дали положительный ответ, посчитав, что патриотические акции необходимы для воспитания молодого поколения, 31% опрошенных определили свое отношение как нейтральное, согласно которому такие мероприятия важны только для других, но не для них лично. При этом высокий процент составила «группа риска» – 16% студентов высказались, что относятся ко всем этим практикам негативно, полагая, что общество в таких мероприятиях не нуждается.

Ответы, полученные в ходе интервью, помогают понять отношение студенчества к коммеморативным практикам в российской культуре, которой свойственна мифологизация памяти. Принимая во внимание рассуждения Р. Барта, мифом может стать любой объект, но для этого он должен включать в себя

два элемента: означающее и означаемое. Первое, в свою очередь, обуславливается смыслом, обличенным в форму: смысл всегда представляет широкий и насыщенный феномен с наличием собственной истории, однако чтобы предстать перед публикой, необходима огранка, то есть форма. В результате процесса превращения содержания в форму устраняется все случайное – смысл опустошается и упрощается. Чтобы яснее воспроизвести мысль Р. Барта, приведем пример: история Великой Отечественной войны невероятно насыщена, и продемонстрировать жизненный путь каждого участника и очевидца этих событий просто невозможно, поэтому создаются формы – ритуально-символические практики (парады, минуты молчания, патриотические акции). Однако памятники и практики являются содержательно пустыми до тех пор, пока в них не вложено означаемое, то есть смыслы, доступные членам социальной группы, на которых оно направлено. Функционирование означаемого видно в ответах на вопрос о необходимости такого мифа, как минута молчания:

Информант Юрий М. (24 года): *«Во время минуты молчания у меня всегда идут мурашки по коже. [Возникают] мысли в голове: “Почему это так произошло? Можно ли было этого избежать?”. Надеюсь, что все извлекли урок, и больше это никогда не повторится».*

Информант Маргарита Ш. (23 года): *«Я думаю обо всем, что происходило в тот момент. Мне бы хотелось иметь представление о том, как тяжело было мальчикам и девочкам, которые оставались без родителей или тем, [кого] отправляли на войну. [О] тех же молодых парнях – солдатах, которые только вышли из дома, отлучились от матери, а им уже предстояло бороться за нашу страну, отдавать свои жизни».*

Несложно догадаться, что в приведенных отрывках миф подвергает смысл процессу деформации. Иначе говоря, молодые люди не вспоминают о массе конкретных исторических событий – они лишь берут упрощенное восприятие реальности, выраженное через актуализацию эмоций и чувств. Поэтому понятием (означаемым) минуты молчания здесь выступают чувства горечи, боли, трагедии. Если вспомнить историко-культурный стандарт, который является прямым

отражением государственной политики памяти, то здесь видно действие культурно-антропологического подхода: сочувствие «простому человеку», пережившему ключевые события истории страны. Однако если в такой коммеморативной практике, как минута молчания, будет отсутствовать содержание (то есть деформированное воспоминание реальности в виде понятия), то останется только форма. Следовательно, коммеморативная практика будет неэффективной, что может привести к изменению отношения к ней – к безразличию или, в худшем случае, отторжению.

Информант Сергей Ф. (25 лет): *«К [патриотическим] акциям отношусь хорошо, но, как это часто бывает, реализация все испортила. Георгиевская лента символизирует орден, а ордена на дворники автомобилей и к ботинкам не вяжут. Отношение граждан [к ленте] меня огорчает. Насчёт Бессмертного полка тоже идея неплохая, но когда детей принуждают идти [в нем], или подсовывают им плакаты с каким-то неизвестным им человеком, так сказать для массовки, такой подход оскорбителен и к ветеранам, и к акции - в моем понимании».*

В данном случае предстает яркий пример того, как информант проводит рефлексию над потерей смысла в коммеморативной практике: видно, что при регулярном воспроизводстве патриотической акции в жизненном цикле социальной группы происходит его десакрализация и формализация.

Отношение школьников к официальным коммеморативным практикам отличается от позиции студенчества. Положительно к существующим патриотическим мероприятиям и акциями высказались 63% старшеклассников, нейтрально – 33% и отрицательно – 4%. Однако интервью показывают, что в вопросе о месте коммеморативных практик в современной российской культуре, старшеклассники также неоднородны. В блоке вопросов интервью, связанных с празднованием Дня Победы как наиболее насыщенного коммеморациями события, среди старшеклассников возникает «раскол» на несколько групп, который выражается в следующих проблемах:

– «проблема “означающего”» состоит в том, что одни старшеклассники видят в коммеморативных практиках смысл: *«Я думаю, что наши прадеды хотели бы видеть, [что] мы радуемся, потому что это праздник»* (Инна Л., 17 лет). Но зачастую старшеклассники недоумевают, почему практика поминовения имеет сегодня гипертрофированные формы. *«Мы [9 мая] семьей собираемся, готовим что-то, не знаю, правда, зачем мы это делаем. Шашлыки и так далее»* (Артемий Ш., 16 лет); *«Я не могу понять мотивов людей, которые идут [на Бессмертный полк]. Если они хотят почтить память своих дедушек, то есть более хорошие методы. Мне не особо это мероприятие нравится – я считаю, что это излишне»* (Леонид К., 17 лет). *«Я считаю неправильным, что люди клеят наклейки на машины, что переодевают детей в военную форму. Это верх позерства. Предкам нашим, которые отдавали за страну свои жизни, это не надо давно, и ветеранам это тоже не надо»* (Александр Б., 17 лет). Это непонимание приводит к тому, что школьники выступают за отказ от ненужных форм, за ликвидацию излишних репрезентаций в практиках поминовения;

– «проблема включенности» делит старшеклассников на два лагеря. Представители первого лагеря – «активисты» – целенаправленно принимают участие в коммеморативных мероприятиях: *«Ежегодно посещаю акцию “Бессмертный полк”, так как она призвана сохранять память о войнах-победителях»* (Евгений Г., 17 лет), *«В целом мне нравится, я сам участвовал в “Бессмертном полку”»* (Вадим К., 16 лет). Сторонники второго лагеря – «отказники», которые либо вообще не участвуют в коммеморациях, либо вовлекаются в мемориальные процессии не по своей воле, а под давлением социального института: *«Когда были в младших классах, то ходили на парады, а сейчас никак – сижу дома»* (Виолетта К., 15 лет), *«За всю свою жизнь я ни разу не был на демонстрации, ни разу не посещал никакие мероприятия, связанные с этим событием [Великой Отечественной войной]. Как правило, мероприятия, где я был, – это школьные линейки и классные часы»* (Леонид К., 17 лет);

– «проблема новаций» также проводит демаркационную линию между школьниками старших классов. Одни считают, что коммеморативные практики

нужно оставлять такими, какие они сейчас есть: *«Мне кажется, что не нужно ничего менять в этом празднике, так как он не будет сближать людей»* (Кирилл В., 16 лет). Другие, наоборот, предлагают модернизировать их – сделать лучше. *«Тратил бы меньше денег на праздничные мероприятия. Яркий пример – разгон облаков, для проведения воздушной части Парада Победы. А увеличил [бы] ежегодные выплаты ветеранам, труженикам тыла и другим причастным к данному празднику»* (Евгений Г., 17 лет); *«Намного больше было бы толку, если бы проводились акции по финансовой и материальной поддержке ветеранам. Они проводятся, но в очень узких масштабах»* (Александр Б., 17 лет);

– «проблема сохранения памяти» делит учащихся старших школ на три отношения к роли памяти в будущем. Первая позиция подразумевает, что память не вечна: *«Я думаю, День Победы все равно рано или поздно перестанут праздновать. Например, вот, с Россией же очень много войн связано, но не все же мы их празднуем»* (Иван М., 16); *«После того, как ветеранов не станет, праздник забудут»* (Кирилл В., 16 лет). Иначе говоря, коммеморативные практики, как и сами воспоминания, изменчивы и способны подвергаться забвению. Вторая позиция преподносит память как константу, отмечая особо важные коммеморации как явления, которые будут существовать в обществе по инерции: *«День Победы – это официальный праздник и он будет всегда праздноваться»* (Евгений П., 17 лет); *«Вероятнее всего праздник таким же и останется – ничего не изменится»*. Третья позиция – память-долг. Она интересна, поскольку память выступает как ценность, которая превращается в проект. Здесь уместна формула П. Рикера: *«Мы обязаны тем, кто предшествовал нам за то, какие мы есть, кто мы есть»*, – поэтому наша задача заключается в передаче этого обязательства помнить последующим поколениям³⁶⁹. Таким образом, память-долг – это потенция темпоральной целостности общества: *«Хочется верить что следующие поколения будут помнить благодаря кому они могут мирно жить, а наша главная задача максимально передать знание полученные о данном событии»* (Евгений Г., 17 лет).

³⁶⁹ Рикер П. Указ. соч. С. 129.

Материальное измерение культуры памяти. Достопримечательности, общественные памятники, являясь культурным капиталом, дают обществу выгоды в виде поддержания эстетических, духовных, социальных ценностей. Однако, будучи капиталом, они также требуют издержек – финансовых, трудовых, интеллектуальных усилий для поддержания и сохранения себя. Отказ от ответственности денежных и духовных «инвестиций» в мемориальные объекты приводит к упадку материального измерения «культуры памяти»³⁷⁰. Поэтому становится важным понимать, какую позицию по отношению к памятникам занимает современная молодежь, способна ли она вкладывать усилия и считывать «означаемое» мемориальных объектов? Согласно материалам анкетного опроса, проведенного диссертантом, 63% студенческой молодежи считают, что за сохранение общественных памятников несут ответственность органы местного самоуправления, 14% возлагают ответственность на общественные организации (военно-исторические кружки, волонтерские движения), 10% - на администрацию образовательных учреждений (школ, колледжей, вузов) и лишь 7% - на ученический и студенческий актив. Оставшаяся доля респондентов полагает, что сохранением и поддержанием памятников должны заниматься все социальные акторы. Несмотря на то, что студенты снимают с себя ответственность по сохранению памятников, они все же считают ценным наличие публичных мемориалов, предлагая им в рамках интервью следующие дефиниции:

Информант Юрий М. (24 года): *«Памятник – это историческое сооружение. Возводится героическим людям с целью познания [истории] данного человека и его подвигов или изобретений. В наше время молодые люди и подростки практически не знают и не интересуются памятниками в их городах».*

Информант Арина М. (22 года): *«Памятник нужен, чтобы не забывали. Главное, чтобы помнили внутри себя. А памятник? Ну да, он есть, это хорошо. Пускай наше подрастающее поколение видит, читает о том, что здесь было,*

---

³⁷⁰ Тросби Д. Экономика и культура. М., 2018. С. 73, 222.

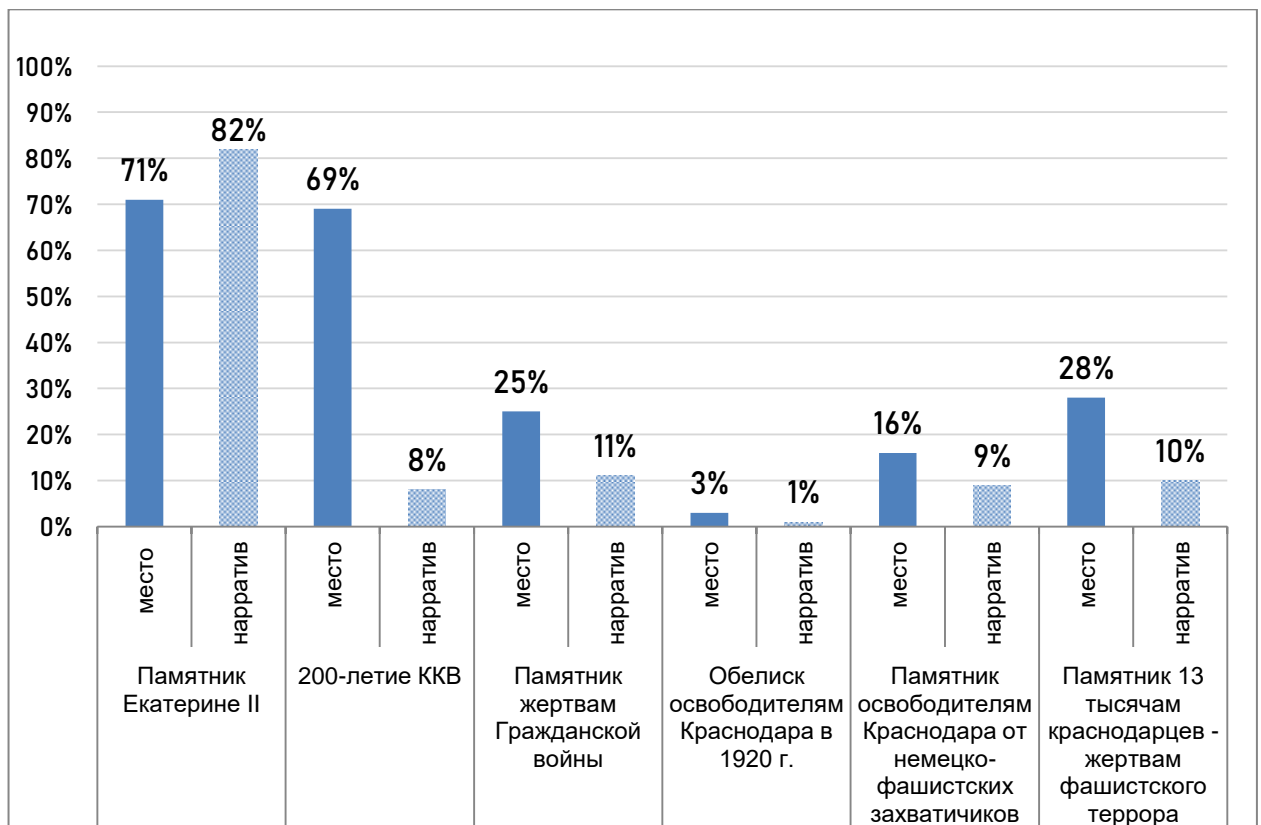
кто здесь погиб, из-за чего он погиб, когда, сколько людей, то есть [нужна] передача информации».

Информант Маргарита Ш. (23 года): *«Я думаю, что памятник – это что-то фактическое, что мы можем увидеть. Не только вспоминая что-то, но и смотря на него, пропуская в своей голове [образы прошлого]. То есть люди, которые чего-то не знают, смотрят на памятник, им рассказывают [о чем он], и они уже начинают в своей голове прокручивать эти моменты. Они будут вспоминать об этом не только, когда видят этот памятник, но и в дальнейшем».*

Среди старшеклассников, в отличие от студентов, нет ярко выраженного большинства по вопросу ответственности за сохранением общественных памятников: 38% считают, что это обязанность общественных организаций, а 35% опрошенных школьников полагают, что поддержка мемориалов – это задача органов местного самоуправления. Примечательно, что доля старшеклассников, проецирующих ответственность за памятники на самих себя, то есть через школьный актив, крайне мала – 5%.

Чтобы понять содержание места материального измерения памяти в формировании социальной идентичности старшеклассников, диссертантом в октябре 2019 года было проведено анкетирование среди 80 обучающихся средней школы в возрасте 15-17 лет. В ходе исследования применялась кластерная выборка: опрос проводился среди трех учебных классов общеобразовательной школы г. Краснодара. Каждому респонденту были представлены шесть изображений памятников, находящихся в черте города. В данном случае мемориалы условно разделялись на три группы: 1) памятники дореволюционной истории (среди них памятники Екатерине II и «200-летию Кубанского казачьего войска»), 2) памятники, отсылающие к 1917-1922 гг. (памятник «жертвам Гражданской войны», обелиск «освободителям города Краснодара в 1920 г.») и 3) памятники, связанные с Великой Отечественной войной (памятники «освободителям Краснодара от немецко-фашистских захватчиков» и «13 тысячам красногвардейцам – жертвам фашистского террора»). Респондентам было

необходимо ответить на два вопроса по каждому мемориалу, изображенному на картинке. Задача первого вопроса сводилась к определению местоположения представленного памятника (описанию конкретной локализации мемориала в границах города). Второй вопрос был направлен на выявление понимания смыслов и образов, заключенных в памятнике. Иначе говоря, в процессе анкетирования респонденты демонстрировали восприятие памятника, с одной стороны, как места («означающего»), а, с другой стороны, как нарратива («означаемого»). Проведенный опрос показал, что для молодых людей, независимо от историко-тематической принадлежности мемориала, памятник воспринимается в первую очередь как место локализации (см. рисунок 15).

Рисунок 15 – Результаты опроса обучающихся средней школы о местоположении и историческом содержании памятников г. Краснодара (в % - респонденты, сумевшие ответить на вопросы)

Иначе говоря, школьники в малом объеме владеют информацией о событиях и личностях прошлого, к которым отсылают мемориальные сооружения. Однако, не обладая исторической стороной содержания мемориалов, молодые люди знают географическое расположение памятных объектов, что

позволяет ориентироваться им в городском пространстве. И поскольку для каждого памятника характерна обозначенная диспропорция (узнавание «означающего», а не «означаемого»), постольку памятники не воспринимаются в качестве знака и утрачивают черты сакральности, темпоральности и дискурсивности. Если материальный объект не несет смыслового содержания в пространстве города и через него нельзя «прочитать» текст, то он является «пустым». В таком случае, чтобы памятник выполнял социальную функцию поддержания идентичности, он должен быть осмыслен – представлен в воспоминаниях людей в виде общего для всех нарратива о прошлом. Единственным примером, в котором обучающимся средней школы нарратив известен так же хорошо, как и месторасположение мемориального сооружения, стал памятник Екатерине II (из всех опрошенных 71 % знает его локализацию, 82 % – его смысловое содержание). Тем самым, он транслирует обучающимся средней школы историческую память города и, следовательно, позволяет им включаться в социальную идентичность жителей Краснодара.

Таким образом, в качестве характерных черт памятника диссертантом выделяются: сакральность, темпоральность, дискурсивность и соответствие «означающего» и «означаемого» в виде знака в культурных установках общества. Совокупность свойств позволяют памятнику выполнять функции социальной интеграции и инкорпорации, воздействующие на целостность социальной группы. Тем самым, памятник, благодаря считанному нарративу, выступает символическим объектом городского пространства, участвующим в поддержании идентичности горожан. В противном случае, при потере свойств и функциональности, памятное сооружение будет выступать простым местом, лишенным личностного смысла³⁷¹. Утрачивая сакральную ауру, оно становится топографической точкой, с помощью которой индивиды ориентируются в городской среде. В итоге, на основе проведенного эмпирического среза, становится понятным, что для краснодарских школьников мемориальная культура

---

³⁷¹ Меренков А. В., Антонова Н. В. Городской памятник как механизм трансляции социальной памяти // Социальное пространство современного города: монография / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. М. : Издательство Юрайт, 2018 ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 99.

рассеивается, на месте чего возникает топографическая сеть, для которой отсутствует потребность в циркуляции исторического «означаемого».

Благодаря функционированию культуры памяти учащаяся молодежь Краснодарского края является носителем позитивной общероссийской идентичности, что базируется на положительном отношении к истории России, на доверии к традиционным источникам получения информации о прошлом, на позитивном отношении к коммеморативным практикам и мемориалам. Но при этом среди учащейся молодежи Краснодарского края имеется «группа риска», которая обладает диффузной или негативной идентичностью. Школьники и студенты, входящие в эту группу, плохо оценивают знание о прошлом общенационального, регионального и семейного уровней памяти, меньше прислушиваются к учителю, но больше, чем другие молодые люди, доверяют Интернет-ресурсам в получении сведений о прошлом. Коммеморативные практики для молодежи с негативной идентичностью не имеют личной и социальной значимой ценности, в связи с чем, среди таких молодых людей присутствуют ревизионистские настроения в отношении устоявшихся социально значимых практик поминовения.

2.3 Инфраструктура памяти Краснодарского края как ресурс формирования идентичности учащейся молодежи

Чтобы ответить на вопрос о том, какая сегодня учащаяся молодежь Краснодарского края, понимания только ее личной системы ориентации в прошлом недостаточно, поскольку за границами видимости остаются сами социальные ресурсы культуры памяти кубанской общности. Именно эти ресурсы, в совокупности составляющие инфраструктуру культуры памяти, несут ответственность за передачу представлений о прошлом, за присвоение инкорпорированного культурного капитала и за конструирование социальной идентичности. Поэтому появляется потребность окунуться в саму ткань инфраструктуры памяти, чтобы сложить «пазл» в виде такой целостной картины,

как социальная идентичность учащейся молодежи Краснодарского края. Из всего перечня ресурсов в фокус исследования попадают учебники, педагоги и музейные работники, что, как показано в предыдущем параграфе, обуславливается наличием высокой степени доверия к ним со стороны учащейся молодежи Краснодарского края.

Школьные учебники. Школьное историческое образование является базовой системой усвоения образов прошлого, с которой сталкивается любой гражданин³⁷². И в тот момент, когда школьники на уроке истории, слушая слова учителя, узнают мир прошлого, школьный кабинет превращается в «место памяти»³⁷³, а текст учебника становится опорой формирования «каркаса» представлений о прошлом, который в будущем может дополняться множеством фактов и мнений, полученных посредством иных способов обращения к истории³⁷⁴. И в идеале, чем крепче в его памяти сформируется данный «каркас», тем прочнее будет его личная историческая память. Следовательно, школьный учебник по истории становится ключевым «проводником» в процессе присвоения молодым человеком пространства легитимного прошлого.

Если говорить о функциональной роли школьного учебника по истории, то он отвечает за формирование идентичности и воспроизводство социального порядка. Во-первых, школьные учебники по истории задают молодому поколению очерченные границы социальной идентичности, групповые прототипы, представленные социальными силами и героями прошлого, на которых следует равняться. В результате полученные представления об общих местах, событиях и акторах прошлого позволяют молодым людям чувствовать сопричастность к одному народу – приобщаться к национальной идентичности. Во-вторых, учебник истории в школе – это средство легитимации существующих норм, ценностей, идеалов через образы прошлого. И поскольку за систему общего образования ответственно государство, постольку школьный учебник истории –

---

³⁷² Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 13.

³⁷³ Paulson. J. Education as site of memory: developing a research agenda / J. Paulson et al. // International Studies in Sociology of Education. 2020. №. 29(4). P. 429.

³⁷⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. С. 76.

это понимание и репрезентация достоверного прошлого со стороны государственных институтов и заинтересованных общественных организаций. Другими словами, содержание школьного учебника по истории отражает сложившийся актуальный политический и социальный порядок³⁷⁵, легитимирующийся в ходе образовательного процесса.

Эмпирическое изучение школьных учебников по истории проводилось диссертантом поэтапно. На первом этапе – *контекстуальном* – для определения корпуса учебников, удовлетворяющим условиям последующего анализа, описывалась структура системы школьного исторического образования Краснодарского края. На втором этапе – *аналитическом* – проводился контент-анализ выявленного корпуса школьных учебников по истории России и Краснодарского края с применением компьютерной программы Atlas.ti 9. Единицами счета анализа выступили отдельные слова (термины и имена собственные), а способом фиксации – их частота употребления в нарративах. Посредством функции «*word list*», встроенной в программу Atlas.ti 9, была составлена корреляционная модель словаря категорий, которая «проистекает из стремления рассматривать текст в его собственных терминах»³⁷⁶. Полученный словарь позволил произвести репрезентационную интерпретацию текста, по логике которого аналитик («читатель») должен стараться взглянуть на текст с позиции источника («автора»)³⁷⁷. Далее был составлен словарь контент-анализа, в котором в качестве смысловых единиц были выделены категории, отражающие групповые прототипы, представленные в учебниках. На третьем этапе – *нарративном* – раскрыто смысловое наполнение наиболее выраженных групповых прототипов, которые учащиеся должны принимать как образец социальной идентичности.

³⁷⁵ Trošt T. P. Remembering the good: constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia // *Memory studies*. 2019. № 12 (1). P. 27.

³⁷⁶ Hogenraad, R., McKenzie, D. P., Péladeau, N. Force and influence in content analysis: the production of new social knowledge // *Quality & Quantity*. № 37. P. 224.

³⁷⁷ Олейник А. Н. Триангуляция в контент-анализе. вопросы методологии и эмпирическая проверка // *Социологические исследования*. 2009. № 2. С. 68.

1. *Контекстуальный этап.* В рамках российской системы общего образования имеется учебный курс «История России», который представлен в виде линейной системы преподавания, где события общенационального прошлого изучаются последовательно в ходе всего процесса обучения с 6 по 10 класс (с VIII в. по настоящее время). Иначе говоря, окончивая 10 класс, российский ученик уже должен владеть всеми базовыми знаниями об истории страны³⁷⁸. Концептуальное содержание школьного предмета «История России» устанавливает историко-культурный стандарт (ИКС) от 2014 г., на основе которого была создана концепция учебно-методического комплекса (УМК) по отечественной истории, определяющая содержание школьных учебников. Примечательно, что на этапе обсуждения проекта концепции помимо частных лиц и государственных институтов принимали участие научные, педагогические, ветеранские, писательские, родительские, религиозные организации и объединения из 70 субъектов РФ, вносящие замечания в текст концепции³⁷⁹. В 2020 г. была введена «Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы», включающая в виде приложения обновленный ИКС. В ней был определен образовательный и воспитательный потенциал курса «Истории России»: отмечено, что данный учебный предмет способствует осознанию своей социальной идентичности, которая состоит из «общегражданских, этнонациональных, религиозных и иных составляющих». Для достижения этой цели Концепция настаивает на многоуровневом изучении истории в масштабе государства, региона, города, села, семьи. Однако констатируется, что курс «Истории России», в первую очередь, должен служить

---

³⁷⁸ В 11 классе изучается предмет «Россия в мире», направленный на использование ранее полученных знаний для сравнения процессов и явлений российского прошлого с общемировыми. Однако в 2020 г. принятая «Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» отменила дальнейшее обязательное преподавание данной дисциплины. Вместо этого в 10–11 классе в рамках линейной системы преподавания предлагается более углубленное изучение XX в. Но в федеральном перечне учебников на 2021–2022 учебный год обновленные учебно-методические комплексы (УМК) по истории на данный момент отсутствуют.

³⁷⁹ Манюхин И. С. Новая концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории как программа развития школьного исторического образования в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 18(3). С. 119.

основой для формирования общероссийской идентичности («как граждан России»), а уже потом для складывания иных идентичностей³⁸⁰.

В пределах Краснодарского края кроме «Истории России» имеется своя региональная школьная дисциплина, включающая изучение прошлого родного края. В границах Краснодарского края такой дисциплиной является «Кубановедение», которая на ступени общего образования изучается с 5 по 11 класс. Особенность учебного курса «Кубановедение» заключается в междисциплинарном содержании: дисциплина включает в себя несколько предметных областей (история, обществознание, география, биология, литература, музыка, изобразительное искусство). При этом системообразующей основой курса является история Кубани, в результате чего в учебнике любого класса (за исключением 11-го) имеется раздел по истории региона³⁸¹. В 2018 г. был издан УМК по «Кубановедению», соответствующий ИКС, в результате чего последовательность разделов, посвященных истории Кубани, совпадает с хронологией отечественной истории. Иными словами, «Кубановедение» постепенно становится синхронизированным с «Историей России».

Таким образом, в границы исследования попадают учебники по истории России по «Кубановедению» 6-10 классов. По истории России для анализа были взяты актуальные учебники из линейки УМК издательства «Просвещение» под общей редакцией академика А.В. Торкунова, по «Кубановедению» – учебники под редакцией А.А. Зайцева.

2. *Аналитический этап.* Общий массив слов учебников по истории России составил 349945 единиц, из которых было выбрано 7476 слов (2,13% от общего массива). Критерием для выборки являлось обозначение слова как генерализированного (обобщенного) актора нарратива. В выборку также попадали слова, удовлетворяющие условию: частота упоминания в нарративе > 23

³⁸⁰ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. 2020. Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/>

³⁸¹ Кубановедение: программа для 5-9 классов общеобразовательных учреждений (организаций) Краснодар. Край. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 80 с.; Кубановедение: программа для 10-11 классов общеобразовательных учреждений (организаций) Краснодар. края. Краснодар: Перспективы образования. 2018. 64 с.

раз, поскольку при меньшей частоте доля единицы счета не достигает 0,01% от общего массива слов. В соответствии с критерием выбранные слова были распределены на 8 смысловых категорий: «глава государства», «партии», «органы власти», «государственные должности», «церковные должности», «военные должности», «социальные слои», «этничность» [Приложение Г]. Как показано на рисунке 16, наиболее востребованными в тексте учебников оказались такие категории, как «социальные слои» (29% от количества выбранных слов), «глава государства» (24%), «этничность» (18%), которые и являются основополагающими акторами в историческом нарративе учебников.

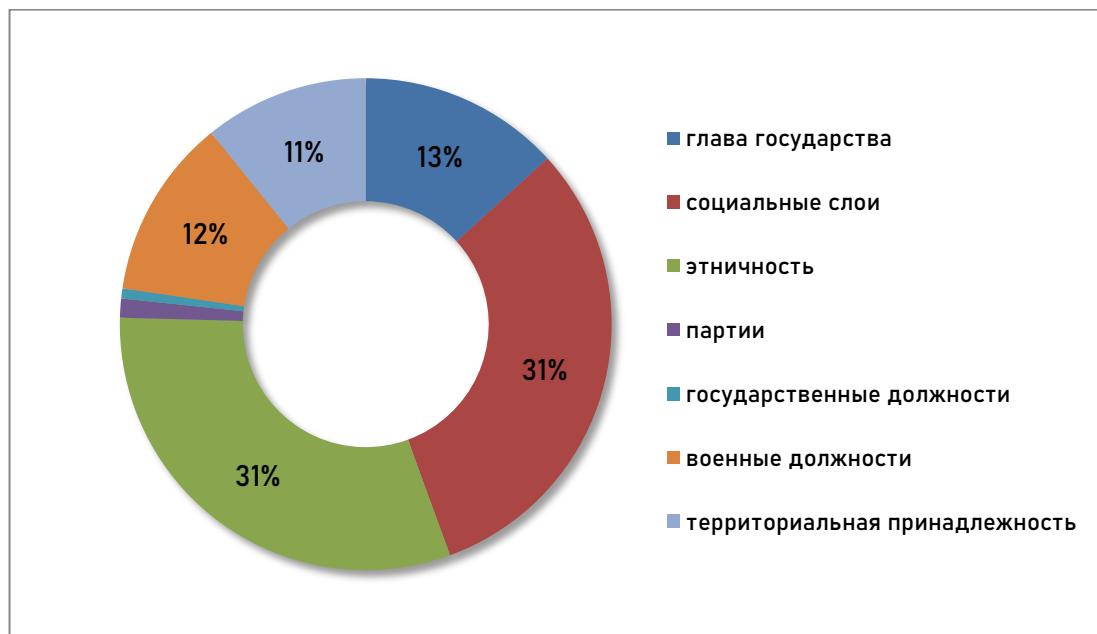

Рисунок 16 – Доля частоты упоминаний слов в учебниках по истории России 6-10 классов (в % от выбранных слов; N=7476)

Категория «социальные слои» включает в себя следующие понятия: «крестьяне» (10,55% от выборки слов), «дворяне» (4,76%), «бояре» (2,29%), «купцы» (2,15%), «казаки» (1,86%), «ученые» (1,75%), «рабочие» (1,52%), «чиновники» (1,38%), «интеллигенция» (1,38%), «духовенство» (1,16%), «буржуазия» (0,74%). В категорию «глава государства» входят такие единицы, как «князь» (7,78%), «царь» (6,37%), «император» (3,32%), «государь» (1,36%), «правитель» (1,3%), «президент» (1,27%), «хан» (1,24%), «императрица»

(0,67%), «монарх» (0,48%). А категория «этничности» представлена «русскими» (12,5%), «татарами» (1,34%), «немцами» (1,14%), «поляками» (0,83%), «греками» (0,63%), «евреями» (0,61%), «украинцами» (0,48%), «турками» (0,39%).

Неудивительно, что контент-анализ учебников по «Кубановедению» показал немного иное состояние текста. Общий массив исторического нарратива школьных учебников по «Кубановедению» составил 55407 слов, из которых выборочная совокупность слов – 1526 единиц (2,8% от всего массива). Условие выборки: повторяемость единиц анализа > 4 раз. В отличие от учебников по отечественной истории, в тексте по региональной истории в качестве актора нарратива было выделено 7 категорий: «глава государства», «социальные слои», «этничность», «партии», «государственные должности», «военные должности», «территориальная принадлежность» (см. рисунок 17).

Рисунок 17 – Доля частоты упоминаний слов в учебниках по «Кубановедению» 6-10 классов (в % от выбранных слов; N=1526)

Поскольку церковные служащие и органы власти практически не представлены в тексте учебников по «Кубановедению», в этом случае они не определялись в качестве отдельных категорий анализа. Основополагающими акторами в школьном нарративе по истории Краснодарского края также являются

«социальные слои» (31%) и «этнические группы» (31%), а «глава государства», который значим в учебниках по истории России, на региональном уровне заметно утрачивает свою роль (его доля упоминаний в выборке составляет 13%).

Внутри категорий анализа также наблюдаются изменения. Например, в «социальных слоях» самым выраженным и наиболее повторяемым понятием становятся «казаки» (21,69%), за которыми следуют «крестьяне» (4,52%), «купцы» (1,97%), «иногородние» (1,44%), «дворяне» (0,66%), «ученые» (0,52%), «рабочие» (0,39%). В категории «этничности» первое место по частоте упоминания также занимают «русские» (10,42%), однако появляются и новые понятия, которым не придается значения в нарративе по истории России: «адыги» (7,54%), «ногайцы» (4,24%), «черкесы» (2,81%), «турки» (1,84%), «татары» (1,25%), «генуэзцы» (0,79%), «калмыки» (0,72%), «армяне» (0,46%), «немцы» (0,46%), «греки» (0,46%).

Помимо обобщенных коллективных акторов учебники по истории России наполнены персоналиями. Одни из них являются более значимыми для современного общества, в результате чего они обладают высокой частотой упоминаний в нарративе, другие исторические личности, наоборот, менее актуальны и практически не замечаются в тексте. В контент-анализе нарратива в учебниках по истории России выборка составила 2246 слов (0,64% от всего массива). В выборку анализа включались только те исторические личности, которые упоминались в тексте более 20 раз, поскольку имена личностей, встречающихся реже, не достигают даже 0,01% от всего массива слов. Таким образом, было выделено 40 имен исторических персоналий, удовлетворяющих условию: частота в тексте > 20 [Таблица Г-2 Приложения Г]. Из выделенных имен оказалось 28 правителей России / СССР, 3 полководца, 3 государственных деятеля, 2 предводителя восстаний, 2 правителя монголо-татар, 1 представитель духовенства, 1 поэт. Самыми популярными личностями в содержании школьных учебников по истории России оказались *Петр I* (9,66% от выбранных слов), *Сталин* (8,24%), *Екатерина II* (6,63%), *Иван Грозный* (5,97%), *Александр I* (5,21%), *Иван III* (4,14%), *Ленин* (3,96%), *Хрущев* (3,52%), *Николай I* (2,94%),

Александр II (2,89%). За ними следуют *Алексей Михайлович* (2,67%), *Василий III* (2,67%), *Горбачев* (2,58%), *Александр III* (2,40%), *Пугачев* (2,36%), князь *Владимир Святославич* (2,18%), *Батый* (2,05%), *Елизавета Петровна* (1,87%), *Василий Шуйский* (1,83%), *Борис Годунов* (1,65%), *Кутузов* (1,6%), *Иван Калита* (1,51%), *Ярослав Мудрый* (1,51%), *Чингисхан* (1,47%), *Ельцин* (1,42%), *Суворов* (1,42%), *Никон* (1,38%), *Путин* (1,34%), *Александр Невский* (1,29%), князь *Святослав Игоревич* (1,25%), *Владимир Мономах* (1,20%), *Разин* (1,20%), *Троцкий* (1,11%), царь *Михаил Федорович* (1,07%), *Брежнев* (1,02%), *Дмитрий Донской* (1,02%), *Витте* (0,93%), *Пожарский* (0,93%), *Потемкин* (0,93%), *Пушкин* (0,93%).

Для анализа исторических лиц в учебниках по «Кубановедению» было выбрано 274 слова (0,36% от всего массива). В выборку попали слова, удовлетворяющие условию: частота упоминаний в тексте > 3 раз. Полученный словарь категорий включает 27 имен исторических личностей, среди которых 7 правителей России / СССР, 7 полководцев, 4 главы казачества, 3 поэта, 2 предводителя черкесов, 2 историка, 1 глава региона, 1 правитель монголо-татар. Самым упоминаемым является князь *Мстислав Тмутараканский* (9,12%), за ним следуют *Суворов* (8,39%), *Пушкин* (8,39%), князь *Святослав Игоревич* (7,30%), *Головатый* (6,57%), *Лермонтов* (4,74%), *Щербина* (4,74%), *Бурсак* (4,38%), *Попко* (3,65%), *Игнат Некрасов* (3,65%), *Петр I* (3,65%), *Чингисхан* (3,65%), *Ласси*, *Чепега* (3,28%), *Грибоедов* (2,92%), *Сталин* (2,55%), *Котляревский* (2,55%), *Деникин* (2,19%), *Мухаммед-Амин* (2,19%), *Ленин* (1,82%), *Потемкин* (1,82%), *Сефер-бей* (1,82%), *Екатерина II* (1,46%), *Хрущев* (1,46%), *Егоров* (1,46%), *Филимонов* (1,46%), *Ковтюх* (1,46%).

Результаты анализа индивидуальных акторов также показывают два существенных расхождения в учебниках общенационального и регионального уровня. Во-первых, такие исторические личности, как правители России / СССР, гораздо чаще повторяются в нарративах школьных учебников по истории России, чем в курсе «Кубановедения» (83,65% и 27,37% соответственно). Во-вторых, в учебниках по отечественной истории чаще, чем в школьном нарративе

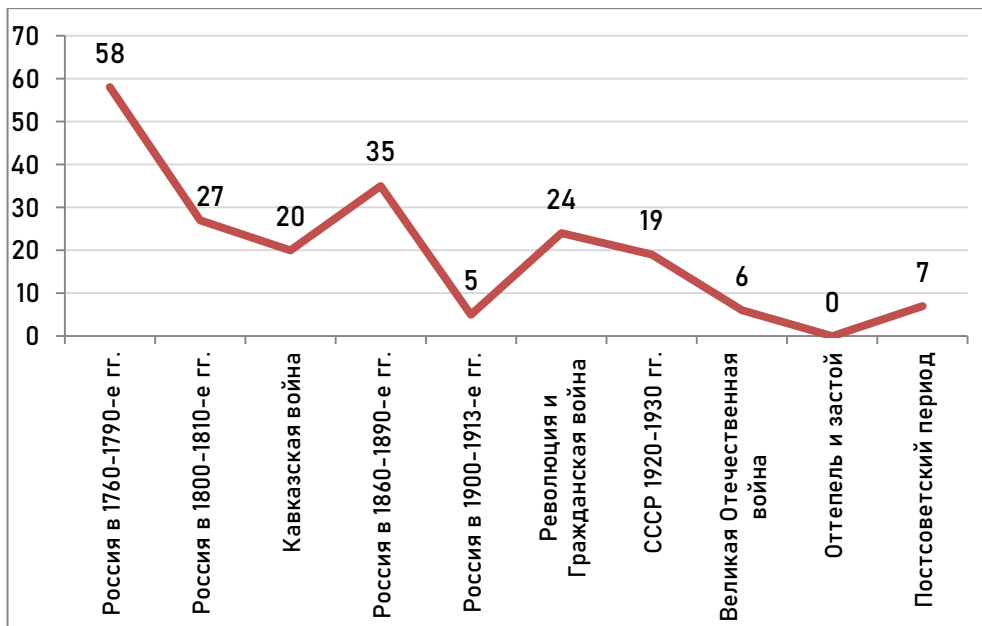
Краснодарского края, упоминаются деятели периода новейшей истории (23,19% и 12,4% соответственно). Иначе говоря, групповой прототип региональной идентичности, заключенный в рамках учебников по «Кубановедению», отклоняется от общенационального, поскольку меньше фокусируется на главах государства и больше ориентируется на события дореволюционного прошлого.

3. *Нарративный этап.* В школьных учебниках по истории России наиболее выраженный групповой прототип «русские» по семантическому наполнению неоднороден. Он включает понятие «русского человека», который чувствует себя частью целого российского общества, уважает государство, стремится к стабильности и почитает религию (согласно тексту учебников, русский человек в ходе истории *«ощущал свою принадлежность к единой огромной стране и русскому народу, составляющему ее основу», «осознал бескрайние просторы своего Отечества», «осознал роль и значение государственного порядка и стабильности», «устремлял свой взор на святые образа и крестился»*). В совокупности русские люди составляют «русский народ», который играет ключевую роль в истории России, поддерживает государственную политику и в критических ситуациях встает на защиту своей страны (*«русский народ, в целом составивший более половины населения страны, и его культура играли особую роль»; «русский народ пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства»; «никто в Европе не предвидел, до каких высот героизма способен подняться русский народ, когда дело идет о защите родины»*). Кроме того, групповой прототип в учебнике по истории представлен «русской армией», которая *«одерживает победу»* (35 упоминаний), *«занимает [город / земли]»* (11), *«наносит удар»* (9), *«входит в [город]»* (8), *«отражает удар»* (5), *«переходит в наступление»* (4).

«Крестьяне» как групповой прототип на страницах учебников по истории России предстают в виде тружеников, которые *«работают»* (9), *«платят налоги / оброк»* (5), *«несут повинности»* (13), *«бегут / уходят [от помещиков]»* (8). Их тяжелое социально-экономическое положение приводило к *«крестьянским восстаниям»* (5) и *«крестьянским волнениям»* (3), но, несмотря на имеющиеся

сложности, в переломных моментах истории крестьяне все-таки *«уходят в ополчение»* (2), *«отстаивают Родину в борьбе с врагом»* (2), что объясняется их особым ощущением установившегося социального порядка, согласно которому *«русский крестьянин воспринимал существующий мир как единую общину, главой которой был царь»*. «Князь» и «царь» как отдельные групповые прототипы в школьных учебниках по истории России подтверждают свой статус главы общины и, следовательно, государства широким спектром действий в историческом нарративе. Князь или царь, как правило, *«приказывает»* (7), *«решает»* (6), *«проводит реформы»* (4), *«отправляет»* (4), *«желает»* (4), *«назначает [на должности]»* (4), *«уделяет внимание»* (2), *«запрещает»* (2), *«опирается на [социальную, политическую силу]»* (2), *«издает законы»* (2), *«разрешает»* (2), *«запрещает»* (2), *«велит»* (2).

Если говорить о «казаках» как главном групповом прототипе для формирования региональной идентичности, то они изображаются как воины, которые *«посвящали себя военной службе»*, *«приняли боевое крещение»*, *«участвовали в штурме»*, *«активизировали свои вылазки»*, *«демонстрировали искусство владения холодным оружием»*, *«наводили ужас на неприятеля»*, *«участвовали в антифашистском движении»*. Казакам присуща не только активная военная деятельность, но и охрана правопорядка в регионе, поскольку казаки *«осуществляли правоохранные функции»*, *«считались опорой царизма»*, *«воспринимались правительством как фактор социальной стабильности»*, *«охраняли границу»*. При этом групповой прототип казачества относится, прежде всего, к периоду дореволюционной истории [Рисунок 18]. Если попытаться посмотреть на частоту упоминания слова «казаки» по хронологическим этапам, то становится видна степень активности казаков как действующих лиц нарратива: большая доля упоминаний (72%) приходится на дореволюционный период, из них 29% - на Россию 1760-1790-е гг., 41% - на Россию XIX в.

Рисунок 18 – Частота упоминания «казаков» в учебниках по «Кубановедению» при описании различных исторических периодов.

Учитель истории. Школьный учебник, базирующийся на историко-культурном стандарте, содержит в себе групповые прототипы, но он, как правило, работает лишь в рамках фрейма школьного урока по истории, где присутствует учитель, то есть эксперт, который контролирует степень усвоения знаний о прошлом. Иными словами, наличие стандартов еще не достаточно, поскольку формирование идентичности молодежи обуславливается личностью учителя: «ведь школа (и государство) сможет делать лишь то, что сделает каждый отдельно взятый учитель»³⁸².

Интервью показывают, что школьные учителя по истории позитивно относятся к ИКС, который облегчает им ориентацию в содержании учебного курса («По мне, историко-культурный стандарт – удобная вещь. Он позволяет учителям, преподавателям выстроить единую траекторию обучения» (Лариса Т., 40 лет); «Наверное, он [историко-культурный стандарт] все-таки нужен. Стандарт похож на опорный конспект. Конечно, для подготовки конкретного урока он мало дает. Но, если в целом, да, для создания рабочей программы, конечно, он полезен» (Анастасия П., 35 лет)). Иными словами, имеющаяся

³⁸² Касимов Р. Н. Современные мифологемы о героях, или о чем может рассказать ученику учитель // Народное образование. 2014. № 10. С. 220.

инфраструктура в виде УМК по истории, основанная на стандарте, создает единое историческое образовательное пространство и позволяет учителю не изобретать образы прошлого заново³⁸³. Однако в рамках фрейма урока, помимо использования УМК, возможность успешного освоения учащимися групповых прототипов общенациональной и региональной идентичностей зависит от нескольких факторов.

Первый фактор – обращение к другим каналам информации: с одной стороны, ученик в процессе освоения исторических знаний включен в многоканальную систему сведений о прошлом, но, с другой стороны, и учитель при режиссуре урока, помимо УМК, соответствующего ИКС, способен пользоваться дополнительными источниками получения информации о прошлом, среди которых старые записи университетских лекций (*«У меня есть несколько тетрадей, когда я училась в университете, то всегда записывала лекции. Поэтому до сих пор иногда в них заглядываю при необходимости»* (Лариса Т., 40 лет)), учебные справочники для подготовки к ЕГЭ (*«Кроме учебников я могу смотреть в справочники. Я имею в виду ЕГЭ. Там, Баранов, например. Не знаю, там много схем, определений. Очень удобно»* (Вадим А., 28 лет)) и ресурсы Интернета (*«Да, я пользуюсь Интернетом, но не каждым сайтом, [а] профильными. Есть много хороших сайтов. История РФ, культура РФ. На Инфоуроке иногда»* (Владислав Т., 32 года); *«Лекции на сайте «про100 история», а также лекции преподавателей на Ютубе»* (Валерия Т., 27 лет)). Это не говоря уже о том, что при описании событий современной истории учителя могут опираться даже на личный опыт³⁸⁴. В итоге из-за многоканального несистемного использования информации со стороны учителей появляются риски, связанные с возможностью отклонения от содержания УМК, ИКС и, следовательно, искажения групповых прототипов социальной идентичности.

Второй фактор – образ учителя в глазах учащихся и общества в целом. В глазах молодых людей он строится на особенностях межличностных отношений

³⁸³ Коэн Д. К. Ловушки преподавания. М., 2017. С. 86.

³⁸⁴ Павлова Ю. В. Социальная память учителей истории: поколенческий аспект // Социология и право. 2016. № 3 (33). С. 94-95.

между учителем и учеником, где на противоположных полюсах находятся малая и большая степень взаимного доверия, которое зависит от искренности учителя к подопечным и от силы авторитета педагога в глазах учащихся (*«Я думаю, что зависит от учителя и его подачи материала. Потому что если учитель слишком навязывает, неискренне, то обесценивается вся история, которая создавалась»* (Валерия Т., 27 лет); *«Важен авторитет. Ученик доверяет словам учителя, только если он авторитетен»* (Владислав Т., 32 года)). Если говорить об образе учителя в глазах общества, то педагог понимается как профессионал, оказывающий образовательную услугу, а его цель сводится исключительно к успешной подготовке учащихся к формам аттестации (*«Среди родителей учитель часто не авторитетен. Отношение к учителю, как к исполнителю заказа»* (Владислав Т., 32 года)). Но проблема в том, что нынешние школьные учителя по истории сами зачастую не понимают, какое место они занимают в формировании идентичности современной молодежи, видя в преподавании истории исключительно прагматические и утилитаристские цели³⁸⁵. Примечательно, что именно молодые педагоги на вопрос о том, как ученика воспитать гражданином, любящим свое Отечество, давали ответы в прагматической плоскости (*«Нужно изучать ситуации не оторванные от жизни, а то, что пригодится на практике в жизненных реалиях»* (Владислав Т., 32 года); *«Исключительно примерами из жизни и желательно не сильно «давними». Научить пониманию, что каждое действие приводит к последствиям. Как положительным, так и негативным»* (Валерия Т., 27 лет)).

Третий фактор – социально-психологический портрет современного ученика. Учитель видит современного учащегося как человека практичного, который способен усваивать короткие объемы знаний без глубокого погружения в содержание предмета. (*«Дети сейчас умеют задавать вопросы, критически мыслить. Но [у них] появляется нежелание погружаться в предмет или проблему. Нужна краткая и максимально информативная подача»* (Валерия Т.,

---

³⁸⁵ Бедерханова В. П., Остапенко А. А., Хагуров Т. А. Роль школьных курсов литературы, истории и обществознания в профилактике экстремизма в молодёжной среде. Краснодар, 2017. С. 61.

27 лет); «Ученики страдают большей загруженностью и объемом получаемой информации» (Владислав Т., 32 года); «Наверное, ученики сегодня больше готовы к натаскиванию на экзамены, а не к вдумчивому чтению» (Анастасия П., 35 лет)). Несмотря на внешний прагматизм, современный учащийся, по мнению учителей, испытывает симпатию и интерес к предмету истории, чего нельзя сказать о таком предмете, как «Кубановедение» («Кубановедение ученики с 7 класса считают бессмысленным» (Валерия Т., 27 лет); «Многие ученики не воспринимают кубановедение как что-то серьезное» (Вадим А., 28 лет); «В целом положительное отношение к кубановедению может быть для тех, кто здесь родился и вырос, на Кубани» (Владислав Т., 32 года)). Со слов учителей, прагматическое мировосприятие учащихся прослеживается и в сфере патриотического воспитания, в результате чего патриотические практики обесцениваются и считаются излишне навязчивыми («С переменным успехом. К мероприятиям [Великой] Отечественной войне до 7 класса [относятся] хорошо. Дальше сложнее - иногда негативно» (Валерия Т., 27 лет); «В целом положительно, если таких мероприятий не слишком много» (Владислав Т., 32 года)).

Музейные работники. Несмотря на то, что в региональных музейных учреждениях Краснодарского края работают представители разных профессий, в контексте представленного исследования под «музейными работниками» понимаются те люди, которые принимают непосредственное участие в конструировании, поддержании и трансляции культуры памяти (то есть научные сотрудники музеев и экскурсоводы). Они гораздо меньше, чем преподавательский состав, связаны с молодежью, однако их экспертное мнение способно продемонстрировать третейский взгляд на вопрос о воздействии музеев на формирование идентичности молодых людей.

Музей для молодежи играет важную роль, поскольку он через наглядные образы прошлого, сконструированные в целостные визуальные нарративы, позволяет посмотреть на групповые прототипы и внешние барьеры социальной идентичности («Музейные экспозиции очень важны, абстрактная реконструкция

эпохи, произведенная в сознании каждого гражданина, важна для воспитания патриотизма, для осознания судеб своих предков, личной рефлексии прошлых эпох» (Екатерина Ш., 26 лет)). При этом при создании экспозиции и проведении экскурсий, согласно музейным работникам Краснодарского края, в большей степени должны превалировать позитивные образы. Поэтому образы прошлого, способные деформировать групповые прототипы, предоставив основания для конструирования диффузной идентичности молодежи, следует преподносить аккуратно (*«Существует ряд опасных мест: репрессии, Гражданская война, казачья эмиграция, коллаборационизм, Советско-финская война, роль личности Сталина, которые следует освещать в экскурсии осторожно, дипломатично, либо предусмотрительно опускать, оценивая личность экскурсанта»* (Екатерина Ш., 26 лет)).

Работники музея считают, что молодые люди испытывают доверие к музеям как каналу знаний о прошлом, поскольку обладают меньшим объемом информации (*«Критика мышления [у молодых посетителей] развита достаточно плохо»* (Светлана Х., 22 года); *«По причине того, что чаще сами разбираются в теме меньше, чем экскурсовод»* (Екатерина Ш., 26 лет)). Что касается интереса молодежи к посещению историко-краеведческих выставок, то он отсутствует. Работники краснодарских музеев отмечают, что молодые люди, во-первых, стремятся попасть в большие общероссийские музеи Москвы и Санкт-Петербурга, поскольку экспозиции в них посвящены громким историческим именами и ярким событиям прошлого, а во-вторых, вовлекаются в формат новых музеев, оснащенных электронно-интерактивными технологиями, чем традиционные краеведческие музеи похвастаться не могут (*«Современной молодой аудитории необходимо то, что сейчас активно апробируют в Питере и Москве»* (Светлана Х., 22 года); *«Молодежь проводит условный разрез на “ценные” и “неценные” экспонаты. Так вот в Петербурге, Москве – ценные, а в остальных городах просто история провинциальная»* (Александр Б., 29 лет); *«Сегодня молодежи, прежде всего школьникам, интереснее взаимодействовать лично с контентом музея, поэтому старые “музеи за стеклом” их и не*

привлекают» (Сергей Б., 27 лет)). Поэтому, как правило, молодые люди посещают историко-краеведческие музеи не самостоятельно, а организованными группами от образовательных учреждений, в результате чего у них создается ощущение «обязаловки» (*«Это “обязаловка”, а музей – все же дело добровольное. Часто детей везут несколько часов в автобусе, иногда через весь город/край. Тут беда. Лучше бы не приезжали, голодные, хотят в туалет, а не просвещаться»* (Екатерина Ш., 27 лет)).

Чтобы исправить положение, увеличить частоту посещений и их улучшить их качество, согласно мнению музейных работников, следует предпринять несколько мер: изучать спрос молодежной аудитории, разрабатывать маркетинговую стратегию, проводить продуманную PR-кампанию, привлекать дизайнеров, использующих методы 3D-визуализации (*«Нужно готовить качественные проекты, современно их оформлять, рекламировать, привлекать не “обязаловкой”, а изучая потребность публики»* (Екатерина Ш., 27 лет); *«Нужно использовать ресурсы продвижения в социальных сетях, стараться делать экспозиции с применением новых IT-технологий»* (Сергей Б., 27 лет)).

Таким образом, инфраструктура памяти Краснодарского края направлена на создание позитивных образов социальной идентичности, среди которых наиболее выраженными являются «русские» (групповой прототип общенациональной идентичности) и «казаки» (групповой прототип региональной идентичности). Первые предстают как целостная общность, обладающая единым коллективным самосознанием и преодолевающая любые трудности. Вторые – как особая группа людей, характеризующаяся военизированным укладом жизни, защищающая родную землю и являющаяся гарантом правопорядка. Однако среди учащейся молодежи наиболее востребованной является ориентация на общероссийские, а не региональные образы инфраструктуры памяти. Проблема отсутствия спроса групповых прототипов региональной идентичности 1) в их ограниченности на хронологически давних исторических периодах, 2) в их редуцированном содержании, то есть в подчеркивании исключительности, а не интегративности транслируемой идентичности. В условиях прагматичного стиля жизни

современной учащейся молодежи образы региональной идентичности, базирующиеся на темпоральной отдаленности и смысловой узости, утрачивают интерес в молодежной среде. Вследствие чего такие ресурсы инфраструктуры памяти, как школьный региональный учебный предмет «Кубановедение» и локальные историко-краеведческие музеи становятся малоэффективными в формировании социальной идентичности учащейся молодежи.

В рамках представленной главы можно сделать следующий вывод: коммеморативная культура учащейся молодежи и инфраструктура памяти влияют на формирование позитивной социальной идентичности. Но имеется группа риска, которая, обладая спутанной или негативной социальной идентичностью, способна к изменению значимых образов прошлого коммеморативного сообщества. Носители такой идентичности обладают меньшей степенью доверия к традиционным каналам получения знаний о прошлом, предпочитая цифровую среду. Причиной появления группы риска среди учащейся молодежи является внешнее и внутреннее несоответствие элементов культуры памяти: коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Память в пространстве социологии – очень сложный теоретический и методологический конструкт, поскольку воспоминания трудно поддаются измерению. Однако вопрос о том, почему люди обладают одинаковыми образами прошлого, необычно ведут себя при совместных актах воспоминания и назначают специальных лиц для сохранения прошлого своей группы, интересовал социологию с момента ее зарождения как науки. Социологическая наука понимает память не просто как знания, а как ценность. Но в зависимости от теоретических взглядов эта ценность формируется различными путями. С точки зрения классической французской школы социологии память становится ценностью только в тот момент, когда она консолидирует общество вокруг единой социальной рамки прошлого, заставляя всех разрозненных членов чувствовать свою общность, поддерживаемую практиками поминовения. С позиции феноменологического подхода ценность прошлого возникает только тогда, когда люди испытали одинаковое «шоковое состояние», то есть преломление повседневности, переструктурирование жизненного мира, в котором появились чуждые и непривычные элементы. Через теоретическую призму структурного функционализма память имеет инструментальное начало, поскольку посредством образов прошлого люди конституируют свой социальный статус. Следовательно, воспоминания становятся ценностью, постольку легитимируют положение в обществе.

На основе общих воспоминаний, представляющих значимость для людей, складывается коммеморативное сообщество, имеющее уникальную культуру памяти – систему сохранения, поддержания и воспроизводства совокупности ценных образов общего прошлого. Культура памяти состоит из двух взаимодополняемых элементов: коммеморативной культуры, то есть набора актуальных образов прошлого, циркулирующих в процессе коммуникации между членами сообщества, и инфраструктурой памяти – комплекса социальной организации, обеспечивающего воспроизводство общих воспоминаний. Если

групповые прототипы и ценности коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти, заключенные в образах прошлого, совпадают, то в единстве находится действительная и номинальная идентичности, что обуславливает формирование позитивной социальной идентичности сообщества. При этом каждый элемент культуры памяти имеет несколько измерений (ментальное, социальное, материальное), которые также должны быть внутренне согласованы друг с другом. Тем самым совпадение элементов культуры памяти и их внутреннее единство является критерием устойчивости коммеморативного сообщества. В противном случае появляется спутанная или негативная идентичности, которые ставят под вопрос ценность общих воспоминаний, в результате чего появляется угроза стабильного существования коммеморативного сообщества.

Многонациональный российский народ, обладая уникальной культурой памяти, имеет как сложившуюся коммеморативную культуру, так и устоявшуюся инфраструктуру памяти, нарративы которых соединены в масштабе исторической памяти. Российская молодежь, являясь носителем исторической памяти и участником коммеморативной культуры, при общей тенденции десакрализации памяти приобщается к коммеморативному сообществу через два образа прошлого. Через образ Великой Отечественной войны, считающейся самым ценным событием и подкрепляющейся капиталом семейной памяти, и через образ «брежневской эпохи», выделяющейся среди других исторических периодов социальной справедливостью, успехами в науке и образовании. При этом в коммеморативной культуре российской молодежи младшей возрастной когорты (людей 18-24 лет) заметны риски, способные привести к трансформациям российского коммеморативного сообщества:

- обесценивание элементов инфраструктуры памяти, связанных с образом Великой Отечественной войны, что ведет к росту настроений по пересмотру и редуцированию устоявшихся коммеморативных практик вокруг Дня Победы;

- противоречивость сложившейся модели патриотического воспитания в системе школьного образования: несоответствие нарратива героизации

локальных войн инфраструктуры памяти с коммеморативной культурой учащейся молодежи;

– рост деструктивного влияния Интернета на формирование коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти в молодежной среде.

Что касается учащейся молодежи Краснодарского края, то ей, благодаря функционированию культуры памяти, в целом присуща позитивная общероссийская идентичность, что предопределяется высоким уровнем самооценки знаний по отечественной истории (в отличие от истории региона), наличием большой степени доверия к традиционным каналам получения исторической информации (учебникам, педагогам, музейным экспозициям), благосклонностью к коммеморативным практикам и мемориалам. Но среди учащейся молодежи Краснодарского края образуется «группа риска», для которой характерно наличие негативной идентичности, несущей деструктивный импульс для существования общероссийского коммеморативного сообщества. Учащаяся молодежь Краснодарского края, входящая в «группу риска», имеет деформации в социальном измерении культуры памяти: она меньше прислушивается к педагогу и родителям, но больше, чем другие молодые люди, доверяет Интернет-ресурсам в получении сведений о прошлом. Для такой учащейся молодежи коммеморативные практики не имеют личной и социальной значимой ценности, поэтому она несет ревизионистские настроения в отношении устоявшихся социально значимых практик поминовения.

Причины возникновения негативной социальной идентичности в среде учащейся молодежи Краснодарского края скрываются в несоответствиях элементов культуры памяти, среди которых:

– *разорванность групповых прототипов*: превалирование позитивной общероссийской идентичности объясняется функционированием инфраструктуры памяти Краснодарского края, которая нацелена на конструирование и ретрансляцию позитивных образов групповых прототипов идентичности. Центральным групповым прототипом в общенациональной идентичности выступает образ «русских», а в региональной идентичности – образ «казаков».

Общенациональный групповой прототип изображают как целостную общность, которая имеет единое коллективное самосознание, всегда активизирующееся перед натиском трудностей. Региональный групповой прототип идентичности презентуется как особая группа людей, которая живет военизированным укладом, защищает родные земли и выступает гарантом правопорядка. Тем самым региональная идентичность, основывающаяся на узком и «далеком» образце для подражания, не получает отклика в прагматично мыслящей молодежной среде. Следовательно, такие ресурсы инфраструктуры памяти, как школьный региональный учебный предмет «Кубановедение» и локальные историко-краеведческие музеи становятся менее эффективными в формировании позитивной социальной идентичности учащейся молодежи;

– *прагматизм исторического образования*: несмотря на декларируемую воспитательную функцию, школьное историческое образование больше акцентировано на практическое усвоение знаний о прошлом, где превалирующее значение имеет достижение предметных результатов (таких учебных показателей, как краевые и всероссийские проверочные работы, ОГЭ и ЕГЭ). Слабая связь таких элементов инфраструктуры памяти, как школа и музей, ограничивает развитие личностных образовательных результатов;

– *изолированность семейной памяти*: в то время как общероссийская память и региональная память коррелируют друг с другом, семейная память учащейся молодежи Краснодарского края остается автономной. Проблема заключается в том, что существенной привязкой семейного прошлого с событиями национальной истории в сознании учащейся молодежи обладает только образ Великой Отечественной войны, поэтому разрушение этого образа ведет к окончательному уничтожению ментального единства культуры памяти.

Иначе говоря, расхождение коммеморативной культуры и инфраструктуры памяти (несовпадение групповых прототипов), внутренняя несогласованность данных элементов (редуцирование коммеморативной культуры на образе Великой Отечественной войны, слабая коммуникация между институтами инфраструктуры памяти) ставит учащуюся молодежь в ограниченные рамки исторической памяти.

В такой ситуации для учащейся молодежи Интернет постепенно становится средством расширения рамок памяти, что способствует обретению новых групповых прототипов, смыслов и ценностей, несоответствующих общероссийской идентичности. Следовательно, для последующего исследования остается открытым вопрос о формах влияния Интернет-ресурсов на формирование культуры памяти в молодежной среде.

При этом для сохранения устойчивой общероссийской идентичности многонационального русского народа среди учащейся молодежи Краснодарского края предлагаются следующие рекомендации:

1) Научному историческому сообществу конструировать общенациональные и региональные групповые прототипы, которые будут иметь общий интегративный потенциал;

2) В школьном историческом образовании обратить внимание учительского сообщества на поиск новых реперных точек исторической памяти для формирования связности и целостности общероссийской, региональной и семейной памяти;

3) Министерству образования и науки РФ обращать внимание при подготовке учителей истории не только на освоение учебно-методических знаний, но и на воспитательные компетенции;

4) Министерству образования, науки и молодежной политики Краснодарского края стимулировать воспитательную работу учителей по истории;

5) Федеральным и региональным СМИ поддерживать престиж образов традиционных каналов получения информации о прошлом;

6) Федеральным и региональным органам власти стимулировать расширение инфраструктуры памяти общероссийского коммеморативного сообщества в Интернете: создание единого образовательного пространства в цифровой среде, основывающегося на принципе взаимодействия институтов памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии

1. Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. – СПб. : Издательство «Алетейя», 2000. – 272 с.
2. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
4. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
5. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
6. Ассман, А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
7. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : «Языки славянской культуры», 2004. – 368 с.
8. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
9. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М. : Академический Проект, 2008. – 351 с.
10. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
11. Бедерханова, В. П. Роль школьных курсов литературы, истории и обществознания в профилактике экстремизма в молодёжной среде / В. П. Бедерханова, А. А. Остапенко, Т. А. Хагуров. – Краснодар : Издательство «Парабеллум», 2017. – 164 с.

12. Безрогов, В. Г. Помнить нельзя забыть: коллективная память, воспоминания о детстве и тема войны в учебниках для начальной школы конца 1940-х – начала 2000-х гг. // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. – Краснодар : Экоинвест. – 2010. – С. 31-65.
13. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. – М. : Медим, 1996. – 240 с.
14. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.
15. Бойм, С. Будущее ностальгии / С. Бойм. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 681 с.
16. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
17. Бурдье, П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдье, Ж.-К. Пассрон. – М. : Просвещение, 2007. – 267 с.
18. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
19. Бурдье, П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 293-315.
20. Вальденфельс, Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии / Б. Вальденфельс // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. – Минск : Пропилей, 1999. – С. 123-140.
21. Вальденфельс, Б. Происхождение норм из жизненного мира / Б. Вальденфельс // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. Минск : Пропилей, 1999. – С. 79-104.
22. Гидденс, Э. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 336 с.
23. Горшков, М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

24. Гоффман, Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Э. Гоффман. – М. : Элементарные формы, 2017. – 382 с.
25. Гудков, Л. Д. Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зорская. – М. : Московская школа политехнических исследований, 2011. – 96 с.
26. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и антропологический феномен / П. С. Гуревич, Э. М. Спирина. – М. : Канон+, 2015. – 367 с.
27. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. – М. : Академический Проект, 2009. – 489 с.
28. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М. : Весь мир, 2018. – 384 с.
29. Дзялошинский, И. М. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года. Монография / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – М. : Издательство АПК и ППРО, 2017. – 445 с.
30. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
31. Дуглас, М. Как мыслят институты / М. Дуглас. – М. : Элементарные формы, 2020. – 250 с.
32. Дюркгейм, Э. Материалистическое понимание истории / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод и назначение. – М. : Канон, 1995. – С. 199-207.
33. Дюркгейм, Э. Педагогика и социология / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод и назначение. – М. : Канон, 1995. – С. 244-264.
34. Дюркгейм, Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод и назначение. – М. : Канон, 1995. – С. 208-243.
35. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии / Э. Дюркгейм. – М. : Элементарные формы, 2018. – 808 с.
36. Зенкин, С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. / С. Зенкин. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – 537 с.

37. Историческое сознание российской молодежи: монография / под общ. ред. С. В. Алексеева. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 115 с.
38. Кайуа, Р. Двойственность сакрального / Р. Кайуа // Коллеж социологии. 1937-1939. – М. : Наука, 2004. – С. 237-262.
39. Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М. ОГИ: , 2003. – 296 с.
40. Колеватов, В. А. Социальная память и познание / В. А. Колеватов. – М. : Мысль, 1984. – 190 с.
41. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 296 с.
42. Копытофф, И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс / И. Копытофф // Социология вещей. Сборник статей. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2004. – С. 134-166.
43. Коэн Д. К. Ловушки преподавания / Д. К. Коэн. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 287 с.
44. Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Г. Люббе. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.
45. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – С. 27-53.
46. Мегилл, А. Историческая эпистемология: научная монография / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 480 с.
47. Меренков, А. В. Городской памятник как механизм трансляции социальной памяти / А. В. Меренков, Н. В. Антонова // Социальное пространство современного города: монография / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – С. 78-99.
48. Мид, Дж. Г. Разум, Я и общество / Дж. Г. Мид // Избранное: Сб. переводов. – М. : ИНИОН РАН, 2009. – С. 138-218.

49. Мид, Дж. Г. Философия акта / Дж. Г. Мид // Избранное: Сб. переводов. М. : ИНИОН РАН, 2009. – С. 219-289.
50. Миллер, А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. / А. Миллер // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7-32.
51. Миллер, А. Историческая политика в России: новый поворот? / А. Миллер // Историческая политика в XXI в. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 328-367.
52. Молодежь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад / ред. В. А. Тишков, В. Н. Коновалов, П. Н. Лукичев, В. В. Степанов. – М.; Ростов н/Д., 2014. – 84 с.
53. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб. : Издательство С-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.
54. Омельченко, Е. С. Молодежь: открытый вопрос / Е. С. Омельченко. – Ульяновск : Симбирская книга, 2004. – 184 с.
55. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.
56. Попов, М. Е. Конфликт идентичностей / М. Е. Попов // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М. : Весь мир, 2017. – С. 295-299.
57. Радаев, В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
58. Реброва, И. В. Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей; под ред. А. Ю. Рожкова. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 248-263.
59. Репина, Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» / Л. П. Репина // Прошлое

для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. – М : Аквилон. 2020. – С. 9-36.

60. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

61. Ритцер, Дж. Современные социологические теории. 5-е изд / Дж. Ритцер. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.

62. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. – М. : Весь мир, 2017. – 427 с.

63. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 456 с.

64. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

65. Сафронова, Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика, институциональное развитие / Ю. А. Сафронова // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. – М.; СПб. : Нестор-История, 2018. – С. 11-26.

66. Семенов, И. С. Национальная идентичность / И. С. Семенов // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М. : Весь мир, 2017. – С. 405-412.

67. Соломина, И. Ю. Социальная память и культура: архетип, памятник, забвение / И. Ю. Соломина. – Самара : ООО «РАКС-С», 2013. – 158 с.

68. Спасибо прадеду за Победу... : монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с.

69. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб. : Социально-психологический центр, 1991. – 500 с.

70. Тросби, Д. Экономика и культура / Д. Тросби. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с.
71. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
72. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и текстуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. – С. 47-96.
73. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
74. Харре, Р. Материальные объекты в социальных мирах / Харре Р. // Социология вещей. Сборник статей. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2004. – С. 118-133.
75. Шацкий, Е. История социологической мысли. Т.1. / Е. Шацкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 720 с.
76. Шеуджен, Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти / Э. А. Шеуджен. – М.-Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. – 280 с.
77. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2004. – 1056 с.
78. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

Периодические издания

79. Ананченко, А. Б. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. / А. Б. Ананченко, В. Л. Шаповалов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 1. – С. 100-111.
80. Андреев, А. Л. Русская мечта: взгляд социолога / Андреев А. Л. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 7. – С. 95-108.

81. Аникин, Д. А. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти / Д. А. Аникин, А. Ю. Бубнов // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 19-28
82. Архипова, А. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. Архипова, Д. Доронин, А. Кирзюк, Д. Радченко, А. Соколова, А. Титков, Е. Югай // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84-122.
83. Бараш, Р.Э. Историческая память россиян в актуальном общественно-политическом контексте / Р. Э. Бараш // Евразийство и мир. – 2019. – № 2. – С. 12-23.
84. Белопольская, Т. Н. Современное студенчество о Великой Отечественной войне / Т. Н. Белопольская // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 105-109.
85. Богдановская, И. М. Вербальная семантика представлений о городских памятниках у молодежи мегаполиса / И. М. Богдановская, П. А. Диденко, Н. Н. Королева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 4-1. – С. 67-77.
86. Бойков, В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования / В. Э. Бойков // Социология власти. – 2011. № 5. – С. 44-52.
87. Бондаренко, Г. И. Памятники Великой Отечественной войны в структуре ценностей современной молодежи / Г. И. Бондаренко, Н. Е. Продиблех // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 95-104.
88. Бориско, О. А. Факторы, субъекты и механизмы формирования региональной идентичности молодежи в представлениях студентов и школьников Краснодарского края / О. А. Бориско, С. А. Миронцева // Общество: политика, экономика, право. – Краснодар. – 2017. – № 12. – С. 19-23.
89. Васильев, А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 3. – № 2. – С. 141-167.

90. Васильев, А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия / А. Г. Васильев // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 19-49.
91. Векилова, С. А. Социальные рамки памяти межпоколенной семьи / С. А. Векилова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 6. – № 3. – С. 46-53.
92. Воденко, К. В. Историческая память в социально-гуманитарном дискурсе: многообразие мнений и подходов / К. В. Воденко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Социально-экономические науки. – 2020. – № 4 – С. 5-13.
93. Вульф, К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания / К. Вульф // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. 13. – № 3. – С. 23-50.
94. Габович, М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы / М. Габович // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3. – С. 93-111.
95. Галкин, А. А. Объективные вызовы и национальная идентичность: тенденции и проблемы / А. А. Галкин // Полития: анализ, хроника, прогноз. – 2013. – № 1(68). – С. 6-23.
96. Глотов, М. Б. Поколение как категория социологии / М. Б. Глотов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 42-48.
97. Головашина, О. В. Будет ли будущее у прошлого? Эмпирическое исследование фактологических знаний молодежи / О. В. Головашина // Ineternum. – 2014. – № 1. – С. 7-17.
98. Головашина, О. В. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян / О. В. Головашина, А. А. Линченко, Д. А. Аникин // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 123-133.
99. Донцова, М. В. Октябрьская революция 1917 г. в историческом сознании современной студенческой молодежи / М. В. Донцова, И. Г. Тажиудинова // Наследие веков. – 2017. – № 2. – С. 15-19.

100. Дробижева, Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы / Л. М. Дробижева // Власть. – 2014. – Т. 22. – № 11. – С. 12-16;
101. Дробижева, Л. М. Общероссийская идентичность в социологическом измерении / Л. М. Дробижева // Вестник российской нации. – 2021. – № 1-2 (77-78). – С. 39-52.
102. Дробижева, Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян / Л. М. Дробижева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 480-498;
103. Дутко, Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования / Ю. А. Дутко // Проблемы современного образования. 2020. – № 4. – С. 28-37.
104. Дюркгейм, Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия / Э. Дюркгейм // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 133-144.
105. Жаде, З. А. Многоуровневая идентичность: опыт исследования в республике Адыгея / З. А. Жаде // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 2. – С. 60-62.
106. Жаде, З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая / З. А. Жаде // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 5. – С. 19-23;
107. Зевако, Ю. В. Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг. / Зевако Ю. В. // Журнал Фронтальных Исследований. – 2021. – № 1. – С. 93-143.
108. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сборник статей. – М. : Новое издательство, 2011. – С. 10-29.
109. Зубанова, Л. Б. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала *Memory Studies* / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб // Социологические исследования. – 2021. – № 2. С. 140-145.

110. Зубок, Ю. А. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальности и новые теоретические подходы / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15. – М., 2017. – С. 12-48.
111. Ильинова, Н. А. Октябрьская революция 1917 года в оценке студенческой молодежи / Н. А. Ильинова, Е. С. Куква, С. В. Макеев, В. Н. Нехай, З. М. Хачецуков, А. Ю. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 4. – С. 180-196.
112. Касимов, Р. Н. Современные мифологемы о героях, или о чем может рассказать ученику учитель / Р. Н. Касимов // Народное образование. – 2014. – № 10. – С. 214-222.
113. Касьянов, В. В., Историческая и коллективная память и социальный порядок / В. В. Касьянов, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2019. – № 10. – С. 76-80.
114. Комаровский, В. С. Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России / В. С. Комаровский // Власть . – 2017. – № 10. – С. 7-15.
115. Кочергин, А. А. Великая Отечественная война в учебниках по истории кубанского казачества / А. А. Кочергин // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.). Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 582-591.
116. Кочергин, А. А. Казачья идентичность, историческая память, этнический дискурс: случай кубанского казачества / А. А. Кочергин // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. – М. : ИВ РАН, 2017. – С. 80-103.
117. Кузнецов, Д. Представления о «Перестройке» в современном российском обществе / Д. Кузнецов // Eastern review. – 2016. – Т.5. – С. 83-97.
118. Куркин, В. А. Роль исторического образования в политической социализации учащейся молодежи / В. А. Курукин // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 1. – С. 111-123.

119. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // Логос. – Т. 27. – № 1. – 2017. – С. 173-200.

120. Левинсон, А. Вам красного или белого? / А. Левинсон // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 105-108.

121. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2013. – № 3. – С. 243-256.

122. Мазур, Л. Н. Ностальгия по СССР. Память – мифы – политика? / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2019. – Вып. 19. – С. 180-206.

123. Малинина, Р. А. Gedächtnis - Erinnerung - Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода / Р. А. Малинина, Т. В. Пушкарева // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2009. – № 2. – 76-94.

124. Малинкин, А. Н. Историческая память о Великой отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты / А. Н. Малинкин // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 23-34.

125. Малинова, О. В. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. В. Малинова // Полития. – 2017. – № 4. – С. 6-22.

126. Манюхин, И. С. Новая концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории как программа развития школьного исторического образования в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – № 18(3). – С. 118-122.

127. Марченко, А. Ю. Коммеморативные стратегии формирования социокультурной идентичности / А. Ю. Марченко // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и

языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 6-14.

128. Мачульская, О. И. Морис Хальбвакс о социальной обусловленности индивидуальности / О. И. Мачульская // Философские науки. – 2015. – № 9. – С. 99-104.

129. Миклина, Л. И. Социальная память современной российской молодежи / Л. И. Миклина // Власть. – 2015. – № 1. – С. 136-140.

130. Молодыхенко, Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа / Е. Н. Молодыхенко // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – Т. 8. – № 3. – С. 122-133.

131. Мохов, С. В. Городской памятник, как инструмент nation - building: символическое пространство и историческая память / С. В. Мохов // Бизнес. Общество. Власть. 2011. – № 7. – С. 17-29.

132. Муха, В. Н. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в западной социологии / В. Н. Муха // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 253-255.

133. Нелина, Л. П. Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии / Л. П. Нелина // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 244-253.

134. Олейник, А. Н. Триангуляция в контент-анализе. вопросы методологии и эмпирическая проверка / А. Н. Олейник // Социологическое исследования. – 2009. № 2. – С. 65-79.

135. Олик, Дж. К. Коллективная память: две культуры / Дж. К. Олик // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4. – С. 22-49.

136. Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Дж. Олик // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11. – № 1. – С. 40-74.

137. Омельченко, Е. Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в. / Е. Л. Омельченко // Социологический ежегодник. – 2011. – С. 243-263.
138. Омельченко, Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений / Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 147-156.
139. Осипова, Ю. В. Теория контроля идентичности / Ю. В. Осипова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 215-224.
140. Павлова, Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры / Ю. В. Павлова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 10. – С. 447-455.
141. Павлова, Ю. В. Социальная память учителей истории: поколенческий аспект / Ю. В. Павлова // Социология и право. – 2016. – № 3 (33). – С. 89-97.
142. «Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4. – С. 11-21.
143. Петросянц, Д. В. Анализ каналов и способов получения информации российской студенческой молодежью / Д. В. Петросянц, И. В. Юшков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2017. – № 8. – С. 73-83.
144. Петухов, В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 119-138.
145. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации (Стенограмма дискуссии) // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. – М.-СПб. : Нестор-История, 2018. – С. 167-195.

146. Положенцева, И. В. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов / И. В. Положенцева, Т. Л. Кащенко // Власть. – 2014. – № 12. – С. 42-46.
147. Полякова, Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории / Н. Л. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – 22(4). – С. 22-42.
148. Пронина, Е. И. Из чего складываются мнения и сомнения студентов среднего профессионального образования / Е. И. Пронина // Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 323-335.
149. Раицкая, Л. К. Обзор как инструмент выявления трендов в исследуемой области знания / Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова // Высшее образование в России. – 2020. – № 3. – С. 37-57.
150. Раицкая, Л. К. Обзор как перспективный вид научной публикации, его типы и характеристики / Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова // Научный редактор и издатель. – 2019. – №4. – С. 131-139.
151. Рождественская, Е. Социальная память как объект социологического изучения / Е. Рождественская, В. Семенова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2011. – № 6. – С. 27-48.
152. Рожков А. Ю. «Маленькие истории» большой войны: воспоминания об «оккупированном детстве» в школьных сочинениях 1945 г. / А. Ю. Рожков // «Гуляй там, где все». История советского детства : опыт и перспективы исследования. – М. : РГГУ, 2013. – С. 259-292.
153. Рожков, А. Ю. Язык революции и революция в языке: дискурсивные практики молодого поколения Советской России (1920-е годы) / А. Ю. Рожков // Антропология конфликта и мира: Революции и перевороты XX в. в исторической и культурной памяти народов Юга России : материалы IV Всероссийской научно-

практической конференции (г. Краснодар, 24 ноября 2017 г.) к 100-летию Октябрьской революции. – Краснодар, 2017. – С. 158-169.

154. Ростовцев Е. А. Направление исследований в исторической памяти / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – Вып. 2. – С. 106-126.

155. Савельева, И. М. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. – 2011. – № 35. – С. 7-18.

156. Савин, И. С. Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе (по материалам полевых исследований 2016-2017 гг.) / И. С. Савин // Историческая память и идентичность на Северном Кавказе. – М., 2017. – С. 37-70.

157. Самарина, Н. Г. Современный музей: кризис или «ответ» на «вызов»? / Н. Г. Самарина // Диалог со временем. – 2009. – № 27. – С. 334-345.

158. Самаркина, И. В. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 159-171.

159. Сафронова, Ю. А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти / Ю. А. Сафронова // Политическая наука. – 2018. – № 3. С. 12-27.

160. Симонова, О. А. К формированию социологии идентичности / О. А. Симонова // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 45-61.

161. Сорокина, Н. Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? / Н. Д. Сорокина // Высшее образование в России. – 2020. – № 10. – С. 144-152.

162. Стрельникова, А. В. «Места памяти» в городском пространстве / А. В. Стрельникова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 231-238.

163. Студеникина, Е. С. Гражданская война в представлениях современного студенчества / Е. С. Студеникина // Наследие веков. – 2018. – № 2. – С. 14-18.
164. Сундукова, Т. О. Поколение Z: Что дальше? / Т. О. Сундукова, Г. В. Ванькина // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 26-28 ноября 2020). – Уфа, 2020. – С. 77-84.
165. Тишков, В. А. Историческая культура и идентичность / В. А. Тишков // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 4-16.
166. Устинкин, С.В. Память учащейся молодежи о Великой Отечественной войне: общее и особенное / С. В. Устрикин, Н. М. Морозова, П. И. Куконков // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков – М. : Новый Хронограф, 2020. С. 299-330.
167. Хачатрян, Л. А. Социальная польза музея для учащейся молодежи / Л. А. Хачатрян, А. А. Чернега // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социологи. – 2012. – Вып. 2. – С. 167-172.
168. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
169. Хунагов, Р. Д. Множество идентичностей в глобализирующемся мире / Р. Д. Хунагов // Власть. – 2013. – № 2. – С. 4-8.
170. Хунагов, Р. Д. Современная личность в поисках идентичности и аутентичности / Р. Д. Хунагов // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 3. – С. 134-144.
171. Широкалова, Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) / Г. С. Широкалова // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 145-153.
172. Шор-Чудновская, А. Советское прошлое в представлениях молодых россиян / А. Шор-Чудновская // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 173-189.

173. Шумилина-Павлова, М. О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи / М. О. Шумилина-Павлова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 4. – С. 226-232.
174. Ярмак, О. В. Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ российского медиапространства / О. В. Ярмак // Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 395-398.
175. Ярмак, О. В. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data / О. В. Ярмак, М. Г. Большакова, З. С. Савина // Kant. – 2021. – № 2. – С. 285-292.

Диссертационные исследования

176. Красноборов, М. А. Социальные технологии формирования исторической памяти обучающихся в системе среднего общего образования : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. 22.00.08 / М. А. Красноборов. – СПб., 2018. – 22 с.
177. Кулиш, В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / В. В. Кулиш. – Барнаул, 2011. – 178 с.
178. Лебедева, Г. В. Память и забвение как феномены культуры : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / Г. В. Лебедева. – Екатеринбург, 2006. – 168 с.
179. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2011. – 506 с.
180. Синицина, И. А. Историческая память как регулятив современной культуры : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.06 / И. А. Синицина. – Майкоп, 2008. – 144 с.

181. Соломина, И. Ю. Социальная память: структура и феномены : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / И. Ю. Соломина. – Самара, 2005. – 216 с.
182. Фролов, В.А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках: дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / В.А. Фролов. – Краснодар, 2014. – 203 с.
183. Шаповалова, Н. С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ : дисс. ... канд. соц. наук : 09.00.11 / Н. С. Шаповалова. – Саратов, 2012. – 142 с.

Интернет-ресурсы

184. Гудков, Л. Большой террор и репрессии. [Электронный ресурс] / Л. Гудков. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>
185. Кертман, Г. Образ 90-х в массовом сознании [Электронный ресурс] / Г. Кертман. – Режим доступа: <https://fom.ru/blogs/12407>.
186. Кузнецова, Н. В. Роль исторической памяти в патриотическом воспитании учащейся молодежи (социологический аспект) [Электронный ресурс] / Н. В. Кузнецова, Е. И. Пронина // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2020. – №11. – Режим доступа: <http://science-gsi.ru/wp-content/uploads/17.-Kuznetsova-N.-V.-Pronina-E.-I.-Rol-istoricheskoy-pamyati-v-patrioticheskom-vospitanii-uchashhejsya-molodezhi-sotsiologicheskijaspekt.pdf>
187. Романова А. П. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи [Электронный ресурс] / А. П. Романова, М. М. Федорова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Вып. 9 (95). – Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840012223-4-1/>.
188. Тощенко, Ж. В. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] / Ж. В. Тощенко // Новая и новейшая история. – № 4. – 2000. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>.

189. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>.

Литература на иностранных языках

190. Alexander, J. Theoretical Logic in Sociology. Vol. 4: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons / J. Alexander. – Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1984. – 530 p.

191. Arksey H. Scoping studies: towards a methodological framework / H. Arksey, L. O'Malley // International Journal of Social Research Methodology. – 2005. – 8(1). – P. 19-32.

192. Assman, A. Canon and Archive / A. Assman // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. – Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008. – P. 97-107.

193. Bach, J. The Berlin Wall after the Berlin Wall: Site into sight / J. Bach // Memory studies. – 2016. – Vol. 9 (1). – P. 48-62.

194. Bellah R. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life / R. Bellah, R Madsen, W. N. Sullivan, A. Swidler, S. M. Tipton // The Collective Memory Reader. – Oxford. 2011. – P. 229-230.

195. Brockmeier, J. Remembering and Forgetting: Narrative as Cultural Memory / J. Brockmeier // Culture & Psychology. – 2002. – Vol. 8(1). – P. 15-43.

196. Burk, P. J. Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address / P. J. Burk // Social Psychology Quarterly. – 2004. – Vol. 67. – № 1. – P. 5-15.

197. Burk, P. J. Identity Change / P. J. Burk // Social Psychology Quarterly. – 2006. Vol. 69. – № 1. – P. 81-86.

198. Burk, P. J. Identity Theory / P. J. Burk, J. E. Sets. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 256 p.

199. Calhoun, C. Social Theory and Politics of Identity // Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by Calhoun C. – Oxford : Blackwell, 1994. – P. 10-36.

200. Cappalletto, F. Long-Term Memory of Extreme Events: From Autobiography to History / F. Cappalletto // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2003. – 9 (2). – P. 241-260.
201. Connerton, P. Seven types of forgetting / P. Connerton // *Memory studies*. – 2008. – Vol. 1. – P. 59-71.
202. Crocetti, W. The Identity Statuses: Strengths of a Person-Centered Approach / W. Crocetti, W. Meeus // *The Oxford Handbook of Identity Development*. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – P. 97-114.
203. Cubitt, J. History and memory / Cubitt J. – Manchester : Manchester University Press. 2007. – 263 p.
204. Dolot, A. The Characteristics of Generation Z // *E-mentor*. – 2018. – № 2. – P. 44-50.
205. Douglas, K. Youth, trauma and memorialisation: The selfie as witnessing / K. Douglas // *Memory studies*. – 2017. – Vol. 13. – № 4. – P. 384-399.
206. Erll, A. *Memory in Culture*. – London: Palgrave Macmillan UK, 2011. – 209 p.
207. Erll, A. *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung* / A. Erll. – Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 2017. – 231 s.
208. Fisher, R. J. Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflict / R. J. Fisher // *Conflict: Human Needs Theory*. – London : Palgrave Macmillan. 1990. – P. 89-114.
209. Foucault, M. Film in Popular Memory: An Interview with Michel Foucault / M. Foucault // *The Collective Memory Reader*. – Oxford : Oxford University Press. 2011. – P. 249-251.
210. Friedmann, J. Order and Disorder in Global Systems: a Sketch / J. Friedmann // *Social Research*. – 1993. – Vol. 60. – № 2. – P. 205-234.
211. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 256 p.
212. Gephart, W. Memory and the sacred: The cult of anniversaries and commemorative rituals in the light of The Elementary Forms / W. Gephart // *On*

- Durkheim's Elementary forms of religious life. – London; New York : Routledge. – 1998. – P. 127-136.
213. Goffman, E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity / E. Goffman. – New York : Prentice-Hall, Inc., 1963. – 147 p.
214. Hall, S. Introduction: Who Needs «Identity»? / S. Hall // Questions of Cultural Identity. – London : Sage, 1996. – P. 1-17.
215. Hirst, W. Flashbulb Memories / W. Hirst, E. A. Phelps // Current Directions in Psychological Science. – 2016. – Vol. 25(1). – P. 36-41.
216. Hogenraad, R. Force and influence in content analysis: the production of new social knowledge. Quality & Quantity / R. Hogenraad, D. P. Mckenzie, N. Péladeau. – 2003. – № 37. – P. 221-238.
217. Hogg, M. A. Uncertainty–Identity Theory / M. A. Hogg // Advances in Experimental Social Psychology. – 2007. – Vol. 39. – P. 69-126.
218. Huddy, L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment / L. Huddy // The Oxford Handbook of Political Psychology. – 2013. – New York: Oxford University Press. – P. 737-773.
219. Huddy, L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory / L. Huddy // Political Psychology. – 2001. – Vol. 22. – № 1. – P. 127-156.
220. Huyssen, A. Present past. Urban Palimpsests and the Politics of Memory / A. Huyssen. – Stanford : Stanford University Press, 2003. – 177 p.
221. Irwin-Zarecka, I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory / I. Irwin-Zarecka. – New Brunswick: Transaction, 1994. – 214 p.
222. Jenkins, R. Social Identity / R. Jenkins. – London: Routledge, 2008. – 246 p.
223. Keightley, E. Memory and the Management of Change: Repossessing the Past / E. Keightley, M. Pickering. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 228 p.
224. Levine, M. G. Speaking in Starts: Postmemory and the Archive / M. G. Levine // Journal of Literature and Trauma Studies. – 2015. – Vol. 4. – № 1-2. – P.125-152.
225. Linde, C. Working the Past. Narrative and Institutional Memory / C. Linde. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 249 p.

226. Linchenko, A. With tears upon our eyes?: Commemorations of Victory Day in the Great Patriotic War in the school practice in the Soviet Union and Russia / A. Linchenko, O. Golovashina // *Journal of Social Science Education*. – 2019. – Vol. 18. – № 1. P. 56-80.
227. Mead, J. G. National-mindedness and International-mindedness // G. H. Mead. *A Reader* / Ed. by F. C. da Silva. – London; New York : Routledge, 2011. – P. 310-323.
228. Marcia, J. E. Development and Validation of Egoidentity Status / J. E. Marcia // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1966. – Vol. 3. – № 5. – P. 551-558.
229. Martin, D.-C. The Choices of Identity / D.-C. Martin // *Social Identities*. – 1998. – Vol. 1. – P. 5-20.
230. Meretoja, N. Non-subsumptive memory and narrative empathy / N. Meretoja // *Memory studies*. – 2021. – Vol. 14. – P. 3-9.
231. Meyer, E. Memory and Politics / E. Meyer // *Cultural memory studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. – Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008. – P. 173-180.
232. Olick, J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products / J. K. Olick // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. – P. 151-161.
233. Olick, J. The Memory Studies Association: Ambitions and an invitation / J. Olick, A. Sierp, J. Wustenberg // *Memory studies*. – 2017. – Vol. 10 (4). – P. 490-494.
234. Paulson, J. Education as site of memory: developing a research agenda / J. Paulson et al. // *International Studies in Sociology of Education*. – 2020. – №. 29(4). P. 429-451.
235. Pickering, M. *Auguste Comte: An Intellectual Biography* / M. Pickering. – Cambridge. 2009. – 637 p.
236. Rigney, A. Remembrance as Remaking: Memories of the Nation Revisited / A. Rigney // *Nations and Nationalism*. – 2018. – № 24(2). – P. 240-257.
237. Russel, N. Collective Memory before and after Halbwachs / N. Russel // *The French Review*. – 2006. – Vol. 79. – № 4. – P. 729-804.

238. Savage, S. P. The theories of Talcott Parsons. The social relations of action / S. P. Savage. – London : Macmillan Press, 1981. – 279 p.
239. Savin, S. D. Historical Memory of Ethno-Confessional Conflicts in Russia / S. D. Savin, M. S. Kasabutskaya // Vestnik of Saint Petersburg University. History. – 2019. – Vol. 64. – Iss. 3. – P. 1097–1113.
240. Segesten, A. D., Memory studies: The state of an emergent field / A. D. Segesten, J. Wüstenberg // Memory studies. – 2017. – Vol. 10 (4). – P. 474-489.
241. Smith, G. Erving Goffman / Smith G. – London; New York : Routledge, 2006. 145 p.
242. Somers, M. R. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach / M. R. Somers // Theory and Society. – 1994. – Vol. 23 (5). – P. 605-649.
243. Tajfel, H. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Political psychology: Key readings. – New York: 2004. – P. 276-293.
244. Talarico, J. Flashbulb memories result from ordinary memory processes and extraordinary event characteristics / J. Talarico, D. Rubin // Flashbulb Memories. New issues and new perspectives. – Hove; New York : Psychology Press, 2009. – P. 79-97.
245. Trošt, T. P. Remembering the good: constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia / T. P. Trošt // Memory studies. 2019. – № 12 (1). – P. 27-45.
246. Turner J. C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior / J. C. Turner // European Journal of Social Psychology. – 1975. – Vol. 5. – №. 1. – P. 5-34.
247. White, H.C. Identity and Control: How Social Formations Emerge. – Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2008. – 427 p.
248. Wydra, H. Generations of Memory: Elements of a Conceptual Framework / H. Wydra // Comparative Studies in Society and History. – 2018. – 60(1). – P. 5-34.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета для учащейся молодежи

Уважаемый респондент! Я, аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета, буду искренне признателен, если Вы ответите на вопросы анкеты. Я изучаю социальную память молодежи, и Ваши искренние ответы окажут мне помощь в научном анализе этой проблемы. Результаты исследования будут обобщены, поэтому все ответы имеют анонимный характер.

1. Нужно ли, по Вашему мнению, знать историю?

- 1) да
- 2) скорее да, чем нет
- 3) скорее нет, чем да
- 4) нет

2. Оцените свои знания о прошлом по пятибалльной шкале:

(где 1 – «ничего не известно», 5 – «отличное знание»)

	1	2	3	4	5
прошлое страны					
прошлое региона					
прошлое семьи					

3. Какие события из семейной истории Вам известны?

- 1) прошлое родителей
- 2) прошлое бабушек и дедушек
- 3) прошлое прабабушек и прадедушек
- 4) прошлое более ранних поколений
- 5) история семьи мне не известна

4. Как Вы относитесь к перечисленным периодам / эпохам отечественной истории (положительно или отрицательно)?

	отрицательно	положительно
Российская империя в начале XX в.		
Революционные события 1917 г.		
СССР при Сталине		
СССР при Хрущеве		
СССР при Брежнев		
СССР при Горбачеве		
Россия при Ельцине		

Россия 2000-х		
---------------	--	--

5. Определите степень значимости событий современной истории России (с 1991 г. по настоящее время) по пятибалльной шкале:

(если Вам неизвестно событие, то ставьте отметку под столбцом с цифрой «1»)

	1	2	3	4	5
августовский кризис 1991 г.					
подписание федеративного договора					
расстрел Белого дома 1993 г.					
принятие Конституции РФ					
первый чеченский конфликт 1994-1996 гг.					
дефолт 1998 г.					
второй чеченский конфликт 1999-2009 гг.					
вооруженный конфликт в Южной Осетии					
воссоединение Крыма с Россией					
участие вооруженных сил РФ в сирийском конфликте					

6. Как часто Вы целенаправленно читаете книги и / или статьи по истории России?

- 1) каждую неделю
- 2) один раз в месяц
- 3) один-два раза в год
- 4) никогда не читаю

7. На кого в Вашей семье возложена обязанность следить за сохранностью памятников умерших родственников?

- 1) я принимаю непосредственное участие в сохранении памятников умерших родственников;
- 2) за уборку памятников моих предков полностью ответственны мои родители;
- 3) содержание и сохранность кладбищенских мемориалов – это занятие дальних родственников;
- 4) в нашей семье никто не занимается уборкой памятников умерших родственников;

8. Кто должен нести ответственность за содержание общественных (публичных) памятников?

- 1) общественные организации (военно-исторические кружки, волонтерские движения);

- 2) администрация образовательных учреждений (школ, училищ, колледжей, вузов);
- 3) школьные и студенческие активисты;
- 4) органы местного самоуправления;
- 5) коммерческие организации;
- 6) другое _____

9. Как часто Вы посещаете исторические / краеведческие музеи?

- 1) несколько раз в месяц
- 2) раз в месяц
- 3) раз в полгода
- 4) раз в год
- 5) не посещаю

10. Укажите Вашу степень доверия к источнику, из которого можно получить историческую информацию:

	не доверяю	скорее не доверяю	скорее доверяю	доверяю
учитель школы				
преподаватель университета				
учебная литература				
научная литература				
интернет ресурсы				
телевизионная передача				
музейная экспозиция				
родственники				
художественный фильм				
художественная литература				

11. Как Вы относитесь к официальным патриотическим мероприятиям, связанным с Великой Отечественной войной? (примеры мероприятий: Парад Победы, Бессмертный полк, организация встреч школьников и студентов с ветеранами, акция «Георгиевская лента» и т.д.)

- 1) положительно: эти мероприятия необходимы для воспитания молодого поколения
- 2) нейтрально: для других людей они важны, но не для меня

- 3) негативно: я считаю, что общество в таких мероприятиях не нуждается

12. Какое, по Вашему мнению, качество преподавания истории в современной российской школе?

- 1) неудовлетворительное
- 2) удовлетворительное
- 3) хорошее
- 4) отличное

13. Какие интернет ресурсы Вы используете чаще всего для получения исторических знаний? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

- 1) научно-образовательные платформы (Постнаука, Arzamas, Coursera, Serious Science, Гефтер)
- 2) ролики блогеров на видеохостинге Youtube
- 3) паблики / сообщества в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, Twitter, Instagram, Одноклассники)
- 4) сайты научных журналов
- 5) сайты с исторической тематикой (История.рф, Культура.рф)
- 6) электронные СМИ
- 7) Википедия
- 8) сторонние сайты, найденные через поисковые системы
- 9) никогда не пользуюсь интернет-ресурсами для получения исторических знаний
- 10) другое: _____

14. Что, по Вашему мнению, необходимо делать со страницами умерших пользователей в социальных интернет сетях?

- 1) удалять (уничтожать все данные об умершем пользователе)
- 2) консервировать (оставлять данные аккаунта с ограничением возможности комментирования и отправки сообщений)
- 3) передавать право пользования аккаунтом ближайшим родственникам
- 4) другое: _____

15. На какой ступени образования Вы находитесь в данный момент?

- 1) среднее общее (9-ый класс)
- 2) среднее полное (10-11 класс)
- 3) среднее профессиональное (колледж, училище)
- 4) высшее неполное (бакалавриат)
- 5) высшее полной (специалитет, магистратура)

16. Ваш пол:

мужской

женский

17. Ваш возраст: _____

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Сценарий интервью

Здравствуйте, меня зовут Рунаев Тимофей. Я аспирант факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета. Сейчас мы проводим исследование, посвященное тому, как молодые люди вспоминают события прошлого своего народа и государства, для чего Вам предложено стать участником интервью. Чтобы не упустить ни одной важной детали разговора, ход интервью будет записываться на диктофон.

Примерные вопросы:

Нарративный блок (1-3 вопросы):

1. Что Вы помните из своей жизни? Какие ключевые моменты из своего личного опыта Вы можете перечислить? Какие события произошли с Вами месяц назад? Какие события произошли с Вами год назад?

2. Что Вы помните из прошлого своей семьи? (В случае затруднения ответа информанту задается следующий вопрос) Почему Вы не владеете информацией об истории своих предков и дальних родственниках?

3. Что Вы помните из истории своего Отечества? Какие события прошлого России являются ключевыми? В чем, по Вашему мнению, заключается значимость этих событий?

Коммеморативный блок (4-6 вопросы):

4. Что такое минута молчания? О чем ты думаешь во время минуты молчания? Задумываетесь ли Вы о повседневных и обыденных вещах в этот момент?

5. Зачем необходим праздник 9 мая? Что Вы знаете об этом празднике? Как ты проводишь время 9 мая?

6. Что для Вас означает термин, понятие «памятник»? Каково его предназначение? Кто должен следить за памятниками? Есть ли у Вас памятные вещи, которые ценны для Вас и Вашей семьи? Если да, то какие?

Блок по исторической политике (7-9 вопросы):

7. Из каких источников Вы узнаете историю? Какую роль, по Вашему мнению, играет школа в передаче памяти о прошлом народа? Какую роль играет семья?

8. Какие события жизни следует забывать? Или стоит помнить все моменты прошлого? Как Вам кажется, должно ли государство влиять на память человека? Попробуйте оценить влияние государства на память человека.

9. Можно ли быть патриотом, не зная истории своего народа?

Приложение В

Список респондентов интервью

Таблица В1 – Перечень информантов среди учащейся молодежи Краснодарского края

№ п/п	имя	возраст	статус	место жительства	дата интервью
1.	Адам З.	24	студент	г. Сочи	4.09.2021
2.	Александр Б.	17	школьник	ст. Старокорсунская	25.04.2021
3.	Андрей Б.	27	аспирант	г. Краснодар	21.04.2021
4.	Анна М.	23	студент	г. Краснодар	21.01.2018
5.	Арина М.	23	студент	ст. Медведовская	25.02.2018
6.	Артемий Ш.	16	школьник	ст. Медведовская	17.03.2021
7.	Вадим В.	27	студент	г. Краснодар	22.02.2021
8.	Вадим К.	16	школьник	г. Краснодар	18.03.2021
9.	Виолетта К.	15	школьник	г. Краснодар	15.05.2021
10.	Вячеслав Г.	24	студент	г. Краснодар	14.10.2017
11.	Диана В.	21	студент	г. Краснодар	4.03.2021
12.	Евгений Г.	18	студент	г. Анапа	23.04.2021
13.	Екатерина П.	18	студент	г. Краснодар	2.03.2018
14.	Елизавета П.	16	школьник	г. Краснодар	20.05.2021
15.	Иван Г.	26	аспирант	г. Краснодар	19.05.2021
16.	Иван К.	18	студент	г. Краснодар	19.07.2021
17.	Иван М.	17	школьник	г. Краснодар	25.04.2021
18.	Иван Ч.	23	студент	ст. Медведовская	10.03.2018
19.	Ирина С.	21	студент	г. Краснодар	4.03.2021

20.	Кирилл В.	16	школьник	г. Краснодар	22.04.2021
21.	Леонид К.	17	школьник	г. Краснодар	20.04.2021
22.	Маргарита Ш.	23	студент	г. Тимашевск	18.04.2018
23.	Мария Б.	19	студент	г. Краснодар	14.04.2018
24.	Мария Я.	17	школьник	ст. Медведовская	17.03.2021
25.	Никита С.	20	студент	г. Краснодар	18.03.2021
26.	Светлана К.	24	студент	г. Краснодар	22.02.2021
27.	Сергей Ф.	25	студент	ст. Новокорсунская	9.12.2017
28.	Юрий А.	23	студент	ст. Медведовская	5.03.2018
29.	Юрий М.	24	студент	г. Краснодар	10.10.2017
30.	Яна Ц.	21	студент	г. Краснодар	4.03.2021

Таблица В2 – Перечень информантов среди учителей и музейных работников

№ п/п	имя	возраст	должность	место работы	дата интервью
1.	Александр Б.	29	младший научный сотрудник музея	г. Краснодар	22.03.2021
2.	Анастасия П.	35	учитель истории	г. Краснодар	2.10.2021
3.	Вадим А.	28	учитель истории	г. Краснодар	6.10.2021
4.	Валерия Т.	27	учитель истории	г. Краснодар	21.09.2021
5.	Владислав Т.	32	учитель истории	г. Анапа	1.10.2021
6.	Екатерина Ш.	27	младший научный сотрудник музея	г. Краснодар	30.09.2021
7.	Лариса Т.	40	учитель истории	ст. Медведовская	3.10.2021
8.	Светлана Х.	22	младший научный сотрудник музея	г. Краснодар	27.09.2021
9.	Сергей Б.	27	экскурсовод	г. Краснодар	13.09.2021

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Контент-анализ школьных учебников по истории

Таблица Г1 – Характеристика контент-анализа

	История России	Кубановедение
корпус учебников:	учебники под общей редакцией А. В. Торкунова (6-10 класс)	учебники под редакцией А. А. Зайцева (6-10 класс)
единица подсчета:	слово	слово
массив слов:	349945	55407
критерий выборки	частота слова $\geq 0,01\%$ от массива	частота слова $\geq 0,01\%$ от массива
инструмент обработки	Atlas.ti 9	Atlas.ti 9

Таблица Г2 – Коллективные акторы нарратива школьных учебников по «Истории России»

глава государства	частота	% от массива	% от выборки
князь	582	0,17%	7,78%
царь	476	0,14%	6,37%
император	248	0,07%	3,32%
государь	102	0,03%	1,36%
правитель	97	0,03%	1,3%
президент	95	0,03%	1,27%
хан	93	0,03%	1,24%
императрица	50	0,01%	0,67%
монарх	36	0,01%	0,48%
ИТОГО:	1779	0,52%	23,79%
партии	частота	% от массива	% от выборки
большевики	180	0,05%	2,41%
КПСС	87	0,02%	1,16%
эсеры	67	0,02%	0,9%
ВКП(б)	40	0,01%	0,54%
меньшевики	33	0,01%	0,44%
кадеты	31	0,01%	0,41%
коммунисты	30	0,01%	0,4%
октябристы	24	0,01%	0,32%

ИТОГО:	492	0,14%	6,58%
органы власти	частота	% от массива	% от выборки
правительство	397	0,11%	5,31%
Государственная дума	67	0,02%	0,9%
министерство	61	0,02%	0,82%
Временное правительство	43	0,01%	0,58%
сенат	42	0,01%	0,56%
земство	38	0,01%	0,51%
советы	29	0,01%	0,39%
Земский собор	24	0,01%	0,32%
ИТОГО:	701	0,2%	9,39%
государственные должности	частота	% от массива	% от выборки
министр	189	0,05%	2,52%
губернатор	58	0,02%	0,78%
нарком	32	0,01%	0,43%
ИТОГО:	279	0,08%	3,73%
церковные должности	частота	% от массива	% от выборки
патриарх	119	0,03%	1,59%
митрополит	117	0,03%	1,57%
ИТОГО:	236	0,06%	3,16%
военные должности	частота	% от массива	% от выборки
генерал	223	0,06%	2,98%
солдат	93	0,03%	1,24%
военачальник	48	0,01%	0,64%
командующий	39	0,01%	0,52%
адмирал	38	0,01%	0,51%
ИТОГО:	441	0,12%	5,89%
социальные слои	частота	% от массива	% от выборки
крестьяне	789	0,23%	10,55%
дворяне	356	0,1%	4,76%
бояре	171	0,05%	2,29%
купцы	161	0,05%	2,15%
казаки	138	0,04%	1,86%
ученые	131	0,04%	1,75%
рабочие	114	0,03%	1,52%
чиновники	103	0,03%	1,38%
интеллигенция	103	0,03%	1,38%
духовенство	87	0,02%	1,16%

буржуазия	55	0,01%	0,74%
ИТОГО:	2208	0,63%	29,54%
этничность	частота	% от массива	% от выборки
русские	935	0,28%	12,5%
татары	100	0,03%	1,34%
немцы	85	0,02%	1,14%
поляки	62	0,02%	0,83%
греки	47	0,01%	0,63%
евреи	46	0,01%	0,61%
украинцы	36	0,01%	0,48%
турки	29	0,01%	0,39%
ИТОГО:	1340	0,39%	17,92%
ВСЕГО:	7476	2,13%	100%

Таблица ГЗ – Коллективные акторы нарратива школьных учебников по «Кубановедению»

глава государства	частота	% от массива	% от выборки
князь	89	0,16%	5,83%
хан	44	0,08%	2,88%
султан	25	0,05%	1,64%
царь	22	0,04%	1,44%
император	12	0,02%	0,79%
президент	5	0,01%	0,33%
императрица	5	0,01%	0,33%
ИТОГО:	202	0,36%	13,24%
социальные слои	частота	% от массива	% от выборки
казаки	331	0,6%	21,69%
крестьяне	69	0,12%	4,52%
купцы	30	0,05%	1,97%
иностранцы	22	0,04%	1,44%
дворяне	10	0,02%	0,66%
ученые	8	0,01%	0,52%
рабочие	6	0,01%	0,39%
ИТОГО:	476	0,85%	31,19%
этничность	частота	% от массива	% от выборки
русские	159	0,29%	10,42%
адыги	115	0,2%	7,54%
ногайцы	65	0,12%	4,24%
черкесы	43	0,08%	2,81%

турки	28	0,05%	1,84%
татары	19	0,03%	1,25%
генуэзцы	12	0,02%	0,79%
калмыки	11	0,02%	0,72%
армяне	7	0,01%	0,46%
немцы	7	0,01%	0,46%
греки	7	0,01%	0,46%
ИТОГО:	473	0,8%	30,99%
военные должности	частота	% от массива	% от выборки
атаман	74	0,13%	4,85%
генерал	47	0,08%	3,08%
солдат	23	0,04%	1,5%
пластун	22	0,04%	1,44%
адмирал	10	0,02%	0,66%
командующий	5	0,01%	0,33%
ИТОГО:	181	0,32%	11,86%
государственные должности	частота	% от массива	% от выборки
губернатор	10	0,02%	0,66%
ИТОГО:	10	0,02%	0,66%
партии	частота	% от массива	% от выборки
КПСС	10	0,02%	0,66%
большевики	9	0,01%	0,59%
ИТОГО:	19	0,03%	1,25%
территориальная принадлежность	частота	% от массива	% от выборки
горцы	89	0,16%	5,83%
кубанцы	35	0,06%	2,29%
черноморцы	32	0,06%	2,1%
станичники	9	0,02%	0,59%
ИТОГО:	165	0,3%	10,81%
ВСЕГО:	1526	2,8%	100%

Таблица Г4 – Индивидуальные акторы нарратива школьных учебников по «Истории России»

исторические личности	частота	% от массива	% от выборки
Петр I	217	0,06%	9,66%
Сталин	185	0,05%	8,24%
Екатерина II	149	0,04%	6,63%

Иван Грозный	134	0,04%	5,97%
Александр I	117	0,03%	5,21%
Иван III	93	0,03%	4,14%
Ленин	89	0,03%	3,96%
Хрущев	79	0,02%	3,52%
Николай I	66	0,02%	2,94%
Александр II	65	0,02%	2,89%
Алексей Михайлович	60	0,02%	2,67%
Василий III	60	0,02%	2,67%
Горбачев	58	0,02%	2,58%
Александр III	54	0,02%	2,40%
Пугачев	53	0,02%	2,36%
Владимир Святославич	49	0,01%	2,18%
Батый	46	0,01%	2,05%
Елизавета Петровна	42	0,01%	1,87%
Василий Шуйский	41	0,01%	1,83%
Борис Годунов	37	0,01%	1,65%
Кутузов	36	0,01%	1,60%
Иван Калита	34	0,01%	1,51%
Ярослав Мудрый	34	0,01%	1,51%
Чингисхан	33	0,01%	1,47%
Ельцин	32	0,01%	1,42%
Суворов	32	0,01%	1,42%
Никон	31	0,01%	1,38%
Путин	30	0,01%	1,34%
Александр Невский	29	0,01%	1,29%
Святослав	28	0,01%	1,25%
Владимир Мономах	27	0,01%	1,20%
Разин	27	0,01%	1,20%
Троцкий	25	0,01%	1,11%
Михаил Федорович	24	0,01%	1,07%
Брежнев	23	0,01%	1,02%
Дмитрий Донской	23	0,01%	1,02%
Витте	21	0,01%	0,93%
Пожарский	21	0,01%	0,93%
Потемкин	21	0,01%	0,93%
Пушкин	21	0,01%	0,93%
ВСЕГО:	2246	0,64%	100%

Таблица Г5 – Индивидуальные акторы нарратива школьных учебников по «Кубановедению»

исторические личности	частота	% от массива	% от выборки
Мстислав	25	0,05%	9,12%
Суворов	23	0,04%	8,39%

Пушкин	23	0,04%	8,39%
Святослав	20	0,04%	7,30%
Головатый	18	0,03%	6,57%
Лермонтов	13	0,02%	4,74%
Щербина	13	0,02%	4,74%
Бурсак	12	0,02%	4,38%
Попко	10	0,02%	3,65%
Некрасов	10	0,02%	3,65%
Петр I	10	0,02%	3,65%
Чингисхан	10	0,02%	3,65%
Ласси	9	0,02%	3,28%
Чепега	9	0,02%	3,28%
Грибоедов	8	0,01%	2,92%
Сталин	7	0,01%	2,55%
Котляревский	7	0,01%	2,55%
Деникин	6	0,01%	2,19%
Мухеммед-Амин	6	0,01%	2,19%
Ленин	5	0,01%	1,82%
Потемкин	5	0,01%	1,82%
Сефер-бей	5	0,01%	1,82%
Екатерина II	4	0,01%	1,46%
Хрущев	4	0,01%	1,46%
Егоров	4	0,01%	1,46%
Филимонов	4	0,01%	1,46%
Ковтюх	4	0,01%	1,46%
ВСЕГО:	274	0,36%	100%